

Алексей Митрофанов

РОССИЯ

перед распадом
или вступлением в Евросоюз

Содержание

Предисловие..... 10

Введение. «Оранжевая революция» на Украине и вступление России в Евросоюз

Слом украинской олигархической структуры - ключевой момент для России. — Конец «восточнославянского блока». Крах американских амбиций. — Объединенная Европа против США. Культурное единство. Проблема Кавказа..... 12

Глава I. Путь к распаду - федеральные округа

Эгоизм регионов. Успехи регионов в обеспечении их квазигосударственности. Делегирование несвойственных конституциональных прав: парадипломатия регионов. Федеральные округа — путь к суверенизации регионов. Зоны геополитического притяжения. Рост этнорегиональной бюрократии: подготовка кадров для будущей суверенизации. Экономика регионов — основа центробежных тенденций. Опасность превращения РФ в новую федералистскую империю. Необходимость усиления Центра и обуздания этнорегиональной элиты. Период распада без лидирующей роли Центра: 10—15 лет..... 18

Глава II. Анатомия распада

Ситуация распада. Бурбулис — архитектор Беловежского соглашения. Общая платформа лидеров национальных республик СССР: ниспровержение Горбачева. Неосуществимость общего экономического пространства СНГ в начале его существования. Рублевая зона и страны СНГ. Чеченский «облом» 1992 г.: ссора Хасбулатова и Дудаева. Запрет на перевод денег в Чечню. Москва — российский Гонконг. Кони глобализма: взятки, коррупция. «Голуби» в Кремле и война в Чечне: чтобы убрать коррупцию в Москве, надо ударить по Чечне! Грачев и военные: против войны. Геополитика плюс геоэкономика: развитие значимых для мирового рынка отраслей (нефть, газ, алмазы, благородные металлы)..... 40

Глава III. Петербург — идеология распада

Поездка Петра в Европу. Друзья Петра: Лефорт, Брюс и другие англо-немецкие сотоварищи. Англичане руками Петра устраняют шведов со сцены истории. Город иностранцев и для иностранцев — Санкт-Петербург. Аберрация сознания. Петербург и его население..... 71

Глава IV. Армия - строитель Отечества

Мирная колонизация славянами Восточной Европы: вооруженные племена. Охрана торговых путей из Европы в халифат: зарождение военных дружин, князей и их операционных баз — городов Древней Руси.

Москва — центр единения великорусского народа. Расширение ареала:

строительство крепостей по периметру пограничья. Стрельцы, казаки, воеводы. Россия — величайшая империя мира: от Калифорнии до

Варшавы. Тихий океан — «наше море». Гавайи — русские острова..... 104

Глава V. Распад СССР. Канун 1991 года

Мотивы распада. Как готовился распад. Застойный период и значение украинского бюрократизма. Несменяемость партийно-государственных кадров. Национализм Украины — двигатель распада СССР. Прагматизм прибалтов. Клань Брежнева и Хрущева. Россия и Туркмения - толкатели процесса распада и доноры всего СССР. Экономика — основа распада. Отмывочные центры: Кавказ и Средняя Азия. Русская идея: скинуть всех и зажечь лучшие всех. Ельцин - лидер процесса суверенизации союзных республик..... 131

Глава VI. Война и национальный вопрос. Национальный вопрос

в послевоенный период

Национальные отношения — стратегический фактор межвоенного периода. Рост германского шовинизма и критика Сталиным Энгельса. Националистическое повстанческое движение в СССР накануне войны — мощный дестабилизирующий фактор. «Особая партия кавказских братьев» поддерживает Гитлера. Степан Бандера и украинский национализм. Геополитика межвоенного времени диктует свои законы национального строительства. Курс на смену этнического самосознания — наиболее быстрый путь консолидации общества.

Перемещенные лица: СССР, США, Германия и Япония. Мировая утопия: создание коммунистического общества единой социалистической нации. Великая Отечественная война: правильность национального курса Сталина. Дивизия СС «Галичина», Кавказский и Среднеазиатский легионы СС и другие национальные формирования СС осуждены Международным судом в Нюрнберге. «Ленинградское дело» и дело «ЕАК» - борьба с уклонами национализма в правящей партии. «Проклятый национальный вопрос» (И. Сталин). Послевоенный курс Сталина на создание единой региональной общности людей соцлагеря. Призыв Сталина на XIX съезде «перенести» национальное строительство вовне СССР: курс на мировую революцию с использованием национальных противоречий буржуазной системы. Смена курса национальной политики наследниками Сталина: направление на расцвет «дружбы народов». Создание советской империи народов и территорий — крах строительства унитарного государства в СССР. Рост негативных центробежных тенденций: теневая экономика,

коррупционный бюрократизм, рост окраинных национализмов. Национальные отношения после войны как «троянский конь» распада. Совнархозы — школа воспитания национализма и университеты для этноэлиты.....
150

Глава VII. Особенности советской национальной политики:

ленинский и сталинский периоды

Национально-территориальное размежевание народов СССР. Асимметрия национально-государственного устройства. Конституции СССР 1924 и 1936 гг.: федеральное устройство. Сталин и развитие унитарного государства в СССР. Коммунистическая оппозиция Сталину в национальном вопросе: «украинизация», «белорусизация», латинизация и т.п. Три критерия Сталина по реализации права нации на союзную республику. Вопрос о всенародно избранном президенте СССР: 1936 г. Национальный вопрос накануне новой мировой войны: стремление к однородности общества и государства с постепенным стиранием национального фактора. Сталин - идеолог социалистического общества. Вебер — идеолог буржуазного общества. Сталин и его идея создания единой социалистической нации в СССР.....
180

Глава VIII. От Февраля до Октября и потом

Задачи буржуазно-демократической революции в сфере межнациональных отношений. Буржуазные права и свободы. Эсеро-меньшевистское Временное правительство и его отношение к созыву Учредительного собрания. Угроза территориального расчленения России со стороны Антанты и центральных держав. Императив истории: Россия социалистическая. Большевистская национальная программа: право на самоопределение или национально-территориальная автономия. Октябрьская революция — первый открытый вызов капиталистической системе. Большевистская эсхатология и мессианские надежды народа. «Революции не заказываются». Революция и материалистическая антропология: проблема отчуждения «они» и «мы». Советский патернализм и буржуазная благотворительность. Есенин — зеркало русского мессианства.....
200

Глава IX. Филофей, самодержавие и третий Рим

Основа российской государственности: двор или дом как символ оседлого общежития. Московское государство начиналось с дома (вотчины) московского удельного князя. Малочисленность населения удела. Появление в частных владениях московского князя пришлого населения — народа — «сирот царских». Жизнеспособность государственного образующего символа: украинцы и белорусы не смогли создать национальную государственность на иных началах. Западноевропейский прототип: насилие в основе государственности. Разработка формы российского единодержавия: самодержавие. Византийские источники

и русская концепция государства как большого дома. Использование римскими папами тезиса о защите религии в качестве внешнеполитического силового давления на Русь. «Русский Макиавелли» и контраргумент: царь-первосвященник Мельхиседек. Геополитическая доктрина «Москва — новый град Константина» и теория сакральной власти старца Филофея «Москва — третий Рим». Иван Грозный и его политический курс на становление самодержавия как метода сакральной власти государя и народа и геополитику как средство распространения истинного учения Божия по всему миру. Авторитет и власть московский царей — слитность их с «гласом народным»..... 217

Глава X. Национальная политика Великоорусского государства и империи

Москва — пограничная крепость. Малочисленное население. Московский удел — вотчина младшего сына Александра Невского — Даниила.

Выкуп русского полона в Орде московскими князьями и расселение его по территории удела. Москва выделяет огромные деньги на привлечение мастеровых людей из Киева, Литвы и других русских областей.

Великокняжеский ярлык — основа мощи Московского удела и его расцвета. Кризис Орды и становление Великоорусского государства на основе Московского великокняжеского удела. Самодержавие и боярская «фронда». Военная экспансия и мирная колонизация — главные факторы становления Московского государства. Колониальная политика времен Великоорусского государства (московский период) и империи (петербургский период Московского государства). Политический и экономический порядок, равенство перед законом, исчезновение рабства и расовой дискриминации. Религиозная терпимость великорусской нации. Величайшая империя мира: Россия от Калифорнии до Варшавы.

Империя: конгломерат наций и территорий. Проблемы межнациональных отношений в имперской структуре. Возникновение центробежных тенденций. Проблемы с Кахетией и Украиной. Клятвopепреступления националистических вождей. Создание предпосылок центростремительных сил на основе правового регулирования. Асимметрия колониальной (национальной) политики империи. Отход власти империи от следования национальным интересам государства. Сущность самодержавия: единство интересов власти и народа. Извращение Петром I и его наследниками сущности самодержавия. Отчуждение власти и народа — канун социальных революций в России. Ошибки власти в

надежде сбить революционную волну: русификация национальных окраин и насаждение там немецкой чиновничьей бюрократии. Конец империи: царь как фальсификация национально-государственного символа и центра единения народа. Рост националистических настроений на окраинах империи. Роль маргинальных национальных интеллигентов в государственной разрухе. Петр I: образование департамента религии и уничтожение православного патриаршества. Петр I и его борьба с идеалом народной свободы: превращение народа в слугу

государства. Русские архетипы свободы: протопоп Аввакум, С. Разин, Е. Пугачев. В.Г. Белинский: «Россия никогда не будет золотой серединой». Идея любой русской революции: центр свободы в центре нации, в Москве. Империя, зачавшись в крови стрельцов, закончилась в крови династии Романовых. Революция — завершение круга истории:

возврат к союзу народа и власти

.....
238

Глава XI. Национальная политика в дореволюционной России

Геополитическое положение Древней Руси IX-XV вв. Национальный вопрос. Фактор этнической идентификации «свой — чужой». — Национальный характер славянорусов. Религия и национальный вопрос. Особенности общественного быта Древнерусского государства. — Еврейский квартал в Киеве. Самовластие киевских князей. Раскол вселенской христианской церкви. Концепция государственной власти

великого князя Ярослава Мудрого. Древняя Русь - конфедерация независимых государств. Церковь и государство: различие подходов Запада и Востока Европы. Основы феодализма: Русь и Франкская империя, их отличие. Консолидация великорусской народности на основе древнерусской: «пора очистить государство от последнего сору». Конец кровного быта в высшем проявлении государственной власти. Русские остаются в основном славянским народом. Три ветви

древнерусской (русской) народности: великороссы (собственно русские), малороссы (украинцы) и белорусы. Красная нить допетровской государственности Руси: тождество политической деятельности государства и интересов всего народа. Усложнение социальной структуры российского общества. Геополитическое развитие Россий-

ского государства и периферийные этнические контакты. Рах топдогиса и его влияние на российскую государственность. Расцвет «Русской Месопотамии» — междуречья Верхней Волги и Оки — начало

Московского великорусского государства. Закат Византии: историческая преемственность и Русь.....267

Глава XII. Периодизация российской власти

Россия — 300 лет. СССР — 74 года. Четверооктябрьское правительство Ельцина и его преемников — 20 лет. Новая смена — новая парадигма власти. Исторический маятник: на смену либералам приходят антидемократы и наоборот. Выводы: периодизация связана с интересами той группы, которая пришла к власти. Следовательно, при нынешних тенденциях всегда будут существовать центробежные

тенденции и силы. Общий вывод: унитарность России — гарантия от распада России.....299

Заключение. Выводы..... 309

Предисловие

Образ России как сжигающей себя и возрождающейся из пепла птицы феникс давно укоренился у нас в стране и далеко за пределами нашего Отечества. Этот символ вечного обновления всегда вызывал подсознательную злобу и агрессию к величайшей стране мира как у записных друзей, так и у давних врагов.

Глубокой тайной человечества можно назвать и тот факт, что Россия призвана была контролировать ту часть земли, власть над которой обеспечивала военно-политическую гегемонию над всем пространством планеты. Не так много лет прошло с тех пор, когда Тихий океан был, по римской терминологии, *mare nostrum* - «нашим морем», то есть внутренним морем. Однако к 1867 году русские ушли из этой акватории, покинув дружественные нам Гавайи, Калифорнию, Аляску, Алеуты и Хоккайдо. Держава в силу разных обстоятельств перешла к стратегической континентальной обороне от внешних и внутренних врагов.

Не последнюю роль в сложившемся положении сыграли вопросы национальной политики, остро стоявшие перед российским правительством. Эта разнovidность политических проблем и для России в прошлом и в настоящем особо чувствительна.

Уже давно для наших соседей стал очевиден тот факт, что Россию весьма трудно развалить прямым силовым давлением извне, посредством агрессивных войн. Постепенно стало ясно, что главным методом решения такой задачи может быть лишь провоцирование внутренних конфликтов. Благодатной почвой был национальный вопрос. Его применение в известных целях представлялось наиболее эффективным и прямым путем из всех путей, ведущих к развалу России. Поэтому понятно, отчего правители России всегда испытывали повышенную, почти патологическую идиосинкразию по поводу национального вопроса.

Действительно, исторические хроники показывают, что развал Российского государства в 1601-1613 годах и в 1917 году коренился в использовании внешними недругами России национального воп-

роса. Причем в 1601-1613 годах, в эпоху Смутного времени, развалилось не только государство, но и государственность как таковая.

Нечто подобное набирает силу и сегодня: идет перманентная борьба за власть в Кремле, крепнут тенденции, ведущие к распаду государственных связей, нарастает вмешательство иностранных авантюристов всех мастей и зарубежных государств, созревает внутриполитическая обстановка регионального многовластия или же его антипода - безвластия. В последнем случае, как, например, на Камчатке и в других 23 регионах страны более месяца - в декабре — не отапливаются населенные пункты, не работают коммунальные службы. Но это положение никого особо не беспокоит, кроме населения регионов, меры не принимаются или осуществляются медленно. Налицо безвластие выборной власти.

Вот почему тема, вынесенная в заглавие этой книги, не может не волновать население. И только малая часть людей в сегодняшней России может быть заинтересована в ее развале из-за шкурных интересов. Ибо, гласит древняя мудрость, с тех пор как гражданин становится собственником, он перестает быть патриотом. Среди этого ничтожного меньшинства — некоторые губернаторы и олигархи, а также сопутствующая им дворня, в том числе и высокопоставленные «погонники» из силовых структур.

Отчего погибла Римская империя? Один из ответов такой: иностранцы становились господами, а коренное население превращалось в их рабов.

Как видим, и прекрасный, незапятнанный символ для западных государств, образ их прародительницы - Римской империи был топтан национальным вопросом.

Римская империя никогда не возродится. Конечно, отцы-основатели Северо-Американских Соединенных Штатов видели источник своего государственного вдохновения в прямом подражании ей и даже выстроили все свои государственные здания в подражание ее величественным постройкам. Однако говорить о прямой преемственности этих государств не приходится.

Россия пока избегала этой участи, воскресшая вновь и вновь благодаря своему народу-фениксу. Но много ли ресурсов осталось у нас?

Попытка разобраться в сложившейся ситуации и есть замысел этой книги.

*Поселок Николино поле,
март—апрель 2003 г.*

Введение

«Оранжевая революция» на Украине и вступление России в Евросоюз

События ноября - декабря 2004 г. и января 2005 г. на Украине показали, что это государство преодолело глубокий внутривнутриполитический кризис. Смысл происходящего очевиден: на Украине имела место поворотная точка внутривнутриполитического процесса, направленного на слом местных олигархических структур и интеграцию страны в Евросоюз.

Интеграционные процессы в Европе прямо и косвенно вовлекли саму Украину в процесс сближения с европейской периферией. Они активизировали соответствующие политические тенденции в стране и привели к поляризации общественного мнения и геополитических предпочтений местных политических элит. В этом плане известное значение приобретает такой фактор, как позиции европейского Запада, США и России, их отношение к украинскому кризису.

Время перемен пришло на Украину. Страна должна была определиться. Никогда Украина не была самостоятельным государством. 4 марта 1917 г. в Киеве была создана Центральная Рада, в которую вошли С. Петлюра, В. Винниченко и М. Грушевский. Рада потребовала от Временного правительства самой широкой автономии Украины и четкого определения ее границ. Со своей стороны Временное правительство старалось оттянуть решение этих вопросов до созыва Учредительного собрания. 25 октября (7 ноября) 1917 г. Временное правительство было свергнуто. К власти пришли большевики и левые эсеры, создавшие новое правительство. Принятая 2 (15) ноября 1917 г. Декларация прав народов России, признававшая их право на «свободное самоопределение вплоть до отделения», подтолкнула Центральную Раду заявить 7 (20) ноября о создании Украинской народной республики (УНР) в рамках общероссийской федерации. Вместе с тем параллельно развивался политический процесс организации Советской власти на Украине. 12 (25) декабря 1917 г.

собранный в Харькове I Всеукраинский съезд советов провозгла-

сил создание Украинской советской республики в составе общероссийской федерации. Состояние «двоевластия» на Украине неизбежно вело страну к гражданской войне. В этих условиях 11 (24) января 1918 г. УНР заявила о своей независимости, которая тут же была признана Германией и опиралась на ее вооруженные силы. Взамен УНР должна была поставить в Германию 60 млн пудов хлеба, 2750 тыс. пудов мяса, 400 млн штук яиц и другие сельскохозяйственные товары и промышленное сырье. 3 марта 1918 г. под давлением Германии РСФСР в Брест-Литовске была вынуждена подписать мирный договор со странами Четверного союза. Согласно договору, РСФСР, в частности, была обязана признать независимость УНР. Однако Антанта не признала этого договора. Кроме того, 31 октября 1918 г. началась революция в Австро-Венгрии, которая сделала договор окончательно недействительным. Вместе с тем во Львове еще 18 октября была провозглашена Западно-Украинская народная республика (ЗУНР). Этот факт подтверждал то мнение, что независимость УНР была фиктивной и держалась исключительно на германских штыках.

Активное участие стран европейского Запада в русско-украинских делах осталось неизменным и век спустя. Хорошо известно, что западная дипломатия довольно искусно разбирается во всех перипетиях поведения в кризисе и выхода из него. Вместе с тем, границы Евросоюза пришли в соприкосновение с украинскими, что поставило на повестку дня вопрос о необходимости продвижения ЕС дальше на Восток, а также на Юг (проблема участия Турции в ЕС).

Однако ключевой момент современного положения связан с российским кризисом, в котором слилось множество компонентов: отсутствие ясного понимания геополитического положения России и связанной стратегии экономических реформ, кризис доверия к власти со стороны населения, финансовый эгоизм политических элит. Россия последовательно потеряла шансы на воссоздание Совета экономической взаимопомощи (СЭВ) после краха геополитического проекта СССР, затем утратила весь позитивный потенциал взаимодействия с Прибалтикой (Литва, Эстония, Латвия). Теперь место нашего потенциального союзника готова оставить и Украина.

Стратегии европейского Запада и США в отношении Украины различны. Это показали их взаимоотношения в последние пятнадцать лет. США традиционно следовали военной логике морской державы и строили геополитическое взаимодействие на традици-

онной политике организации своих передовых баз в различных частях мира. Не избежала такого подхода и Украина, которую все правительства в Белом доме рассматривали как военно-политический плацдарм для внедрения в сердце Евразии. Это подтверждается военными «плясками» НАТО вокруг якорной стоянки в Севастополе и проамериканским стратегическим союзом Польши, Украины и Литвы. Однако европейский Запад имеет более глубокие планы в отношении Украины, которые обусловлены ее интеграцией в Евросоюз. Эта тенденция является естественной и имеет достаточно крепкие исторические корни, которые связывают, по крайней мере, Правобережную, Западную Украину и Крым с Польшей, Австро-Венгрией и прозападной светской Турцией. В последнем случае, конечно, надо иметь в виду исламский фундаментализм, который до поры до времени пребывает в латентном, скрытом состоянии, но в любой момент времени готов активизироваться и приобщить Турцию к панисламскому движению, а ее общество — к шариатской диктатуре.

Европа как организованное в единое целое надгосударственная структура безусловно сохранила те геополитические подходы к политической реальности, которые присущи ей в качестве преемника континентальных держав Старого Света. Это стало очевидно с явным дистанцированием Британии от ЕС, поскольку это государство со времени окончания Второй мировой войны определило себе место в кильватере американской мировой политики. И сегодня мы наблюдаем раскол в политико-экономических взаимоотношениях США, а значит, и Британии, с ЕС.

Соответственно, Евросоюз как континентальное надгосударственное образование стремится решать внешнеполитические задачи вне зависимости от образования анклавов и плацдармов. Как только Евросоюзу с принятием в мае 2004 г. новых членов вышел на западные границы Украины, встал вопрос о ее членстве в ЕС. Это и есть «реальная политика» континентальной державы, для которой вопросы интеграции и адаптации решаются только при материальном соприкосновении государств.

За прошедшие полгода — от приема новых членов в ЕС и образования общей границы с Украиной до президентских выборов на Украине в ноябре 2004 г. - европейский Запад выработал свое отношение к внутривнутриполитическим делам на Украине и принял ответственность за построение здесь нового общества, государства и экономики. Подобная перспектива не нова в современной Европе, по-

сколькx подтверждает слова Шарля де Голля о «единой Европе от Атлантики до Урала». Поэтому содействие интеграционным процессам в европейских рамках включает в себя и «геополитическое поглощение» Евросоюзом стран бывшего «восточного блока», из которых вне этих рамок пока остаются Украина, Беларусь и Россия.

Евросоюз избрал на этом направлении проверенную стратегию: наладил диалог с украинским обществом через пользующихся в нем авторитетом политических лидеров, способных повести за собой большую ее часть. Само общество на Украине было заинтересовано в переменах, поскольку темпы социально-политического развития государства оставляли желать лучшего, особенно в части повышения жизненного уровня. Евросоюз сыграл на общественном настроении, которое склонялось к тому, что существующие украинские политические элиты управляют страной и экономикой в своих лично-эгоистических, клановых интересах. С другой стороны, у европейского Запада и ЕС нет желания соседствовать с бедной и социально отсталой Украиной, имеющей громадный человеческий потенциал в 50 млн человек. Отсюда желание Евросоюза помочь Украине, но в собственных интересах. Очевидно, что первым шагом Европы на этом пути должна была стать смена политического руководства страны, радикальное изменение и слом сложившейся здесь олигархической структуры управления государством.

Итоги «оранжевой революции» на Украине позволяют сформировать основанный на национальных интересах внешнеполитический курс России в отношении Евросоюза. Такой курс должен быть геополитически обоснован и содержать критерии для проведения реальной политики России в международных отношениях.

В настоящее время реакция на эти итоги содержит противоречивые моменты. В частности, Россия противопоставляется Евросоюзу, что рассматривается как месть за европейскую интеграцию Украины. Очевидно, что этот вариант не проходит. Россия замыкается в тиски, образованными Китаем и объединенной Европой. Действительно, вскоре следует ожидать принятия Молдовы и, возможно, Грузии в ЕС. Таким образом, все российское пространство окажется окруженным. Выход через Иран из этого геополитического окружения оказывается временным явлением, поскольку в своей инаугурационной речи Дж. Буш-младший объявил врагами США Сирию и Иран и заявил о необходимости восстановления здесь демократических режимов, т. е. проамериканских правительств. В итоге Россия будет

чае, когда это будет на руку американским интересам, прибрежные евразийские регионы России могут рассчитывать на экономические преференции, чтобы их территории могли служить плацдармами для продвижения американской стратегии.

Сегодня очевидно: геополитическое положение России существенно для исхода конкуренции между североамериканской, западноевропейской, азиатско-тихоокеанской и южноевразийской зонами геополитического притяжения за влияние на соответствующие территории СНГ и регионы РФ, а также в междоусобной конкуренции. Этому потворствует усиливающаяся дифференциация регионов по социально-экономическому и политическому признаку. Этнические субъекты Федерации пытаются компенсировать ослабление федерального Центра и стать самостоятельными «центрами притяжения», используя силу зарубежных диаспор или укрепляющие их позицию объективные факторы в виде наличия важных для глобального рынка отраслей экономики. Сепаратистские действия региональных элит ведут к расширению зон стратегических интересов других стран, ослабляют интеграционный потенциал России. Регионы оправдывают свой эгоизм нынешними экономическими трудностями страны. С этими же причинами связаны тенденции обособления регионов от всей страны. И государство не способно противопоставить что-либо этим фактам в правовой сфере. Обе составляющие этого процесса регионализации прямо подводят страну к распаду на провинции, тяготеющие к центрам силы или зонам геополитического притяжения.

Пора перейти на формирование тех отношений, которые диктуются глобализацией рынка. Уже давно сложилось мнение ошибочности тезиса В. Вильсона «сколько народов, столько государств», который президент США провозгласил в конце Первой мировой войны для выстраивания Версальской системы мира с ее доктриной национального суверенитета.

Версальская система мира, основанная на принципе государственного суверенитета народов, показала свою нежизнеспособность. Более того, ее противоречия привели к самой масштабной мировой войне в истории человечества. Нельзя не заметить, что ялтинско-потсдамские соглашения поделили послевоенный мир по качественно новому признаку. Вторая мировая война определила деление мира по социально-политическому признаку. Сталинская внутренняя

обречена на вечный остракизм соседей, когда все ее жизненные силы будут уходить на огрызания и парирования обвинений в свой адрес.

Вместе с тем очевидно, что ситуация с геополитическими тисками имеет разрешение, которое отнюдь не связано с изоляцией. Напротив, она является катализатором процесса интеграции России в Евросоюз.

Такой сюжет достаточно интересен не только России, но и самой Европе. Союз Европы и России означает начало суперглобализации мира, поскольку их объединенная мощь будет значительно превосходить американскую. Этот союз будет означать крах амбиций США. В этих условиях российско-европейский блок будет превосходить США по экономическим и территориальным характеристикам и сравним по военным и политическим возможностям.

Таким образом, геополитические последствия «оранжевой революции» на Украине выходят за рамки регионального европейского взаимодействия. Ориентация России на интеграцию в Евросоюз подкрепляется геополитическим анализом политической реальности и отражает настроения общества и политических элит внутри Российской Федерации. По существу, речь идет о новой парадигме политического мышления и выстраивании реальной политики государства на перспективу, на ближайшие десять лет.

Современная геополитическая обстановка в мире и Европе однозначно приводит к выводу, что ранее существовавшая поляризация мира между США с Европой и СССР замещается противостоянием объединенной Европы с Россией против США. Этот факт подтверждается явными попытками США вбить клин во внутриевропейские отношения, используя верного американского союзника - Польшу — для ослабления Евросоюза. Кроме того, внедрение Украины в ЕС на руку американцам, как еще одно подрывное средство. Действительно, Украина не забыла и не простила угнетений со стороны Польши, чьей частью она являлась многие века, а также геноцида украинского народа, развязанного фашистским по своей сути режимом «коменданта польского государства» Иосифа Пилсудского.

В этих условиях Россия должна исходить из своих национальных интересов, которые следуют из ее геополитического положения. Поворот Украины к Европе знаменует собой возникновение новой ситуации с новыми геополитическими интересами и предпочтениями самой России, которые требуют упрочнения ее союза с Европой, с Евросоюзом.

Помимо конкретных межгосударственных интересов существует и другая, фундаментальная, основа для такого союза. Речь идет о существовании значительного культурного пласта, объединяющего Россию и Европу. Культурная общность является той естественной базой, которая уменьшает политическое трение, затрудняющее стремление Европы к России в настоящее время.

В этом обоюдном движении навстречу друг другу есть свои плюсы и минусы. Вместе с тем, позитивный потенциал интеграции Европы и России превосходит ее отрицательные моменты. Самым значительным достижением этого союза будет тот непреложный факт, что Европа радикально преобразуется. Даже не столь отдаленные перспективы этого грандиозного плана пан-Европы носят черты суперглобализации и ведущей суперцивилизации планеты.

За Россией в этом геополитическом проекте признается кардинальная роль. Это определяется ее геополитическим положением центра мира и наличным геополитическим потенциалом. В текущей расстановке сил Российской Федерации необходимо определиться с ее территориями на Кавказе. Российский Кавказ является для Европы той реальностью, которая вызывает у нее повышенную раздражимость. Навязанная Европе США Турция относится к этому же сорту объектов. Нежелание Германии и Франции видеть в объединенной Европе Турцию относится и к российскому Кавказу. Таким образом, мегапроект объединенной Европы с участием России будет для последней тяжелым выбором, где пан-европейское единство должно быть соизмерено с пятисотлетней эпопеей интеграции Кавказа в Россию, полной ожесточенной борьбы, глубокого трагизма, великих амбиций и тяжелых испытаний, которые, казалось бы, намертво прикрепили этот регион к стране.

Необходимо дать самим себе отчет в том, что пора отказаться от советских догматов в большой политике. В современном мире внешнеполитическая модель поведения государства испытала значительные изменения, ее постулаты радикально преобразились. Постулат «винтовка рождает власть» отставлен на второй план. На первый план вышел другой постулат: «деньги рождают власть». Конечно, последним доводом всегда будет военная мощь государств, но современная Россия должна перестать играть роль маленького СССР. Эта новая парадигма внешней политики нуждается в незамедлительном использовании.

Глава I

Путь к распаду — федеральные округа

Длинная череда реформ тянется уже почти два десятилетия. Все к ним привыкли и внутренне согласились терпеть как неизбежное зло, которого на Руси всегда хватало. Тем более что исходит оно сверху. Удовольствие из этого процесса извлекают лишь правительствующие «реформаторы». Исходя из опыта XIX столетия, можно сказать, что все реформы шли примерно 20-30 лет, после чего замирали для прихода более оголтелой волны новой генерации желающих поуправлять государством. Так было в 1801, 1825, 1856-66, 1881, 1905 гг. Были реформаторы и в советское время. И наше время не миновала чаша сия.

Вместе с тем нельзя не отметить одной особенности, которая отличает упомянутые времена от современности, — это проведение курса социального экспериментирования в условиях жесткой унитарности государства. Наше время грешит отсутствием этого обстоятельства. Более того, в условиях усиления центробежного фактора под давлением реформ идет «тихой сапой» процесс возникновения объективных тенденций к разрушению государственного единства и территориальной целостности России. Получается, как всегда: «перестройка» тонет в «массе переделок», а курс на общественное благосостояние и укрепление государственности растворяется в реформаторском искусстве «ради искусства».

Регионализация России еще не носит довлеющего характера, но поскольку она является следствием распада постъялтинской системы межгосударственных отношений, то в условиях очевидной слабости общероссийского центра власти следует рассматривать любое усиление этого процесса как опасный для суверенитета России факт. В результате некритического следования приоритетам западной европейской демократии Россия утратила зоны своего геополитического влияния и естественных партнеров. Бытует среди

некоторых государственных деятелей и мнение, что у России нет якобы не только реальных, но и потенциальных противников. На этой основе в регионах развиваются псевдогосударственные тенденции, создающие в стране противоречивую и неустойчивую ситуацию. Сама неповторимость регионов России ведет к различию векторов действия регионов. Вместе с тем существует тот государственный императив всех действий, который состоит в универсальности России как фундаментальной основы мира. Это требует защиты вертикального принципа движения системы ценностей, в первую очередь укрепления роли Центра как источника императивной власти. Признание его роли в обеспечении стабильности и целостности страны должно стать императивом поведения региональной и олигархической элиты России.

Росту эгоизма регионов способствуют зоны геополитического притяжения, сложившиеся в мире после распада СССР. Юг России тяготеет к Турции и Ирану. На них же ориентированы тюркоязычные республики Поволжья. Дальневосточные регионы пытаются экономически интегрироваться с Китаем и другими странами АТР. Конечно, одного желания регионов недостаточно. Лишь те из них, которые обладают запасами природного топлива, как Якутия и Иркутская область, имеют шансы войти в орбиту этих зон. Еще совсем недавно уральские регионы пытались установить прямые государственные и экономические связи с Эстонией, минуя Москву.

Последние силовые акции США в Европе — Югославии — и Ираке свидетельствуют, что Америка отнюдь не собирается пренебрегать и подвергать забвению теорию и практику геополитики. А раз так, остается в силе принцип классической геополитики: «Кто господствует над Евразией, тот контролирует судьбы мира». Этот стратегический принцип претерпевает метаморфозы в условиях однополярного гегемонизма США. Америка будет осуществлять на практике, как морская держава, политику создания своих плацдармов в Евразии. В военном аспекте это будут классические военные базы; в социально-политическом — организация анклавов влияния на территории суверенных государств. В чистом виде последняя мера нашла свое воплощение при военных действиях США в Афганистане, когда в качестве главы государства прошла кандидатура человека, лично преданного американской элите. Вялотекущая регионализация России вполне отвечает этой стратегии США. Поэтому в слу-

и внешняя политика твердо следовала по этому пути. Основное противоречие постсталинской политики страны состояло в отходе от этого направления и возвращении на позиции «версальского политмышления». Нынешний федеральный Центр также испытывает эту «детскую» болезнь в проведении внутренней политики, по его мнению, способной содействовать примыканию к Центру регионально-олигархических элит. Но пора уже всем привыкнуть к современному императиву, что национальная свобода не требует политической самостоятельности регионов. Историческое право на создание собственного государства основано на фактах исторической жизни народа.

Ам-биции псевдогосударственных элит строятся на иных основаниях. Попытки Центра обуздать сепаратизм регионов посредством смены региональных лидеров на кандидатов, лично обязанных федеральному Центру, являются просто другой формой местничества и не могут привести к стойкому эффекту. Если якутский лидер был смещен на процентристскую кандидатуру, то в крупнейших тюркских республиках Поволжья этот номер не удался. Обуздывать этноэлиты надо не с помощью точечных успехов федеральных функционеров, а исходя из твердой позиции федерального Центра и принятия правовых и иных мер для обоснования своей лидирующей роли в жизни страны. Федеральный Центр должен превозмочь идиосинкразию к национальному вопросу и спекулирующим на нем влиятельным политико-финансовым элитарным меньшинствам. Исторический опыт показывает, что расширение прав субъектов ведет к ослаблению и последующему развалу Федерации. В мировой практике известны подобные распады: выход Сингапура из Малайзии, Бангладеш — из Пакистана, развалы Чехословакии, СССР, Югославии. Излишний упор на национальную специфику всегда оборачивается противоречиями, возникающими в итоге консервативной отсталости и общемировых тенденций. Примитивные формы экономического патронажа, на которых строят свое влияние этнорегиональные лидеры и элиты, имеют мало общего с действительной интеграцией в глобальные миропотоки финансов, ресурсов и профессиональных кадров. Интеграционная политика такого уровня может успешно проводиться только федеральным Центром при условии его активности и силы. Пора преодолеть советский синдром «расцвета и сближения наций и народов страны» и переходить к реальной политике сближения регионов и народов России. Ошибочно полагать, что политика сближения

реализуется на основе поощрения диктата регионов, предоставляющего им права и средства квазигосударственного образования с собственной парадипломатией и внешнеэкономическими связями. Необходимо передать все экономические связи регионов предпринимательскому капиталу на основе гражданско-правовых договоров, как того требуют либерально-рыночные отношения. Парадипломатия должна быть ограничена лишь культурными внешними связями регионов. Иные формы поощрения национальной жизни в этнорегионах России ведут к гипертрофированному росту местного национального самосознания и в итоге к местническому национализму. Только сильный Центр способен на правовой основе обеспечить эффективную децентрализацию управления в стране без развала России. Ставить расовые и национальные привилегии выше экономических и культурных факторов означает, по существу, содействие усилению национализма.

Правовой нигилизм, проповедуемый региональными элитами, принял форму отрицания федерального законодательства, причем в большинстве случаев власти субъектов Федерации идут по пути издания правовых актов по предметам исключительного ведения РФ и прямой отмены федеральных нормативных актов. Факты искажения федеральных законов в регионах носят перманентный характер. Местные властные элиты контролируют материальные и природные ресурсы регионов, поэтому слабый федеральный Центр вынужден проводить политику компромиссов с субъектами РФ. Политическая поддержка республиканских элит ставилась им в зависимость от передачи части власти и собственности Центру. Такой паллиативной мерой стали Федеративный договор и особые приложения к нему, в которых регионы обговаривали для себя предпочтения и привилегии. Особый интерес вызывает то обстоятельство, что многие правовые нормы приложений противоречат не только самому договору, но и Конституции РФ. Кроме того, мировая практика современного федерализма не знает договорных федераций. Более того, принципы развития мирового федерализма свидетельствуют о существовании в качестве его стержня сильного Центра. Его правовой основой является Основной закон государства, но не договор. Общеизвестно, что договор пригоден лишь для регулирования отношений между равными сторонами. Российская Федерация и ее субъекты не могут выступать равноправными сторонами;

договорные отношения между ними несовместимы. Фиксацию отношений на уровне договора следует признать компромиссом Центра ввиду его политической слабости. Этот компромисс породил псевдогосударственность регионов, закрепившую разделение Федерации на 89 квазигосударственных образований, разнотипных и неодинаковых по своему экономическому, социальному и демографическому потенциалу. Вообще же, он берет начало в постсталинской политике государства, которое вместо крепкой властной вертикали унитарного государства перешло к вторичности центральной власти, якобы производной от субъектов общегосударственной структуры. В настоящее время подобная парадигма продолжает властвовать в стране. Нельзя не отметить, что развитие на ее основе государственно-правовых мероприятий ведет к возобладанию центробежных тенденций, в корне противоречащих сущности федерализма с его приматом центростремительных сил. Более разумным было бы не делиться властью с регионами, но передать им от Центра побольше обязанностей и ответственности. Нельзя не отметить, что внешние разногласия между федеральным Центром и региональными элитами вызваны правовыми коллизиями несоответствия Конституции РФ основным законам субъектов. Эти коллизии пытаются сгладить договорным процессом. Более правильным ходом было бы полное уничтожение этих противоречий на основе Конституции РФ и без оглядки на, по словам Сталина, «проклятый национальный вопрос». Безоглядному этноцентризму и эгоизму регионов следует противопоставить унитаризм как радикальную форму жесткого федерализма.

Договорный процесс в своих нормативных актах доходит до политико-правового абсурда, когда некоторые субъекты Федерации «гарантируют территориальную целостность РФ», но ведь и РФ гарантирует территориальную целостность субъектов. Причем зачастую договоры с этническими субъектами РФ не содержат указания, что субъекты являются составной частью РФ.

Принятие федерального закона о разграничении предметов ведения между госорганами РФ и ее субъектами призвано было устранить асимметрию Федерации. Таким образом, закон должен был уравнивать в правах региональную власть и ее региональную элиту. Тем самым достигался минимум противоречий. Равноправие субъектов является важным доктринальным вопросом, но прямо не решаю-

щим кардинальный вопрос о полновесности и силе федерального Центра. На этом очередном этапе федерализации принципиальное решение вновь не выходило за рамки, когда «Центр был первым среди равных». Кроме того, неясна правовая основа имеющихся договоров с субъектами РФ: проблема их ратификации. Необходимость их ратификации вступает в противоречие с достаточностью подписания. Если допустить первое, это значит признать государственный суверенитет субъектов РФ. Просто подписание договоров ни к чему не обязывает, разве что при наличии судебного решения в случае разногласий. Правовое положение этих документов фиктивно, несмотря на то что закон о разграничении содержит норму о рассмотрении подобных соглашений Советом Федерации ФС РФ. Здесь также противоречие: из договорного процесса устранена Госдума. Лучше всего, если исходить из понимания федеративных отношений на уровне современных российских политиков; это означает принятие федеральных законов каждым из субъектов. Однако примат права в современном мире, где правят финансы и капитал, не является абсолютным. Внешняя политика США дает множество тому примеров. Но ведь и она не является самодовлеющей, она помогает мультинациональному капиталу, действующему в русле глобализации.

При потенциальном росте экономик регионов они вполне будут способны торпедировать всю федералистскую структуру РФ. Развитие экономик регионов с учетом иностранных стратегических интересов, т. е. даже без помощи Центра, вполне очевидно становится основой для центростремительных тенденций. Наиболее здравыми в этом отношении выглядят действия Центра по выработке законодательных актов, закрепляющих унитарную структуру РФ, либо по торможению экономик регионов до приобретения Центром необходимой силы «разобраться с регионами». Меры по укреплению федерализма и нормотворчество должны быть отвлекающим ходом в отношении этнорегиональной олигархии. Исторический опыт России состоит в выборе демократического унитаризма с широчайшей культурно-экономической автономией в форме, например, североирландской или шотландской парламентской автономии. При этом можно не изменять статьи 1 и 5 Конституции РФ, гарантирующие неприкосновенность принципа федеративного государственного устройства, но посредством жесткой финансово-экономической политики в регионах подверстать федеративный процесс в рамки

жесткого федерализма, мало отличающегося от мягкого унитаризма. Вот куда необходимо направить правовые амбиции Центра и казуистику государственно-правового законотворчества. А еще использовать бюджетный рубль и делегировать им больше обязанностей и ответственность. Все основные права должны быть у Центра. Регионам дать право поощрения местной культуры и экономики по большей части за свой счет. В частности, необходимо дать новую, отвечающую вызовам времени формулировку «территориальной целостности субъектов Федерации» и границ современных субъектов Федерации. Должным образом оформленная правовая формулировка понятия «границ субъектов Федерации» способна торпедировать все потуги субъектов на равный с Федерацией уровень отношений и парализовать их квазигосударственную деятельность вне России.

Мировой опыт государственности показывает, что унитарные демократические государства намного эффективнее решают жизненные проблемы общества, чем недостаточно демократически развитые федерации. Поэтому федерация в своей имманентности не может быть фетишем внутреннего устройства РФ. Идолом или идеалом государственного устройства может быть лишь государственный режим его функционирования: демократия или ее политические антонимы. При недоразвитости демократического устройства российского типа федерации, а такое положение будет сохраняться вплоть до ее развала без принятия безотлагательных мер, единственным выходом может быть унитаризм. Федерализм любой ценой — путь к распаду России. Сторонники федерализма по большей части скрывают истинные причины этой позиции, которые состоят в личных амбициях на власть и собственность в регионах. Остальные часто страдают манией местных этноцентризмов. Обе группы «федералистов» объединяет одна идея: региональная власть любой ценой, даже ценой разрушения единого государства. С такими представителями регионов центральная власть ведет бесперспективный диалог о совершенстве федерализма. Пример СССР показывает, что при любом внешнем или внутреннем политическом толчке такие федерации разваливаются. Любая удобная для регионов политическая конфигурация сил и возможностей приведет к распаду демократически незрелой российской федеративной структуры. Уровень политической культуры этнорегиональных лидеров не позволяет рассчитывать на срабатывание принципа общественного согласия в

нашей стране. С другой стороны, унитаризм Франции и Великобритании прекрасно иллюстрирует достижения в развитии демократических институтов. Между тем обе страны не являются моноэтническими в сравнении с Россией. Во всех трех странах титульная нация располагает 80—83% численности общего народонаселения, а по количеству представленных этносов или народов Франция и Великобритания превосходят Россию.

Современный федерализм в России представляет собой в чистом виде политический реликт, ибо построен на двух принципах - национальном и территориальном. Эта политическая дихотомия постоянно вызывает конфликты даже при формальном равенстве субъектов Франции. Франция также в своей государственной структуре фактически использует ее, но это унитарное государство. Или Англия: здесь кельтские и англосакские земли объединены в унитарное государство. Конечно, пример России всегда был аутентичен и не совпадал с мировым опытом. Но в данном случае речь идет о самосохранении государства, поэтому, говоря словами небезызвестного «бывшего депутата Государственной думы» И.М. Воробьянинова: «Торг здесь неуместен». В России с ее перманентностью современного состояния любое воздействие приведет к катастрофической трансформации федеративных отношений в конфедеративные с последующей суверенизацией регионов.

Для укрепления российской государственности, следовательно, надо повышать роль государства, его Центра как источника силы, регулирующего развитие регионов в контексте роста мощи всей страны.

Принцип национального федерализма — историко-политический рудимент. В буржуазном гражданском обществе нет места нациям и народам, их заменило национальное гражданство. Западные демократии пошли на эту правовую и государственную парадигму, дабы искоренить правовым способом буржуазный национализм. Попытка в России ввести новый тип внутригражданского паспорта вызвал мощный ксенофобский всплеск страстей именно в этнических регионах страны. Это показывает опасность политических паллиативов и компромиссов вообще и федерализма по национальному признаку в России в частности. Лишь выдача на местах вкладыша с указанием фамилии гражданина на местном языке успокоила этнопатриотов, но перевело сам вопрос в латентное гремящее состояние.

Сталин решал вопрос о слиянии народов Земли в одну социалистическую нацию. Либерально-буржуазный подход преследует ту же цель. В обоих случаях применялся правовой подход. Наверно, надо снова возвратиться к опыту Сталина и создать унитарное государство в России, как то демонстрируют лучшие демократии Западной Европы.

Саморегуляция идеальных демократий основана на сохранении определяющих ее базовых параметров в достаточно узких допустимых пределах. Россия с ее полуторпроцентной частью мирового ВВП объективно не может рассчитывать на саморегуляцию. В таких условиях государство, базирующееся на Федерации со слабым Центром и сверхдемократическим правом, дискредитирует российскую государственную идею, и это ведет его к гибели. Никакой подстройкой правовыми методами совершенствовать федерацию под давлением глобализирующегося рынка не удастся. Альтернативы унитаризму в условиях глобализма нет. Путь слабой Федерации без активного Центра - развал государства. Путь автаркии невозможен в условиях, когда население уже приобщилось к информационным коммуникациям. Концепция будущего для России - унитаризм и сильный Центр власти. Он способен пресечь деструктивное воздействие внешней глобализирующейся среды и внутренней энтропии, производимой политико-экономическим эгоизмом регионов, обеспечить целостность страны.

Основной критерий устойчивости социальных систем — минимизация времени ее адаптации к внешним и внутренним воздействиям. Американский и советский типы унитаризма прекрасно иллюстрируют это положение. Семь лет политической и социально-экономической децентрализации, порой переходившей в анархию, понадобилось М. Горбачеву, чтобы сокрушить советский унитаризм внутренним подрывом его устойчивости. Этот пример указывает на актуальность демократического унитаризма в российской действительности. Политическое маневрирование федерального Центра на политическом поле федерализма ведет страну к развалу в условиях приобретения регионами экономической самостоятельности, последующей автаркии субъектов Федерации и их обособления от российской государственности.

Современное Российское государство, исповедующее идеи Н. Макиавелли в сфере насаждения «рыночных» реформ, не желает

применить их в сфере упрочения собственной политической стабильности. Российский пример всегда особенный, но не до такой же степени. Как писал автор «Государя», народ не способен «создать определенный порядок, не имея возможности сознать своего блага по причине царящих в народе разногласий». В другом месте он написал, что мудрый учитель республики не может не думать о принципе единоличной власти, реализующей мечты народа об идеальном общественном устройстве.

Для этого и нужен сильный Центр в России: быть диктатором для региональных политико-олигархических элит и источником установления достойных общества законов, несущих народу благо.

Пока мудрого учителя заменяет правящая элита, если не сказать камарилья. Перед последней стоит задача - адекватно реагировать на вызов времени, брошенный глобализацией. Вместо поиска новых источников легитимности и рационализации управленческой деятельности, необходимой политической модернизации, она навязывает Центру старые, опорочившие себя политические методы. Политическая элита Центра и регионов находится в плену прежнего советско-патриархального стиля в выборе политических средств. Вместо выработки нового государственного целеполагания совершенствуются старые формы федерализма с его принципом национальной квазигосударственности советского образца, который развалил самую могучую федерацию мира. На этом негодном основании политическая элита пытается укрепить плохо стоящее здание российского федерализма, игнорируя роль руководящего Центра.

И без того «тишайшую» роль Центра в жизни страны руководящая элита вознамерилась еще более понизить, выделив в России семь федеральных округов. Идея эта довольно давняя, точнее 1907 года. Примечательно, что ее вызвала к жизни необходимость демократизации общественной жизни в Российской империи. Как рассказывал создатель этого проекта товарищ министра внутренних дел С. Е. Крыжановский, проект образования надгубернских институтов власти преследовал идею реорганизации местного самоуправления на началах федерализма. Идея проекта принадлежала премьеру П. А. Столыпину, поручившему его разработку своему старому другу.

В основе проекта лежал тезис, что чрезмерная централизация управления империей становится по мере усложнения хозяйственной и общественной жизни страны не только неэффективной, но даже

и невозможной, что она сдерживает общественную инициативу и раздражает оппозицию. Если исходить из географии современной России, то было предложено разделить ее на шесть областей, учитывая хозяйственные, географические и этнические особенности регионов: Северо-Запад, Московский промышленный район, Верхнее и Нижнее Поволжье, Северная Россия и Степной край (Западная Сибирь). Восточная Сибирь и Кавказ оставались вне этого деления. Все области, кроме Восточной Сибири, получали общегосударственное представительство.

В каждом таком регионе предполагалось образовать особое управление, состоящее из областного земского собрания и правительственной администрации во главе с гражданским начальником. Областные земские собрания, являвшиеся представительными учреждениями, могли решать политические и хозяйственные вопросы, не имевшие общегосударственного значения. Они получали право местного законодательства. Их решения визирировались начальником области и утверждались императором, т.е. главой государства. По этому же проекту общегосударственное законодательство сосредоточивалось в Государственном совете, верхней палате российского парламента. Дума играла роль представительного общегосударственного органа без права законодательной инициативы.

По словам Столыпина, этот проект позволял «замкнуть вопросы устройства народной жизни в областные рамки, придать практическую решимость местным органам и ограничить опасные социально-теоретические изыскания». Кроме того, можно было рассчитывать на раздробление общего натиска социалистических сил, выведя из-под воздействия «идеи рабочей демократии земледельческие области», с одновременным более правильным решением земельного вопроса, поскольку в этом случае лучше учитывались бы местные условия. Важнейшим результатом проекта могло стать успешное использование различных систем местных выборов для достижения нужных правительству целей. Другим практическим аспектом его внедрения должно было стать ослабление обостренности национального вопроса на окраинах и защиты русских интересов там, где их надо защищать.

Об этом нереализованном проекте П. А. Столыпин докладывал

III Думе 16 ноября 1907 года, заявив, что правительство готово предложить депутатам «проекты самоуправления на некоторых окраинах применительно к предполагаемому новому строю внутренних

губерний, причем идея государственного единства и целостности будет для правительства руководящей».

Вместе с тем идею введения федеральных округов никак нельзя признать содействующей государственному единству и целостности. А именно этот принцип — основа любого государственного деяния, в том числе и реформ. Как писал один из разработчиков проекта, «после образования семи федеральных округов беспрецедентная раздробленность государственно-территориального деления - 89 регионов на страну (в других федерациях в среднем 22) — перестала серьезно осложнять управление ими из Центра». Идея Столыпина поставлена здесь с ног на голову. Ни одна из пяти поставленных им в проекте задач не была воплощена в современном варианте реорганизации управления субъектами на принципах федерализма.

В современном проекте во главу угла ставится задача - разгрузить Центр от чрезмерной опеки регионов. Это неправильная постановка вопроса, поскольку ее реализация ведет к тому же порочному кругу, чреватому в значительно большей степени, чем для отдельного региона, квазигосударственностью федеральных округов. Как раз наоборот: регионы должны чувствовать свою зависимость от Центра. Проблема осложняется тем обстоятельством, что округа получают базу для осуществления масштабной территориально-экономической интеграции. Формирование крупноресурсного потенциала федеральных округов стимулирует эффективную специализацию и комплексное развитие их хозяйств, образование крупнотоварных зонально-окружных рынков. Развитие округов в условиях централизации их управления повышает их финансово-ресурсную самообеспеченность и уменьшает зависимость от федерального Центра.

По мере развития и роста независимости экономик федеральных округов их руководители непременно проявят стремление к хозяйственной автаркии и политическому сепаратизму.

Укрепление экономической, информационной и иных структур округов при нынешней слабости федерального Центра и его минимальной активности в укреплении единства и целостности страны — прямой путь к ее распаду.

Центр сам дает в руки амбициозных региональных элит орудие борьбы с ним. Прошедшее десятилетие показало всю слабость какой-либо политической и экономической кооперации субъектов Федерации в виде их межрегиональных объединений. Придавая эко-

номико-географическим зонам квазигосударственный центр в виде государственных и информационных структур федерального округа, центральная власть создает себе политических и экономических оппонентов наподобие советских союзных республик. Порочный круг вновь замыкается на «доверенных лицах президента» и исполнении окружными элитами федерального законодательства. Указ об округах содержит такую правовую метафору, как интересы государства и президента в федеральном округе. Однако нигде не проводится красной нитью принцип единства и целостности государства, от которого должны выстраиваться интересы не только федеральных округов, но и регионов страны в отдельности.

Другой порочный принцип, внесенный в дело строительства округов, — назначение в качестве представителя лично преданных людей. Претворение этого принципа в постсталинское советское время привело к несменяемости высшего руководства страны, формированию кланово-руководящей структуры управления страной и союзными республиками. Сверху было все красиво и спокойно, но время шло, а реальные процессы вели страну к нестабильности. Достаточно было небольшого воздействия на такую псевдоструктуру управления, чтобы страна рассыпалась на псевдогосударственные образования.

Кроме того, в округах ведется большая работа по организации собственной информационно-пропагандистской структуры. В Нижнем Новгороде — это ТК «Волга», в Новосибирске (Сибирский ФО) - информационное агентство «Сибирь». Даже Чукотский АО имеет собственное информационное агентство «Чукотка» и т. д.

В состоянии паралича находится почта, которая не финансируется государством, несмотря на то что Федеральная почтовая связь является госучреждением. Местные управления почтовой связи держатся за счет вспомоществования руководителей регионов и округов. Фактически «реформы» привели к обвалу объемов почтовых отправок. Рядовой гражданин не имеет возможности прибегнуть к услугам почтовой связи, т. е. нарушена важнейшая особенность государственной жизни. И вот эту тему берут «под себя» регионы и округа.

Силовые структуры регионов также замыкаются на окружной центр. Между их центральными аппаратами в Москве и региональными силовыми органами образуются главные управления для работы в федеральных округах. Таким образом, Министерство внутрен-

них дел и прокуратура на территории округа имеют собственных единачальников, политически и правовым образом подчиненных президентскому представителю. Такой прямой связи с военными округами нет. Однако в действительности границы территорий федеральных округов однозначно совпадают с делением страны на военные округа. Таким образом, созданы все условия для квазигосударственного функционирования федеральных округов. Рост их экономики и объективное стремление присоединиться к зонам геополитического притяжения, фрагментируемым глобальным рынком, вполне определяют их самодостаточность в этом качестве.

Регионализации федеральных округов и входящих в них субъектов Федерации способствует субъективное восприятие их населением транспортно-коммуникационной структуры глобализирующегося мира. Сегодня жителю Чукотки и Камчатки дешевле добраться до Мальдив и Шри-Ланки, нежели до Москвы. Житель Москвы, заплатив 200 долл., охотнее поедет в Париж и Лондон, нежели за 150 долл. в Сочи или Пятигорск. Коммуникационные реальности таковы, что российскому жителю в центре более доступны по стоимости проезда Мадагаскар и Южная Африка, чем наши восточные окраины. Субъективно при усилении регионов в жизни их населения Центр становится виртуальной реальностью, напрямую мало связанной с индивидуальной жизнью людей. Их жизнь замыкается на значимые в повседневности ориентиры. При таком порядке вещей перспектива людей ограничивается ближайшим центром квазигосударственности. Независимость суда от властей округа в этой системе политических координат становится эфемерной. Таким образом, рост экономики федеральных округов окончательно создает ввиду формирования в них автономной системы органов всех ветвей государственной власти во главе с номинальным гражданским начальником полное подобие государственного образования. Следующим шагом в развитии этого положения станет субъектное отчуждение населения округов от Центра. При хорошей пропаганде этого посыла группами региональных элит номинальный руководитель округа имеет все шансы превратиться в легитимного главу и перевести вопрос о квазигосударственности в вопрос о государственном суверенитете.

Полномочные представители президента в федеральных округах призваны управлять всеми политико-экономическими отклонени-

ями региональных властей. Представляется, что в условиях слабости федерального Центра и его политической активности во внутренней политике ситуация с мониторингом местных элит будет выходить из-под политического контроля по мере экономического усиления региональных властей. В этих условиях велика опасность, что представителю президента придется защищать их интересы. Такая задача реальна и осязаема в отличие от той, которая вменена ему сегодня в качестве главной. Речь идет о реализации задач по выполнению органами госвласти в округах направлений, определяемых ежегодным президентским посланием. При изучении его в памяти всплывают основные направления развития экономики и общества на очередную пятилетку, утверждаемые очередным съездом партии. Вся деятельность вокруг этого контроля направлений приводит к тому порочному кругу событий, когда на фоне относительных успехов реально разрастается и укрепляется бюрократия. Контроль за мониторингом и мониторинг контроля уже показали свою неэффективность в советское время, когда под небольшим воздействием все рассыпалось. РФ идет по этому пути, полагая, что федеральные округа будут способствовать упрочению Центра. Благодаря созданию округов политическая периферия получает более высокий статус в системе власти государства. Центр в виде округов и их госаппаратов создает центры кристаллизации периферийной власти в аксиальных центрах окружной власти. Периферийная власть, концентрируясь в окружных центрах, консолидирует свои политические, экономические и социально-электоральные силы. Центр вместо 89 маленьких и разобщенных векторов региональной власти получил в ходе своего политстроительства семь главенствующих точек сплочения и сосредоточения региональных элит.

Представителям в округах вменено в обязанность наблюдать за упрочением политической стабильности и хозяйственным ростом. Создана для этого масса координационных и коллегиальных структур госорганов разных уровней и органов самоуправления с обязательным ростом чиновничьих кадров, обеспечивающих их работу. Отчетность за порядком и проведением государственной политики в округах представлена докладами президентского представителя. Основной формой его деятельности становится унификация нормативно-правовых актов и приведение их в соответствие федеральному законодательству. Все эти положения полностью противоре-

чат столыпинской реформе, где области служили облегчению самоуправления на местах, но не местного самоуправления. Центр жестко следил за деятельностью органов самоуправления. В настоящей схеме с представителем президента взаимодействуют властные элиты регионов. Столыпин предлагал образовать особое правление в областях, где взаимодействовали друг с другом областное законодательное собрание и начальник области, назначаемый из Москвы. Кроме того, сама идея проекта 1907 г. исходила из обеспечения контроля Центра над областями и страной, а не для облегчения его деятельности во взаимосвязях с периферией, как то красной нитью принижает современную систему федеральных округов. Напротив, Центр должен иметь инициативу и контроль над регионами. И Столыпин заявил об этом, поскольку основа основ государства - это сохранение его целостности и единства. Нельзя федеральному Центру облегчать себе жизнь, ослабляя контроль за регионами. Другое дело - сбросить в регионы и округа побольше обязанностей и ответственности, но без предоставления дополнительных прав. Опыт Госдум I — III созывов показал правоту Столыпина: Центру нужно окружное законодательное собрание вместо большого количества согласующих органов в округах. В подобном собрании всегда трудно договориться о консолидированной позиции, и оно будет обречено на фракционирование. Это отсутствие политического согласия будет на руку федеральному Центру, такая ситуация не улучшит социально-экономического развития и приведет к действительному расцвету местного самоуправления. Кроме того, если областная реформа создавала систему контроля над действиями областных структур власти, то федеральные округа действительно представляют собой перегородки между Центром и регионами.

Взаимодействие начальника области и областного Законодательного собрания более действенно для раскрепощения политической и хозяйственной власти на местах, народной инициативы. Можно согласиться, что ареопаг честолюбивых представителя президента и руководителей регионов представляет серьезную политическую альтернативу на местах, т. е. в округах и регионах. При этом столыпинская реформа оставляла губернские земские собрания и вводила еще одну ступень законодательной власти на территориях тех губерний, которые входили в округ. Система федеральных округов лишена этой представительной ступени, оставив исполнительную

власти все политическое поле для самоуправления. Это ограничивает политическое творчество масс в качестве противовеса своеволию окружного начальства. Реформы в России, чтобы быть жизнеспособными, должны базироваться на русских национальных началах: наверху — это развитие законодательного, представительского строя, который должен придать новую силу и новый блеск верховной унитарной власти в лице президента, внизу, в округах, субъектах Федерации, на местах — развитие самоуправления с передачей ему части государственного тягла в виде обязанностей и создание среднего класса, который был бы крепко связан с государственной властью. Только унитарное устройство России с сильным президентским Центром является хранителем идеи Русского государства, оно олицетворяет собой силу и цельность страны, оберегая ее от распада.

Слабость современных планов образования федеральных округов и их совершенствования в том, что эти планы лишены политических императивов и исходят из критерия деления страны на административно-экономические единицы с национальной спецификой. В основе планов оптимизация экономик регионов, межреспубликанских и межрегиональных экономических отношений и методология межотраслевого анализа. Идея Столыпина о политической основе единства России заменена математическим моделированием экономических процессов с миражом окружных политик. Идея Столыпина укрепляла исполнительную вертикаль власти при действительном росте политической активности масс; современная идея реформирования государственно-территориального устройства имеет противоположные следствия

Центр в ходе совершенствования федеральных отношений пытается группировать регионы с целью сближения совокупных показателей социально-экономических регионов по округам. Понятно, что внутри округов эти величины отличаются по входящим в них регионам. Таким образом, очевидным мотивом появления округов, здраво рассуждая, является элементарное желание Центра перенести склоки на уровень округов. Раньше с подобными разногласиями шли к первым лицам государства. Но эта изоляция от нужд регионов посредством федеральных округов вовсе не означает силу Центра, а ведет к обозначению политической ценности должности окружного начальника (представителя президента в федеральном округе). Отсюда следует, что начальники округов вполне способны

развивать тенденции политического сепаратизма, если Центр не будет проявлять политической осмотрительности в духе времени.

Региональная фронда уже сегодня недовольна назначением окружного начальника из Москвы, требуя попеременного назначения на его место лиц из числа руководителей входящих в него регионов. Подобная мера делает возможным баланс интересов региональных элит на основе окружного консенсуса и усиливает политическую сплоченность региональных сил под эгидой округа. Таким образом, реформа государственно-территориального устройства формирует из маломощных и политически разобщенных субъектов Федерации реальные политические центры власти на основе окружного кондоминиума. При этом роль федерального Центра в раскладе сил уменьшается. Нет также народного представительства на уровне округов, что способствует и поощряет политический волюнтаризм исполнительных структур. При слабом федерализме и слабом федеральном Центре образование и усиление федеральных округов ведет к распаду России.

Поэтому нашим соседям из дальнего зарубежья нет необходимости тратить на проведение координированной, массовой стратегии по развалу России. Наши реформаторы и слабый федеральный Центр сами содействуют политической дезинтеграции страны, укрепляя экономическую мощь регионов и поощряя квазигосударственные тенденции. Сильные федеральные округа - путь к политическому сепаратизму.

Уже сегодня крупные корпорации рассматривают Сибирский и Дальневосточный ФО как источники энергетических и других минерально-сырьевых ресурсов со всеми вытекающими для Центра последствиями. Уральский и Поволжский ФО - это источники перспективных для них технологий, поскольку здесь сосредоточен основной потенциал отечественного ВПК. Во всех федеральных округах создается инфраструктура содействия мультинациональным ТНК. Большое внимание уделяется человеческому фактору, т. е. поддержке тех кандидатур, которые способны вершить власть в федеральных округах на потребу заинтересованных иностранных кругов. В это направление вкладываются большие иностранные деньги при полном отсутствии реакции федерального Центра. Развитие экономического эгоизма регионов при таком положении вещей еще более усиливает политическую и этнонациональную асимметрию России

и превращает Федерацию в не очень устойчивую конструкцию. Создается впечатление, что реформы в России проводят для сохранения неограниченно длительного периода нестабильности в стране.

Главная задача политического Центра в России состояла всегда в том, чтобы «хранить исторические заветы России». Основным достоянием российской государственности является сильный политический Центр, унитарное государство и свободная воля народа России. Исходя из этого обязанностью Центра в деле сохранения единства и целостности России становится его перманентный режим прямой военной диктатуры для спасения государства. Такой режим необходимо облечь в законные рамки, понимая, что ухабы глобализма в своей непредсказуемости порождают опасность в любой момент времени. Такая крайняя форма государственности диктуется современным положением России в мире и не является самоцелью. Она нужна для обретения Россией пути порядка и исторической правды. Несостоятельность федерального Центра вместе с ростом мощи консолидированных центров власти в федеральных округах способна привести в любой момент к распаду России.

Правительственная администрация не знает удержу в своих реформах. Пора понять, что реформаторский угар превысил уровень действующих центростремительных сил и для сохранения России надо усилить федеральный Центр на почве законности. Перенос политических пристрастий слабого федерального Центра на крупный капитал несовместим с правильно понимаемой заботой о сохранении и развитии целостности и единства России. Представители крупного капитала становятся своеобразным современным «дворянским сословием», знаменуют собой приход нового феодализма. Им подпевают региональные этноэлиты, претендуя на роль современного «помещичьего» сословия. Такими «реформами» правительство сеет в обществе «гроздь гнева». Только средний класс является надежнейшей опорой демократии и демократического порядка в стране. Однако такая задача не входит в повестку дня правящего про-олигархического режима.

Забыт основной тезис деятельности премьер-министра П. А. Столыпина, заявившего, что «децентрализация может идти только от избытка сил» и что она не может быть осуществлена «в минуту слабости» под напором требований, которые разрушают страну, уничтожают связи Центра с окраинами.

Меры по укреплению федеральных округов умаляют прерогативы президента, делая из президентского представителя наместника с большим сосредоточением власти в его руках и препятствуя прямому контролю Центра над регионами. Мозаичность интересов различных слоев общества реформы предполагают преодолеть, возведя чрезмерную пирамиду нормативно-правовых актов, в то время как политическая мудрость правящих кругов должна быть направлена на поддержку ее обществом и укрепление федерального Центра. Средства Центра должны быть употреблены на создание политически активного общества, строительство которого целиком и полностью связано с увеличением доли среднего класса. Как в начале прошлого века отсутствие преобразований аграрных отношений привело к революционному перевороту в обществе, так и сегодня проблема среднего класса — основной источник противоречий в обществе, его политической недоразвитости и слабого развития производительных сил.

Готовность общества отказаться от старого и стать на путь преобразований зависит от субъективного восприятия действий правящих сфер, их предпочтений. Понятно, что реформы в интересах крупного капитала не могут быть восприняты обществом как отвечающие духу времени. Более того, субъективно они воспринимаются как ретроградные действия власти в интересах кучки олигархов и политических интриганов. Реформы в интересах всех — это прежде всего пути к процветающему обществу на основе «третьего сословия». Современная буржуазная модернизация России может успешно проходить только в этом направлении. В настоящее время судебно-территориальные и государственно-территориальные реформы столь далеко оторвались от своего экономического пьедестала, что стали виртуальной реальностью, мало влияющей на реальные задачи большей части общества.

При сложившемся положении вещей эволюционное развитие общества представляется проблематичным. Практика двух десятилетий реформ показывает, что на старые проблемы наслаиваются новые, затрудняя их разрешение и обостряя ситуацию в стране. В этих условиях скачкообразность преобразований — реформы ЖКХ, РАО «ЕЭС», МПС и пр., и пр. — сродни в чем-то скачкообразности революции. Они полны противоречивости и непоследовательности, бюрократических издержек в ходе их реализации. По

сумме факторов они расшатывают государственность и плодят правительствующие камарильи, подводят страну к развалу.

Гражданское общество формируется на основе развитых в интересах всего общества экономических институтов. Судебные, административные и правовые надстроечные институты создаются на основе таких экономических институтов. Сегодня ситуация в стране такова, что это дело поставлено с точностью до наоборот, т. е. с ног на голову.

Сверхразвитость надстроечных политических институтов при недоразвитости экономического базиса ведет к усилению центробежных тенденций, регионализации страны, подвижкам регионов к зонам политического притяжения, росту правового и государственного нигилизма в обществе, коррумпированности государственно-региональной бюрократии и дезинтеграционных ожиданий в обществе.

Бюрократический характер метода проведения реформ особенно остро ощущается на фоне политической пассивности населения, равнодушного к подобному квазиреформированию, которое не касается его экономических интересов. Выступая за законность и порядок, современный политический режим связывает их в первую очередь с интересами олигархических и этнорегиональных элит, перехватывая инициативу у представительных учреждений и ограничивая по возможности их компетенцию.

Глубокая модернизация государственно-политического строя возможна на соответствующей экономической базе, которые лишь вкуче способны создать «правовое государство» и соответствующий ему новый общественный менталитет. Сегодня властвующий слой пытается через менталитет и надстроечные механизмы власти «выстроить» капитализм, т. е. бежит впереди объективных для того экономических предпосылок. Вновь страна по воле власти сталкивается с левым уклоном, вновь живем по Троцкому: если это необходимо, то это будет. Сегодняшние правые страдают левым уклоном, с которым борются с 1991 г.

Пора стабилизировать положение в стране, сделать действия правительства авторитетными в обществе. Только тесная взаимосвязь экономического и политического развития страны придаст реформам основательность без каких-либо признаков социального экспериментирования на живом теле населения.

Глава II

Анатомия распада

Известный русофоб З. Бжезинский как-то сказал: «Децентрализовать советскую империю значит вызвать ее распад ... любая значительная децентрализация - даже исключительно в экономической сфере — усилит потенциально сепаратистские настроения среди граждан СССР нерусской национальности. Экономическая децентрализация будет неизбежно означать политическую децентрализацию».

В советнике президента Картера по национальной безопасности Бжезинском счастливым для американской администрации образом сочетались две крайности: биологическая русофобия и социально-политический антисоветизм. Все это причинно определено его этническими - польскими — корнями. Для истории это малоинтересно, чего не скажешь о его приведенном высказывании. Еще более интересно, что знаменитый «идеолог» перестройки А. Яковлев учился в конце 1950-х годов в Колумбийском университете, Русский институт которого возглавлял Бжезинский.

Перестройка, проходившая под лозунгами демократизации и совершенствования социализма, на деле активизировала децентрализацию СССР. С подачи Центра ей создали правовые предпосылки в виде «приоритета республиканских законов над союзными». На первых порах Центр еще осторожно, но затем все громче муссировал идею «абсолютного суверенитета». В его рамках предполагалось, что «здоровые своеобразные» национальные силы преобразуют командно-административную систему страны в гуманную децентрализованную систему государственного управления. Однако своеобразие национальной партийной элиты выразилось в замене государственной собственности на средства производства своей. На фоне демократической децентрализации СССР начались процессы передачи государственной собственности в клановую,

по преимуществу этноклановую. В этой сфере оказались и источники природных ресурсов. Дальше — больше. Заговорили о конкурентной экономике, о кооператорах.

Именно Москва находилась в эпицентре этих новаций. Честолюбивый генсек со товарищи судорожно пытались удержать процесс «демократизации» под собственным контролем. Чем больше расширялось количество степеней свободы в экономике, тем меньше была степень управляемости страны. Расширяя правовые основы предпринимательской деятельности - через закон о кооперации, — получали взамен уголовную экономику и разрушение потребительского рынка. Процесс разгонялся, приобретал лавинообразный характер. Кавказ и Средняя Азия превращались в «отмывочные» центры в СССР. Например, Центр перечислял в среднеазиатские республики деньги за несуществующий хлопок. Порядок приписок достигал миллиона тонн хлопка, то есть 40% действительного сбора этой сельскохозяйственной культуры. Переведенные деньги обналичивались. Такие схемы действовали со всеми национальными республиками. В итоге на национальных окраинах жили лучше, чем в России. Все это, вместе взятое, укрепляло доверие местного национального населения к своей этноэлите. Сама руководящая элита, опираясь на местный шовинизм, ощущала себя в своих действиях все более свободной от опеки и контроля Центра. Ее сдерживала только зависимость от межреспубликанского оборота в валовом общественном продукте.

Менее всего от межреспубликанского обмена зависела Россия. Россия получала извне не более одной четверти своего товарооборота. Украина и Казахстан примерно на одну треть зависели от межреспубликанских поставок. В остальных союзных республиках зависимость от внешних поставок составляла от 50 до 60% собственного товарооборота. Понятно, что развал СССР возглавили именно Украина, Казахстан и Россия. Туркмения, обладая значительными запасами природных энергоресурсов, также присоединилась к этой троице.

Вообще говоря, Россия была дойной коровой для других союзных республик. Она производила национального дохода в расчете на одного человека на 20% больше, чем в среднем по СССР. За счет централизованного перераспределения значительная часть - до 68% — национального дохода, поступавшего в союзные республики, обеспечивала РСФСР.

В результате Россия по доле расходов на социальное развитие в используемом национальном доходе занимала последнее место в СССР. Поэтому для руководителей РСФСР суверенная государственность не являлась только лишь теоретической проблемой, но содержала элементы реальной политики. Неслучайно после образования СНГ массовый характер приняло перекрытие газо- и нефтепроводов, отключение линий электропередач в соседних республиках. Национальные лидеры брали под свой контроль экономику союзных республик, который только и мог обеспечить власть и устойчивость новых режимов.

Русская идея перестроечного периода не отличалась оригинальностью. Новые лидеры России в лице Ельцина и его команды были солидарны с украинскими и казахскими правящими сепаратистами, желая скинуть власть союзного Центра и зажечь припеваючи по собственному разумению и лучше, чем все остальные.

Властвующую национальную элиту, не исключая российскую, охватила эйфория, родственная тому чувству ослепляющей вседозволенности, что охватило Лаврентия Берия, Никиту Хрущева и Георгия Маленкова, когда они увидели умирающего Сталина. Власть шла к ним в руки. Все, что надо было сделать, - это не ошибиться, не сделать ложный шаг в миге от этого великого события в жизни любого политика. Тем более речь шла о власти над Россией, этой кардинальной точке геополитического мирового пространства.

Поэтому «перестроечное» время затянулось на целую пятилетку. Можно сказать, что советский период начинался первой пятилеткой созидания нового строя, а закончился пятилеткой конца этого строя. Ельцин медленно, осторожно двигался вперед к власти в России на волне распада СССР. Нарбатывал связи с потенциальными союзниками внутри СССР и с внешнеполитическими центрами власти, использовал «хохляцкую» ментальность Горбачева, которая способствовала допущению им массы политических промахов. Горбачев, прожив всю свою сознательную жизнь в России, так и не смог избавиться от хохляцкого акцента. В немалой степени из-за своей украинской ментальности он воспринимал хитрейшего В. Щербицкого как «своего». Вычистив до 91 процента брежневских ЦК и ПБ, Горбачев сохранил в ПБ с брежневских времен лишь одного украинского лидера и Шеварднадзе. Впрочем, и Алиев был выведен из ПБ только в 1987 году, оставаясь в составе ЦК до распада СССР.

Сам Горбачев, пытаясь взять под контроль процессы в РСФСР, создал под себя пост председателя Российского бюро КПСС. Но было поздно. Ельцин перенес эпицентр политической власти в России в Верховной Совет РСФСР, укрепив его с помощью разных категорий антисоветчиков: от западника академика Сахарова до адвентистов Седьмого дня. Ударными отрядами внутренней оппозиции стали шахтеры с касками и отбойными молотками. Все эти силы были активно задействованы Ельциным в борьбе за власть в России начиная с 1988 года. Кампания демонизации Центра началась еще раньше, тем более что неуравновешенный политический курс Горбачева постоянно раскачивал корабль государства. Националисты, союзно-республиканские этнолидеры охотно присоединились к этим усилиям ослабить Горбачева, чтобы затем вовсе избавиться от контроля и опеки Центра.

Идея раздельной суверенизации главных сил развала СССР — РСФСР, Украины, Казахстана, Туркмении - возникла из общего солидарного стремления самостоятельно поруководить. Неслучайно Ельцин, Назарбаев и Акаев (Киргизия) и слышать не желали о результатах общесоюзного референдума по вопросу сохранения СССР. Позиция Ельцина и его команды вполне отчетливо прослеживается, если взять тот громадный объем денежных и материальных ресурсов, которые Россия поставляла в союзные республики безвозвратно. Ельцину не нужны были поделщики в его борьбе за единоличную власть. Однако ее успех проистекал из союза с этнопартийными лидерами против «союзного» Горбачева. В политическом раскладе сил это неизбежно вело к «разводу» союзных республик. Да, в общем, любое участие «националов» в экономике России также не могло рассматриваться серьезно. Ельцину — власть, его поделщикам — экономику в России! Альтернативы не было. Лишние дольщики в экономике России команде Ельцина не были нужны. Но для этого надо было избавиться от остальных субъектов советского истеблишмента. Задача состояла в избавлении от Центра с одновременным устранением всех остальных, желающих поучаствовать в экономическом разделе России. Чтобы отвадить «националов» от ресурсов России, надо было поманить их национальным суверенитетом. Россия, Украина и Казахстан, как наименее зависящие от поставок других союзных республик (менее 1/3 их общего товарооборота), составили ядро процесса распада.

Между тем пока российские лидеры подготавливали переход власти, союзный лидер искал соломоново решение: как соединить рынок без собственника с планом без дисциплины, при этом оставаясь у власти. Все иное, что выходило за рамки этой трехзвенной формулы, генсек глубококомысленно называл торможением перестройки, но ситуацию усугубляли и объективные факторы. Так, за первый год руководства Горбачева дефицит государственного бюджета вырос на 250% и достиг в 1986 году 48 миллиардов рублей; еще через два года — 90 миллиардов рублей. Таким образом, ежегодный рост дефицита бюджета СССР достигал 100% в течение всего периода перестройки. В последний год жизни Леонида Брежнева дефицит был менее двух процентов в год. Безусловно, реально застой можно приписать только перестройке. Смятение коснулось и самого генсека. Лигачев как-то в сердцах отозвался о Горбачеве: «Сегодня говорит одно, а завтра — другое». Между тем дефицит союзного бюджета достиг в 1991 году 300 миллиардов рублей, то есть почти 2/3 его величины. Единственное «достижение» этого периода заключалось в том, что демагогия о переходе от командной экономики к рыночной свелась к реальному отстранению партийных органов от хозяйственных проблем страны. Так называемый контроль банков за хозяйственной деятельностью свелся к облегченным условиям увода и обналичивания бюджетных денег. До сих пор никто не удосужился подсчитать, сколько сотен миллиардов рублей, переведенных Центром в национальные окраины и записанных затем в дефицит, наполнили личные карманы московских и региональных деляг, осуществлявших перестройку. Дальше — больше. Горбачев к середине 1988 года осознал причину торможения перестройки. 28 июня он публично заявил, что тормозом и бедой всего является политическая система общества. Ее реформа, по словам генсека, непременно приведет к расцвету народного хозяйства и улучшению жизни населения. Генсек призвал к революционной перестройке. Опять слово повисло в воздухе. Но если слово Христа оживляло мир, то слово Горбачева разрушало привычный порядок вещей. Начинать политическую реформу, имея дефицит бюджета почти в 100 миллиардов рублей, означало, что генсек либо не понимает ситуацию, либо имеет некую стратегическую цель. Усиливающийся отрицательный эффект обеих одновременно действовавших реформ — экономической и политической — мог быть направлен только против стабиль-

ности существующего строя. Расчет на поднявшуюся политическую активность масс отрицательно сказался на Центре, который пока еще контролировал Горбачев. Но активность национальных окраин носила центробежный характер, поскольку контролировалась местными партийными лидерами, мечтавшими распорядиться властью без участия Москвы.

Тогда же был сотворен миф, что Михаил Сергеевич имел стратегической целью трансформировать компартию в подобие западной социал-демократии. С этим мифом бывший генсек не расстается до сих пор. Если миф лопнет, то как оправдаться перед собой и историей за сделанное? Интересно, что на этом фоне приближающегося хаоса латышская и эстонская компартии остались на прежних ортодоксальных позициях. Компартия России раскололась, а в остальных союзных республиках власть взяли партийные лидеры с шовинистическим душком. Центр утрачивал политическую власть в стране. Все силовые структуры на национальных окраинах, кроме КГБ, были поражены национализмом, сепаратизмом и коррупцией. КГБ был ограничен в своих действиях установкой ПБ на «гласность» и «плюрализм».

Ускоренный слом социально-политической системы советской власти, предпринятый Горбачевым и его соратниками по ПБ, создал мощные очаги разрушительного национализма в союзных республиках, особенно в условиях поднимавшегося вала экономической деструкции и разрушения производительных сил. Преступность за время перестройки росла на 35% ежегодно, то есть стала в пять раз выше, чем при Л. Брежнев. Реформаторский вред перестройки привел СССР к коме, а Россия до сих пор не может выйти из состояния экономической дебильности вследствие политических излишеств ее перестроечных отцов-основателей. Можно лишь согласиться с одним современником, который наблюдал перестройку из первых рядов политического партера. Он сказал, что «масштабы преступности и коррупции - это концентрированное отражение состояния совокупного здоровья общества и экономики». Вот и сегодня криминальная кома душит все общественные и экономические институты общества. Поскольку власть тоже является общественным институтом управления государством, то и она находится под влиянием этой криминальной комы, а значит, не может действовать свободно и независимо в интересах простого человека. Поэтому ресур-

сы государства расходуются неэффективно, то есть не в интересах широких масс населения, а только в интересах той камарильи, которая управляет уровнем комы. Этой камарилье выгодно иметь полупридушенное государство, которое не в силах мечом правосудия отсечь коррупционные, гнилые звенья государственного аппарата и покарать конкретных персоналий.

Перестройка дала жизнь колоссальной структуре теневой экономики, в которой возникли центры организованной преступности, имеющие свои «филиалы» во всех ветвях государственной власти всех уровней. Причем это осуществлялось либо прямым способом через кооптацию своих людей, либо косвенно - через коррупционные каналы своего влияния. Если учесть, что данное сооружение складывалось в связке с политическими структурами почти 20 лет, то сегодня весьма трудно определить, кто кого представляет и контролирует в правительстве, суде, законодательной власти страны. Вирус политического разложения эпохи перестройки сохранился в российских властных структурах. Его материальная мощь необычайно велика. К тем десяткам миллиардов рублей, что расхищены из союзного бюджета в 1988 году, необходимо приплюсовать не менее 70-80 миллиардов рублей, что выручила теневая экономика в том же году. Таким образом, криминально-политические структуры располагали в 1988 году финансовыми активами, достигавшими 30% всего союзного бюджета. Этот масштаб сохранился до сего времени.

Когда хищения из союзного бюджета достигли запредельных сумм, вдруг не одна и не две, а все союзные республики разом заявили, что поскольку они самостоятельны, то и МВД у них собственные и они отказываются подчиняться союзному министерству. Понятно, что боязнь ответственности за совершенные дела только подстегнула процессы суверенизации в союзных республиках. Фактически под лозунгами демократизации и децентрализации в национальных окраинах страны и ее Центре складывался коррупционный механизм осуществления власти. Следственные органы стали делиться на «свои» - местные - и «чужие», присланные для проверок из других частей СССР. А органы КГБ принудили заняться сферой, всегда относившейся к компетенции ОБХСС. Позже по заданию партии они начали бороться с припрятыванием товара в магазинах! Главные темы повестки дня — коррупция в правящей элите, нацио-

нал-шовинизм всех мастей, разбазаривание госбюджета - остались вне поля их внимания.

Масштабы разложения государственного строя увеличивались. Если сравнить с более спокойными временами с точки зрения стабильности государства, то при Андропове были вычищены из органов МВД более 100 тысяч человек, не менее 10% из них были осуждены. При Горбачеве было посажено 90 милиционеров в 1988 году, в 1989 году - 120 человек. При этом масштабы хищений госсобственности по стране и коррупция выросли в сотни и тысячи раз. Горбачевская власть отказалась или не захотела защищать закон и правопорядок в стране. Сегодняшний уровень криминализации и коррупционности страны во многом обязан своей значительностью М. С. Горбачеву с его курсом революционной перестройки.

Вообще говоря, то время продемонстрировало много идейных садомазохистских тенденций. Чего стоит, например, решение пленума ЦК КПСС в марте 1990 года об отмене роли КПСС в стране «как руководящей и направляющей силы». Однако ощущение лишнего мига на вершине власти не давало главному «кукловоду» страны Горбачеву просто дать команду на роспуск КПСС. В этих условиях только ленивый не смог бы включиться в борьбу за власть, не говоря уже об энергичнейшем Б. Ельцине, носившем к тому же венец святого от демократии и пострадавшего за плюрализм от компартии.

Но демократизации и законности на национальных окраинах не было. Отмена статьи 6 Конституции СССР привела к переходу власти в союзных республиках к этноэлите, жившей по законам властвующего клана. Население республик, кроме подпитываемых деньгами Запада прибалтов, оказалось обреченным на нищету и бесправие. Политическая активность была направлена не на становление гражданских структур, а на разжигание националистических мифов. Так, Черновил, продолжатель дела Степана Бандеры, уже ставший в конце 1980-х годов во Львове председателем исполкома, был категорически настроен в разговорах с эмиссарами Горбачева против сохранения и существования СССР.

Развал экономики СССР нарастал, вместе с ним росла мощь союзно-республиканских центров с их правящей элитой. Н. Рыжков, предсовмина в то лихое время, как-то сказал: «Надо было отдельные венцы заменить, а мы всю избу раскатали...» Но ведь и он не новичок. Еще в 1982 году не кто иной, как Ю. Андропов, привел его

в ЦК на специально для него учрежденный пост руководителя экономического отдела ЦК. И всё последующее десятилетие Николай Иванович принимал деятельное участие в кампаниях Горбачева — сначала просто в перестройке, и затем уже и в революционной перестройке. Самый красноречивый для истории образ предсовмина за все это десятилетие - это Рыжков, рыдающий по жертвам землетрясения на руинах Спитака. Тот же Рыжков однажды сказал: «Люди готовы жить без мяса и хлеба, но не готовы жить с преступностью». Что бы он сказал сегодня, когда организованная преступность «повязала» и кормит всех — от самого простого человека почти до самого «верхнего»?

Вместе с тем Горбачев продумывал для себя варианты, как оправдаться перед историей. Весьма интересно, что осенью 1990 года на ПБ выступил В. Крючков с планом введения президентского правления по всей стране. Естественно, только «демократический плюралист» Горбачев был против, остальные с восторгом поддерживали идею. Хохляцкая хитроумность Горбачева и здесь предусмотрела выход из грязи в «белых одеждах». План не прошел, но Горбачев предложил учредить новый пост в помощь Н. Рыжкову - зам-предсовмина по межнациональным вопросам.

Этот ход Горбачева открывает глаза на весь перестроечный процесс. Оказалось, что генсек—президент вполне отдавал себе отчет в том, что слом старой государственной машины может идти только по линии развертывания новой, «по-настоящему марксистской» ревизии национального вопроса. Только в этом сценарии можно было осуществить политическое жонглирование терминами «демократизация», «гласность», «дефедерализация», «плюрализм» и так далее, и тому подобное. Союзно-республиканские партлидеры должны были почувствовать в этом процессе расширение своей самостоятельности и снижение контроля со стороны Центра, и уж, конечно, в своей республике они являлись бы действительными хозяевами. Истинный план Горбачева состоял в создании социальной химеры, сочетавшей в себе родоплеменное административное управление наподобие аравийских эмиратов с политическим руководством по типу западной цивилизации, а также обеспечение дорогим партийным сестрам «по сережке». Все должны были остаться довольны, тем более что парадигма социал-демократии включала в себя правовые формы частной собственности на средства производства.

Случилось по-иному. Националистический фактор в условиях развала экономики и государственно-политической структуры страны стал самодовлеющим. Сам факт созыва Политбюро по национальному вопросу уже свидетельствовал о желании Горбачева вернуться к изначальной ситуации апреля 1985 года, когда он впервые выпустил «дракона перестройки», а по сути, дал отмашку на раздувание фактора национал-шовинизма в национальных окраинах СССР. Политическая почва уходила из-под ног хитрого генсека и первого президента СССР. Ее открыто отбирали у него энергичные Ельцин, Акаев, Назарбаев и действовавший тихой сапой Кравчук. Горбачев придумывал для себя все новые посты, включая и пост президента страны, но организационно-административные меры уже не помогали стабилизировать политическую ситуацию в стране. Тем более что никто из этнических партлидеров не собирался делиться с Горбачевым или с кем-либо другим не входящим в их кланы наиболее жирными кусками государственной собственности. Выходило, что строй или не строй Горбачев свою социал-демократию, его не только не допустят к власти в стране, но и пронесут мимо его рта всю сколько-нибудь значительную собственность. Так оно и получилось впоследствии. Фонд Горбачева получил из недвижимости в собственность только бывшую партийную гостиницу на Ленинградском проспекте в Москве.

Горбачев ради сохранения своей личной власти внутренне был уже готов скатать, как архангелы небо, перестройку и забыть об этом ужасе, который при своем простейшем хитро-хохляцком менталитете выпустил в политическую реальность сложнейшего механизма России и СССР.

Однако на дворе стоял уже ноябрь 1990 года, и «до конца времен» оставалось чуть больше года. Не помогла Горбачеву и поддержка «мирового общественного мнения», ему дали Нобелевскую премию мира. Своя логика действий у «мирового мнения» была: мир он принес им, но зато войну и разлад — стране, в которой вырос. Западная Европа всегда мечтала безнаказанно унижить Россию и, конечно, пребывала в восторге от действий генсека. Но, как сказал Пушкин: «Европа в отношении России всегда была столь же невежественна, как и неблагодарна».

16 ноября 1990 года Горбачев выступает в ВС РСФСР с докладом «О положении в стране», в котором предлагает подчинить всю ис-

полнительную власть в стране ему, то есть президенту. Другой его новацией было создание координационного органа правоохранительных служб страны, который в том числе должен был заниматься надзором за нарушениями в сфере межнациональных отношений и политики. Этому органу вменялось в компетенцию отслеживать и пресекать любые отклонения от действующего законодательства, включая антиконституционные действия националистических сил.

Пользуясь политическими эвфемизмами, Горбачев задумал реанимировать аппарат государственной полиции в новом облике, а заодно переложить ответственность за развал в стране с себя на МВД, которое обвинил «в демонтаже вертикальных структур и развале системы».

Накануне Ельцин призвал ВС РСФСР проголосовать за экономический суверенитет республики с передачей из союзной в российскую собственность находящихся на ее территории природных ресурсов. Тем самым он призывал влиятельные кланы России переходить к нему на службу, имея в виду наделение их в будущем «пожалованными вотчинами» «за усердие». Совсем в духе XV—XVI веков, когда московские цари наделали влиятельных перебежчиков из Литвы и Орды московскими поместьями. У Горбачева была выбита экономическая опора, которая в то лихое время только и могла привлечь политических попутчиков. Впереди замаячил рынок. Деинтеграция СССР стала неизбежна. Союзная власть оказалась бессильной не перед валом «суверенизации», национализмов, сепаратизмов и шовинизмов союзных республик, она оказалась бессильной перед демоном наживы, открывшим все преимущества людям, обладающим политической властью в стране, вставшей на рельсы рыночных отношений.

Политический олимп превращался лично для них в экономический Клондайк. Ельцин сыграл на шкурном интересе российских политических элит и получил в итоге самое широкое представительство в массах через всю гамму российских политических партий всех мастей, исключая разве что компартию.

Горбачев все тешил себя надеждой на лучшее и поставил задачу пресловутому органу в два года покончить с преступностью. Расшифровывая этот эвфемизм, можно уяснить, что генсек говорит здесь о тех «товарищах», которые не ставят для себя вопроса о его нахождении у власти в стране. Однако средств для выруливания си-

туации в нужном направлении он уже не имел. Члены его ПБ были бессильны что-либо предпринять, полностью потеряв влияние в своих республиках. Они с Горбачевым жили в каком-то особом мире, который никак не соприкасался с действительной жизнью страны. В какой-то мере вера Горбачева в свое светлое политическое будущее напоминала чувство немецкого фюрера, которое придавало атмосфере бункера рейхсканцелярии накануне падения Берлина радужные перспективы и надежды, питаемые бессознательными импульсами о собственном величии и роли в мировой истории.

К тому времени уже было известно, что ВС Украины и ВС Белоруссии препятствуют использованию за пределами своих республик личного состава внутренних войск и республиканских правоохранительных органов. А из неславянских союзных республик шла информация не просто о широком распространении национализма, а о блокировании республиками конституционных норм и законодательства СССР. Все вместе это парализовывало союзную власть, что нервировало Горбачева. И уже к началу 1990 года массовые движения в союзных республиках превращаются в подлинные политические партии, акцентирующие внимание общества на национальных правах. В этой связи в условиях блокирования союзного законодательства республики принимают свои избирательные законы, ориентируя общество на создание легитимной национальной власти и экономической независимости. В самой России процесс отмежевания российских госструктур от союзных занял период с февраля по июнь 1990 года, когда съезд народных депутатов РСФСР принял 12 июня Декларацию о государственном суверенитете республики. В течение месяца это сделали также Узбекистан, Молдова и Украина. Немного ранее, 23 мая 1990 года, Горбачев, выступая на этом съезде, как-то странно рассказывает депутатам, как до конца добить СССР: если Россия реализует свое право выйти из Советского Союза, тогда - всё, Советского Союза нет. А 30 мая 1990 года Ельцин на съезде депутатов РСФСР избирается председателем ВС РФ.

Теперь политический процесс идет именно в таком русле: готовятся последние договоренности с союзными республиками о совместных действиях по выходу из СССР и созданию некоего их альянса для произведения на народные массы благопристойного впечатления. Дальнейшие события показали, что СНГ являл собой в значительной мере лишнюю структуру. Его роль была важна лишь

для США в контексте эффективного контроля ядерных арсеналов СССР. Именно американцы затем несколько лет уговаривали главных подписантов — Украину, Белоруссию и Казахстан — сдать свои ядерные арсеналы России под гарантии США. Во всем остальном это была потемкинская деревня, скрывающая за своим роскошным фасадом фальшь и пустоту намерений, кроме стремления к институту личной власти.

Горбачев сопротивлялся попыткам Ельцина и его славянских товарищей в этом направлении, организовав процесс выработки нового союзного договора. Однако поступок его ближайшего коллеги по ПБ и шефа МИД СССР Э. Шеварднадзе показал тщетность усилий генсека.

Под новый 1991 год Шеварднадзе покидает лодку Горбачева с кличем «грядет диктатура!», чтобы всплыть через полтора года уже руководителем суверенной Грузии. Однако Горбачев все еще верит в свое величие и историческую роль и пытается заручиться 18 октября 1990 года поддержкой республиканских авторитетов при создании нового союзного договора.

Ельцин ведет собственную кампанию в борьбе за власть и заявляет 14 августа 1990 года в Уфе: «Возьмите ту долю власти, которую сами сможете проглотить. И мы согласимся с этой долей, с этим решением». С этих слов пошел вперед по нарастающей парад суверенитетов уже внутри России. Также интересно, что в течение десяти дней после этого приняли декларации о независимости Туркмения, Армения, Таджикистан, Абхазия и Татарстан.

В ответ на обвинение 17 ноября 1990 года Н. Рыжкова, что «сейчас немало делается для того, чтобы разрушить СССР, руководство РСФСР,

по существу, делает заявку на то, чтобы стать центром власти взамен всех ныне действующих структур. Безусловно, эта деструктивная политика может привести к развалу государства, создававшегося тысячелетиями», Ельцин спустя три дня делает ответный контрход.

20 ноября 1990 года в Киеве заключен договор между Украинской ССР и Россией. Его подписали председатели ВС этих республик Л. Кравчук и Б. Ельцин. Это был новый тип договора между суверенными государствами. Ельцин опередил Горбачева на четыре дня. Только 23 ноября 1990 года был обнародован проект союзного договора по замыслу генсека. Ельцин начинает бить генсека его же оружием. После событий января в Прибалтике Горбачев был обви-

нен 19 февраля 1991 года в излишней жесткости, повлекшей кровопролитие. Ельцин предложил Горбачеву уйти в отставку с поста президента СССР. Это был сильный ход. Кроме того, создалась своеобразная политическая коллизия, исход которой далее предполагал развитие истории по двум сценариям.

Первый вариант, связанный с отказом от «предложения» Ельцина, привел к нынешнему положению.

Второй вариант, связанный с принятием предложения и уходом Горбачева в отставку, оставлял пост президента СССР вакантным, на него, кроме Ельцина, не было серьезных претендентов. Поэтому этот путь предоставлял широкие перспективы для сохранения Союза.

Неделю спустя в Минске Горбачев заочно ответил Ельцину. Он сказал, что «цели председателя Верховного Совета России расходятся с целями перестройки, как она была задумана». Кроме того, президент призвал трудящихся Белоруссии не поддаваться «всяким дуновениям ветров, которые возникают то справа, то слева, причем порой очень жесткие». По словам Горбачева надо «крепить силы Центра и решительно действовать». Если перевести на нормальный язык эти поэтические чувства, то президент имел в виду, что его курс наиболее правилен, а потому все трудящиеся должны следовать за ним, отвергая, с одной стороны, Ельцина, а с другой - КПСС. Спустя несколько часов он уточняет свою мысль: во всех трудностях и бедах перестройки, оказывается, виноваты «так называемые демократы». Горбачев сердится на то, что сам вызвал к жизни.

Ельцин ответил 9 марта 1991 года, неделю спустя. Он призвал в Московском доме кино к созданию общего фронта демократии и переходу в наступление на партократов. Российский лидер клятвенно заверил присутствующих, что его ничто не связывает с Центром. В преддверии Всесоюзного референдума о сохранении СССР он ведет активную деятельность.

В референдуме 17 марта участвовали 80% внесенных в списки для голосования, из них 76% высказались за сохранение Союза. Органы власти Грузии, Литвы, Молдовы, Армении и Эстонии воспрепятствовали проведению референдума в своих республиках. В остальных республиках участвовали в референдуме от 75 до 97,7%, из них от 70 до 98% высказались за сохранение СССР. Эти данные показывают, что Союз в усеченном виде мог быть сохранен в случае добровольного ухода Горбачева.

До 12 июня 1991 года пикировки двух лидеров носили спорадический, непринципиальный характер. В этот день прошли выборы президента РФ, в них участвовали 75% внесенных в списки. Ельцин получил 57% общего количества голосов. Татарстан не проводил на своей территории выборов. После подведения результатов выборов Горбачев публично указал на невысокий, по его мнению, процент голосов, поданных за Б. Ельцина.

Следующий раунд прошел 24 июля, когда Горбачев объявил о завершении работы над проектом Союзного договора. В тот же день Горбачев делает контрвыпад против Ельцина, инициировав обращение ЦК КПСС в ВС СССР просьбой поручить Комитету конституционного надзора дать заключение о соответствии Указа президента РСФСР о прекращении деятельности организационных структур политических партий и массовых общественных движений в госорганах, учреждениях и организациях РСФСР Конституции и законам СССР.

На тот факт, что идея Союза ССР без Горбачева имела определенную будущность, указывает частная встреча 29 июля 1991 г. в Москве Горбачева, Ельцина и Назарбаева. Двое последних предложили Горбачеву провести кардинальные перестановки в высшем эшелоне власти. Таким образом, ни одна из противостоящих сторон не могла нащупать правовую почву в действующем законодательстве, которая позволяла легитимно произвести отчуждение власти в свою пользу. Необходим был политический артефакт, повод, могущий дать возможность наиболее решительному из двух - Ельцину или Горбачеву — сделать это.

Хотя на этой встрече трех лидеров было достигнуто согласие о подписании договора 20 августа, последующие события показали, что Ельцина это не устраивало. Так, 8 августа 1991 года политическая основа сторонников Ельцина — движение «Демократическая Россия» - выступила с условиями, при которых договор мог быть подписан. В частности, в заявлении ДР говорилось о непременном одновременном подписании договора РСФСР, Казахстаном, Украиной, Белоруссией, а также о соответствии его законодательству РСФСР. Выдвигалось еще несколько других требований, целью которых было затруднить подписание этого документа. Кроме того, ДР настаивала, что на данном этапе договор должен быть введен на ограниченный - год - срок.

Ясно, что все эти предварительные условия не могли быть озвучены без согласия Ельцина. Поскольку текст договора был засекречен до момента подписания, такая утечка информации имела цель оказать психологическое давление на Горбачева, находившегося в Форосе.

13 августа Ельцин встречается с В. Купцовым, первым секретарем ЦК КП РСФСР, и заверяет его, что упомянутый выше указ президента РСФСР о департизации не предусматривает каких-либо репрессивных мер в отношении коммунистов. То есть, надо полагать, смысл заключался в обещании гарантий, если возглавляемые Купцовым коммунисты воздержатся от участия в каких-либо событиях в будущем.

Горбачев также нарушает свое уединение и отдает команду опубликовать 16 августа через ТАСС текст Союзного договора. В тот же день Ельцин отбывает из Москвы в Алма-Ату. Вновь он публично появляется в Москве только 19 августа около полудня, когда тысячи москвичей и гостей столицы увидели его стоящим на танке у Белого дома. Через 15 минут после своего появления Ельцин подписывает указ президента РСФСР № 59, из которого общественность страны узнает, что создание ГКЧП есть государственный переворот, а его члены — государственные преступники. Артефакт состоялся, власть плыла Ельцину в руки.

И он начинает решительно действовать, дабы укрепить свое положение и власть. Помимо арестов членов ГКЧП 23 августа, Ельцин издает указ о роспуске КП РСФСР, дает команду опечатать здание ЦК КПСС и подписывает документы о том, что КГБ РСФСР объявляется правопреемником союзного КГБ. На следующий день Горбачев слагает с себя полномочия генсека на заседании ВС РСФСР, в кулуарах которого ему ясно дают понять, что плодами только что состоявшейся победы будет распоряжаться не он. И дальше он вынужден играть роль марионетки. Так, 5 сентября на внеочередном съезде народных депутатов СССР Горбачев делает странный доклад о Законе СССР о власти в переходный период. Съезд принял этот закон, согласно которому президент СССР и высшие должностные лица девяти республик-участниц новоогаревского процесса составляют Госсовет, лишенный каких бы то ни было властных прав. По этому закону следовало, что съезд фактически провозгласил свой самороспуск, передав законодательные функции Госсовету.

Фактически завершилось политическое противостояние Горбачева и Ельцина. Путь к последнему документу, легитимизирующему конец СССР, был открыт. Власть в России досталась Ельцину. А при более благоприятном раскладе Ельцин мог оказаться лидером усеченного Союза ССР в составе девяти союзных республик. Однако властолюбие и ограниченность Горбачева как национального политика помешали этому обстоятельству. При согласии Горбачева передать власть Ельцину «выигрыш» последнего был бы куда больше. Поэтому Ельцин не мог в полной мере быть удовлетворен своей победой. Победа была неполной, поскольку составляла лишь часть приза.

После сентябрьского съезда народных депутатов СССР последовала политическая пауза, закончившаяся Беловежскими соглашениями. Столь длительный период их подготовки не может не наводить на мысль, что в этот период все еще продолжались поиски решений, могущих под властью Ельцина собрать воедино девять республик-участниц новоогаревского процесса. Ельцин, как продукт российской государственной мысли, конечно, не мог пройти мимо исконной русской идеи «объединения земель под скипетром Москвы». По словам Ельцина, с августа 1991 года до момента отставки Горбачева у них было не более десяти встреч. Не вдаваясь в подробности, лидер России вспоминает, что в качестве отступного за свой уход Горбачев представил огромный список материальных в основном претензий. Очевидно, в рамках этих встреч решались не только те вопросы, которые были озвучены в разное время обоими лидерами. В таких переговорах не могли не ставиться вопросы о геополитической реальности в контексте российской государственности. То есть вопрос о новых формах существования государственного образования на месте СССР, его политике и политических лидерах должен был быть поставлен. Неоднократно впоследствии Горбачев с глубоким сарказмом, упоминая о том периоде, говорил, что еще не время о нем рассказывать все.

С сентября в России «властители» всех уровней на местах уже стремятся взять под свой личный контроль государственную собственность. В ВС РФСР разыгрываются страсти вокруг закона о выборах глав местной администрации. Эзоповым языком выразился об этих правовых коллизиях Г. Попов, который заявил, что в демократическом движении сложились два крыла: либерально-демократическое и социал-демократическое, которые и сталкиваются

между собой в советах всех уровней. Если перевести это на нормальный язык, видимо, Попов говорил о готовности первых приватизировать по-быстрому всю имеющуюся собственность. Вторые этому мешали. На Ельцина оказывали давление оба лагеря. В этой связи стратегическая пауза, затянувшая распад СССР, находит свое объяснение. При сохранении урезанного до девяти союзных республик Союза Ельцину пришлось бы еще заниматься урегулированием проблем собственности на национальных окраинах. Однако это были те проблемы, которые так удачно им использовались против Горбачева в борьбе за власть. То есть пришлось бы влезать в прерогативы этнических элит, что было весьма небезопасно при пусть политически полузадушенном, но все еще сохранявшем хохляцкую хитроумность Горбачеве. Взвешивание жребиев заняло весь этот период. Наличие ядерного оружия на территориях славянских республик и Казахстана, казалось, было на пользу плану сохранения новой формы союза. Тем более что 4 октября 1991 года Л. Кравчук заявил, что «Украина — ядерная страна». Белоруссия также объявила, что создала собственные национальные вооруженные силы. Зная, что для американцев распространение ядерного оружия является болевой точкой, Ельцин мог поиграть на этом поле для решения вопроса о новом союзе под его властью. Тем более что высказывания всех четырех ядерных республиканских диадохов в течение 1991 года как будто свидетельствуют о некоем согласии среди них по важнейшим политическим вопросам. Причем лидерство Ельцина в этом кругу сомнения не вызывает.

«Посеявши ветер, пожнешь бурю», - гласит библейская мудрость. Парад суверенитетов прокатился и по России. Особенно крайние формы он принял в тюркских республиках Татарии, Башкирии, Якутии и Чечено-Ингушетии. Здесь общество и местные органы власти поставили на повестку дня вопрос о независимости республик. Перед Ельциным возникли новые трудности внутривнутриполитического характера. Так, 10 сентября 1991 года состоялась по указанию Ельцина поездка в Грозный госсекретаря Г. Бурбулиса для согласования комплекса мер по стабилизации обстановки. Попытка Бурбулиса примирить светский ВС ЧИР и радикальный национал-мусульманский Исполком ОКЧН полностью провалилась. Вдобавок обе стороны крайне озлобились на российский Центр за беспомощность посредника. Более того, через полтора месяца на выборах,

организованных ОКЧН, в Чечне был избран президентом Д. Дудаев. В выборах участвовали 72% избирателей, из них 90% проголосовали за Дудаева.

Внутриполитические неурядицы Ельцина заставили республику обратиться к Западу или пойти на провокации. 24 октября неожиданно в «Независимой газете» публикуется интервью первого вице-премьера Украины К. Масика в связи со слухами об обсуждении якобы в российском руководстве вопроса о гипотетическом обмене ядерными ударами между Россией и Украиной. Назарбаев в это же время предпринимает государственное турне с успешными визитами в Китай и Турцию. Не исключено здесь участие «руки Горбачева», поскольку Назарбаеву также удалось получить значительные английские банковские кредиты, имея в виду теплые отношения генсека с британским истеблишментом. Вполне вероятно также, что указ президента России от 6 ноября 1991 года о прекращении деятельности КПСС и Компартии РСФСР на территории РСФСР являлся следствием поддержки этими организациями продолжающихся интриг Горбачева против власти Ельцина.

Между тем Дудаев объявляет с 1 ноября ЧР суверенным государством. Ельцин перед растущим валом внутренних и внешних проблем срочно назначает «ответственное министерство». 5 ноября своим указом президент РСФСР назначает Г. Бурбулиса фактически первым лицом в правительстве в должности госсекретаря, среди других известных фигур - Е. Гайдар - министр экономики и финансов и А. Шохин — министр труда и социальной защиты. Несколько позднее для организации раздачи «сережек» сестрам и братьям по общей борьбе Ельцин назначает А. Чубайса на ключевой пост начальника госкомитета по госимуществу. Две из этих фигур наиболее знакомы и одобряемы Западом как участники «кружка свободомыслящих молодых экономистов-немарксистов» с Змеиной горки под Ленинградом. Это Гайдар и Чубайс. «Змеиногорынычи» возглавили курс экономических реформ. Это не могло не понравиться Западу, и здесь Борис Николаевич мог быть спокоен. Бурбулис уже показал себя два месяца назад в Чечне на переговорах, но все же остался в качестве основного разъяснителя геополитических проблем для президента, который, конечно же, не мог забыть декабрь 1989 года, когда Бурбулис организовал в Свердловске движение «Демократический выбор» для поддержки кандидатуры Б. Ельцина.

Логика понятна: экономику под контроль западных ставленников; раздача наград соратникам через своего, т. е. Чубайса.

12 ноября неожиданно «обнародовался» Горбачев в связи с выходом в свет его книги «Об августовском путче». Он пригрозил своим оппонентам: «Теоретики сепаратизма и противники Союза будут, в конце концов, посрамлены. Скоро мы будем снова обсуждать союзный договор, импульс к его сохранению идет из глубин общества». Более того, Горбачев назначает Э. Шеварднадзе министром внешних сношений Союза, а лидер России, как, впрочем, и другие шестеро - Беларуси, Казахстана, Кыргызстана, Туркменистана, Таджикистана, — заявляет о готовности до конца года подписать союзный договор! Воистину неисповедимы пути Господни и пути политиков! Хотя все объяснимо: любое ослабление позиции Ельцина внутри и вне страны есть для Горбачева шанс вновь оседлать «политического тигра» в России. Ельцин принимает меры.

Десять дней спустя, 25 ноября, вместо ожидавшегося парафирования проекта договора о ССГ на заседании госсовета Ельцин объявляет, что «российский парламент не готов ратифицировать концепцию единого, даже конфедеративного государства». Вслед за ним члены Госсовета СССР, то есть руководители семи республик, также отказались утвердить проект договора. Горбачев лишился своего последнего политического ресурса. Судьба СССР была предreshена, и на этот раз потребовалось совсем немного времени на оформление документов.

Ситуация распада, длившаяся почти год, закончилась после решительных действий Г. Бурбулиса. В одну из пауз в процессе перетягивания каната по проекту договора осенью 1991 года он примчался к российскому лидеру в Сочи, где смог убедить того отбросить ненужные политические элементы и смело соглашаться на беловежские схемы. Именно тогда всплыл в окончательном виде проект по СНГ, то есть юридический развал СССР. Бурбулис доказал своему политическому патрону, что ситуация распада, длившаяся в своей наиболее острой стадии с начала 1991 года и имевшая целью де-факто скинуть с пьедестала власти Горбачева, может затянуться на неопределенно долгое с учетом политической изворотливости «клиента» время. Любое промедление при фактически сложившемся двоевластии в этом случае было бы на пользу Горбачеву. Поэтому надо было решиться и причислить последнего к классу чуждых Ель-

цину политических элементов и ставить вопрос по существу, юридически, что снимало вопрос о Горбачеве как политической фигуре вообще. Суверенизация союзных республик вела, согласно беловежским схемам, к утрате государственно-политического контроля над ними, но зато избавляла Ельцина от роли арбитра в их межклатных спорах по собственности и доле власти в этих республиках.

Ельцин согласился на предложение Бурбулиса о создании СНГ по этому проекту Беловежского соглашения. Примерно к этому времени (середина - конец октября) относится появление документа, содержащего в тезисной форме все положения будущего договора о СНГ. Автор документа, а почти все аналитики считают, что это Бурбулис, исходит из того, что «сохраняющееся двоецентрие» создает видимость нейтрального ожидания, а на деле ведет к такому положению, когда РСФСР «превращается в политического заложника беззубого Центра». Далее автор перечисляет (закладывает) всю команду Ельцина, - а вдруг что-то не так выйдет — и называет ее «командой разумных носителей российского самосознания». Документ противопоставляет им тех, кто связан «с кругом высокопоставленных руководителей Центра» и еще «не изжил в себе иллюзии относительно целесообразности сосуществования центральных и российских структур». Дальше в тексте содержится обращение к Ельцину, которого убеждают, что он «найдет поддержку и среди демократически настроенных масс, и среди традиционалистов», если решится на «жесткое решение проблемы становления полноправной самостоятельной России». С российского лидера снимаются упреки в империализме, поскольку Россия «не зовет в свое государство другие бывшие союзные республики». Поэтому автор меморандума (наверняка Бурбулис) призывает Ельцина «взять на себя ответственность за продолжение существования на международной политической карте крепкого Российского государства; предложить отделившимся союзным республикам действительно договориться о возможной сфере совместных новых интересов и структурах их реализации; перевести незамедлительно отношения с бывшими союзными республиками в русло международных». Причем все делать надо очень быстро. Автор поясняет свою последнюю мысль ссылками на то, что «бывшие союзные республики» «были так вероломны в отношении Центра», то есть Горбачева, и, следовательно, нет гарантий, что не будут интриговать и против российского лидера в на-

дежде, как выразился Бурбулис, на обеспечение за счет российских «нефтяного и газового кранов». По крайней мере, многие наблюдатели из первого ряда партера российской политики говорят, что главным идеологом этой политики был Г. Бурбулис.

Поэтому новоогаревский процесс с его проектом союзного договора с этой точки зрения был плодом союзно-республиканских интриг, и вся энергия госсекретаря РСФСР расходовалась в октябрь-ноябре на убеждение Ельцина и республиканских лидеров «ассоциироваться в новую межгосударственную общность», контуры которой намечались в образе альтернативной Союзу иной организации, то есть СНГ. В этой связи в течение осени через Ельцина на уровне руководителей республик постоянно озвучивались опасения, что в союзном договоре нет механизмов влияния на Центр, а это ведет к его диктатуре. Поэтому Содружество Независимых Государств как форма межреспубликанская все более воспринималась лидерами республик. Окончательно идея распада обрела свою правовую форму на заседании Госсовета 25 ноября 1991 года, когда Ельцин отказался парафировать проект союзного договора. Таким образом, под градом доводов Г. Бурбулиса и С. Шахрая Ельцин решился убрать «Центр» и сам засесть в Кремле. На том историческом заседании, как рассказывают, председатель Госбанка Геращенко заверил Б. Ельцина в своей полной поддержке и просил его дать «письменные указания».

Процесс прекращения существования СССР перешел после этого в летальную фазу. 1 декабря украинский лидер Л. Кравчук заявил, что «союзный договор Украина не подпишет». А спустя два дня Ельцин заверил мировое сообщество, что «российское руководство заявляет о признании независимости Украины» и предлагает Кравчуку побыстрее оформить межгосударственные отношения между обеими странами. В тот же день, 3 декабря, Кравчук telefонирует Дж. Бушу-старшему о предстоящей встрече.

Сигнал был принят, и лидеры славянских республик договорились о встрече 7—8 декабря 1991 года в Минске. Ждали также Назарбаева. Назарбаев из осторожности не приехал. Неофициальная встреча трех лидеров состоялась в воскресенье в Вискулях, в глуши Беловежской Пуши. В соответствии с Соглашением о создании Содружества Независимых Государств от 8 декабря 1991 года СССР прекращал свое существование, деятельность бывшего Союза ССР на территориях стран - членов СНГ прекращалась.

10 и 12 декабря верховные советы Украины, Белоруссии и России ратифицировали Соглашение о создании СНГ. Своему окружению, узнав об этих событиях, Горбачев сказал, что в отставку не уйдет, будет наблюдать за развитием событий и пытаться влиять на них. Особые надежды он возлагал на возможность перевести процедуру прекращения существования СССР в русло конституционного права. Объективно у него шансов не было. Об этом поведал один из этой тройки, физик-ядерщик, белорусский лидер С. Шушкевич: «Там была какая-то эйфория. Никто не представлял, к чему придем. Было одно - убрать Горбачева».

25 декабря 1991 года в 19 часов президент СССР М. Горбачев заявил о своей отставке. Спустя 38 минут над Кремлем был спущен флаг СССР. Как говорилось в совместном заявлении беловежских подписантов, «Российская Федерация, Беларусь и Украина, будучи основателями СССР и сторонами, подписавшими союзный договор 1922 г., ...объявляют, что СССР как субъект международного права и геополитическая реальность прекращает свое существование». Горбачеву не суждено было войти в историю создателем нового государства, чем и характеризуется вся его деятельность с апреля 1985 года. По иронии истории, он стал могильщиком государства.

Утром 27 декабря Б. Ельцин «въехал» в кремлевский кабинет Горбачева. Следует добавить, что США официально не признавали «независимость» России, Белоруссии, Украины и Казахстана до тех пор, пока эти страны не ратифицировали Соглашение о совместных мерах в отношении ядерного оружия. Как только 25 декабря весть об этом была получена в Вашингтоне, Белый дом дал зеленый свет всем «независимостям». «С горя» Горбачев приобретает в мае 1992 года двухэтажный дом в США, в округе Шарлотт. По сведениям американской прессы, его стоимость с земельным участком составила 108350 долларов. Бывший президент СССР и генсек стал американским налогоплательщиком.

Отсутствие Назарбаева в Вискулях было симптоматично. В том числе оно было обусловлено фактором функционирования единого экономического пространства и создания рублевой зоны. «Союзные» республики прекрасно понимали, что позиция России здесь весьма важна. Назарбаев, который с 1984 по 1989 год был председателем Казахстана, понимал это очень хорошо. Кроме того, циркулировали слухи, что Назарбаев готовит в Средней Азии нечто вроде

союза мусульманских государств. Тогда всерьез носились с идеей создания Туранской империи — от Якутска до Анкары. Назарбаев даже негласно котировался в се лидеры. Более того, Назарбаев в одном из интервью вроде бы заявил, что за славянский собор в Вискулях в заложниках могут оказаться славяне в среднеазиатских республиках.

Американцы где-то за кулисами этих выступлений разъяснили Назарбаеву его место. Через пару дней Нурсултан Абишевич заявляет о встрече лидеров «советских мусульманских республик Востока» в Ашхабаде, где сам и выступает активным пропагандистом и агитатором вступления в СНГ. Смычка советских «мусульман» и «славян» состоялась 21 декабря в Алма-Ате. Причем собрались все главы республик бывшего СССР, исключая прибалтов. Одиннадцать из них подписали Алма-Атинскую Декларацию об окончательном прекращении существования СССР и урегулировании связанных с этим проблем. Одним из главных вопросов было создание общего экономического пространства и единого платежеспособного средства на основе межбанковского союза. Видимо, наивно полагали, что внутренней конвертируемой валютой станет российский рубль, роль которого играл советский рубль. Все подписанты, не исключая Ельцина, полагали, что советский рубль и далее останется валютой в экономическом пространстве СНГ, поэтому очень дружно подписали все необходимые документы.

Однако действительность превзошла все самые худшие ожидания. Советскорублевая зона оказалась очень жесткой. Гайдаровская либерализация цен в России со 2 января 1992 года подорвала плановые экономики стран СНГ. При этом печатный денежный станок оказался в России. Оба этих фактора сделали из единого экономического пространства миф, а из рублевой зоны вышли все, кроме России и Казахстана. Причем последний вышел из нее в 1993 году, задержавшись там из-за крайней запущенности собственной банковской системы и коррупции в государственной системе. По словам Кажегельдина, аж до 1996 года казахстанское казначейство не имело собственных счетов в зарубежных банках. Коррупция и вывоз капитала привели к тому, что бермудские офшорные банковские институты оказывали правительству Казахстана торговую помощь.

Россия и гайдаровская суперинфляция стали детонаторами бегства стран СНГ из рублевой зоны. Поэтому страны СНГ обречены

делать собственную экономику. В принципе до сих пор нет единого экономического пространства и рублевой зоны.

Развал экономического пространства СССР, связанный с обрывом хозяйственных связей между предприятиями в разных его национальных частях, был следствием введения псевдорынка на его территории. Госплановская система СССР была в некотором смысле искусственным образованием, поскольку содержала в себе громадное (до 10 тысяч) количество показателей, регулирующих прибыльность социалистических предприятий. Существовала система дотаций, позволявших рентабельно производить определенные виды промышленной и сельскохозяйственной продукции. Эта система никак не зависела от цен мирового рынка и была, по сути, автаркией.

В 1987 году Горбачев дестабилизировал экономику, разрешив госпредприятиям перечислять часть безналичной прибыли в фонд материального поощрения и обналичивать. Для обеспечения некоторой устойчивости было решено отпустить розничные цены в 1990 году

при сохранявшемся госплановом народном хозяйстве. Эти меры означали полное игнорирование сложившегося положения. Проведение такого рода псевдореформ серьезно подорвало сбалансированность и устойчивость экономики СССР и наряду с политическими реформами усугубило внутривнутриполитическую ситуацию в стране. К своему закату СССР благодаря такому политическому руководству потерял целостность экономического пространства. Недаром лидеры союзных республик постоянно задавались вопросом о его восстановлении и развитии. Однако объективным фактом накануне и после Вискулей осталась та экономическая связанность республик, которая проистекала из иллюзии именуемой рублевой зоны. Эта иллюзия основывалась на функции рубля как средстве обращения в совместной экономической системе. Поскольку такой системы не было, рубль стал негативно влиять на российское производство, когда республики, получая на внутреннем рынке России конкурентоспособную продукцию или сырье, могли продавать их за пределами своих республик по ценам мирового рынка. Так, не производя ничего, бывшие союзные республики становились конкурентами России при сбыте на внешних рынках. «Отсечка» таких государств-нахлебников производилась в условиях введения Гайдаром квазирыночных отношений в России. Фактически такой псевдорынок послужил хорошим пропагандистским прикрытием для обеспечения одной лишь цели.

Эта цель проистекала из полного и нераздельного лидерства Ельцина в России. Любые другие паллиативные меры приводили к ситуации, тождественной той, с которой столкнулся Горбачев в 1991 году. Жесткость намерений российского лидера поняли все руководители стран, подписавших пакт о СНГ. Начиная с 1991 года многие участники договора выходят из рублевой зоны и вводят национальные валюты. Назарбаев последним из них понял беспочвенность своих надежд на российский рубль как даровой локомотив казахской экономики. Казахстан вышел из зоны в 1993 году, чем и облегчил скорую замену советского рубля на новый российский рубль.

После ухода последнего постороннего из рублевой зоны Центробанк 26 июля 1993 года прекращает использование на всей территории страны государственных казначейских билетов СССР, билетов Госбанка СССР и банкнот Банка России 1961 — 1992 годов. Эта мера была закреплена указом президента РФ от 26 июля 1993 года и предписывала закончить обмен в течение августа текущего года.

Внутри России проблема совершенствования межнациональных отношений с получением независимости РФ не исчезла. Страна вступила в новый 1992 год в виде конгломерата территорий. Однако эта черта и является одной из существенных черт светских империй, которые не смогли найти унитарную форму своего существования. Другого, конечно, и не следовало ожидать. Весь стиль советского руководства, начиная с Хрущева, был имперским по форме, поскольку федеративное начало не получило распространения из-за слабости кремлевских политиков. Естественно, такое положение существовало в РСФСР и наследовалось Российской Федерацией. Проблема становления подлинно федеративного государства из наследственно-советской империи остается актуальной в РФ и сегодня.

Причем проблема отягощена глубокими финансово-экономическими тяжбами с регионами, характерным примером которых может служить «чеченский облом 1992 года». Фактор независимости Чечни постоянно гальванизирует весь политический комплекс России с 1991 года, когда Дудаев объявил о выходе Чечни из состава РСФСР и СССР. Причем то, что вначале казалось фарсом, приобрело масштабы геополитической «дыры», когда выяснилось, что ОКЧН имеет поддержку не только за пределами страны, но и в Кремле. 15 сентября 1991 года в Грозный прибыл сам Хасбулатов и выпустил ВС ЧИР, который мешал Дудаеву. Последний через полтора

месяца был избран местным населением президентом. Президент РФ вводит чрезвычайное положение в ЧИР 7 ноября. Однако опять же по призыву Хасбулатова ВС РСФСР 11 ноября отменяет указ Ельцина о ЧП. Дудаев призывает население к оружию. Оружие дудаевцы получают при захвате федеральных гарнизонов либо покупают. Но оружия нужно много, чтобы обеспечить 611 тысяч чеченцев, которые жили в республике, по данным переписи 1989 года. Под ружье поставлено все мужское население от 15 до 55 лет. Однако приязнь между Хасбулатовым и Дудаевым улетучилась в начале 1992 года,

после чего, поссорившись с генералом-президентом, председатель ВС РФ запретил переводить деньги в Чечню. Для оплаты вооружений для нужд войны с Россией дудаевцы начали обналичивать финансовые платежные требования в московских банках, от которых получили более 50 миллиардов рублей в 1992 году. Эти суммы фигурировали по уголовному делу о «чеченских авизо». В действительности, те «тайные» силы в Москве, о которых писала пресса, пособничали дудаевцам в хищении значительно больших сумм, речь шла о триллионах рублей. Кроме того, значительная часть экспорта нефти из Грозного шла мимо торгового баланса РФ и напрямую финансировала военные усилия сепаратистов. Так, эксперты МВФ подсчитали, что в 1992 году РФ имела отрицательное сальдо платежного баланса в 11 миллиардов долларов. Немалая их часть могла пойти на войну в Чечне и оплату московских покровителей. Речь идет о масштабах теневого финансового оборота, в котором были задействованы многие из тюркских республик. Так, Татарстан в 1992 году продал за пределы России 6 миллионов тонн нефти, в следующем году - 10 миллионов тонн. Все средства от их продажи остались в регионе. Поэтому с самого начала российской суверенизации намечилось активное противостояние Центра и региональных автономий за монопольное использование богатых сырьевых ресурсов, считающихся общефедеральной собственностью. В этих отношениях половинчатые компромиссы в пользу регионов были найдены с Татарстаном и Якутией. Чеченский фактор перешел в открытую вооруженную фазу противостояния Центру. Запрет на перевод денег в Чечню, в том числе и за проданную мимо Центра нефть, введенный Хасбулатовым в 1992 году, привел к отработке схем, позволявших Дудаеву иметь независимый источник финансов. Это положение способство-

Чечены обналичивали платежи через своих соплеменников и московских посредников, но факт проведения через Москву фальшивых платежей и других способов нелегального получения денег в Центре имел место. Причина раскрутки этого механизма ясна: мятежный генерал ведет войну с Центром, на нее нужны средства. И сам Дудаев подливал масло в поток политико-экономической дезинформации. В апреле 1993 года он хвалился, что обладает обширной и весьма достоверной информацией о той работе, которую проводят противники жизнеспособной исполнительной власти в России.

Не исключено, что чеченская экспансия в московские банковские сферы, а также общая агрессивная направленность деятельности Дудаева и его единомышленников основывалась на захвате сепаратистами банка данных КГБ, хранившегося в грозненском офисе комитета. Это стало возможным в октябре 1991 года, когда дудаевцы силой завладели хорошо укрепленным зданием регионального КГБ в Грозном с его большим арсеналом оружия и информационными данными, содержащими политические планы Москвы, а также списки агентов и посредников. Фактически с этого момента усиливается противостояние и укрепляется курс Дудаева на войну. Побывавшая летом 1992 года в Грозном официальная делегация МО РФ вынуждена была констатировать, что в Чечне огромные деньги используются для милитаризации общества. Уже тогда были отмечены случаи иностранного наемничества с территории Прибалтики и Украины. В течение трех лет до собственно военного столкновения подобные тенденции усиливаются. Неслучайно все чаще в окружении Дудаева были слышны призывы «низвести Россию до пределов Садового кольца». Размеры незаконно перекачанных в Чечню средств таковы, что это не могло быть осуществлено без посредников, принимавших в Москве необходимые решения. Только в 1995 году, согласно отчету Счетной палаты РФ, вместо примерно триллиона рублей бюджетных средств, предусмотренных для Чечни, в действительности туда было перекачано почти 14 триллионов рублей. В условиях бесконтрольности за их расходованием вполне понятно, куда пошли эти деньги. Что творилось в предыдущие годы «независимости» на мятежной территории в финансовой сфере, можно понять, исходя из приведенных данных.

Не следует также исключать из виду деятельность чеченских и посреднических структур в перераспределении этих средств. Фак-

тически решение вопроса о мятежной территории не могло пройти мимо проблемы чеченских финансовых организаций в Москве. Их обороты вызывали особую озабоченность в окружении Ельцина. Дополнительные размышления наводили на мысль, что вся эта сросшаяся с московскими чеченцами региональная сила оттягивает на себя громадные денежные массы. Логический вывод из этих посылов заключался в необходимости уничтожить эти силы влияния региональных интересов в открытом военном столкновении с сепаратистами, чтобы замкнуть их финансовые потоки на себя.

Решение «кинуть чеченов», которые получили через агентов влияния доступ к центрам власти и финансам, упрочило желание самого Центра ударить по их дому. В этом случае проблема решалась сразу, оптом, а не кропотливой работой в Москве по выявлению и пресечению финансово-экономических связей. Нетрудно заметить, что война 1994 года началась не при «ястребах», а при самых мирных ельцинских советниках — Яковлеве, Паине, Пихое и др. Вовсе не генерал Грачев был инициатором вооруженной ликвидации дудаевского режима. Нельзя сбросить со счетов его слова по этому поводу, которые систематически искажаются. Грачев сказал, что «было бы это в СССР, можно было бы решить исход дела одним парашютно-десантным полком». Наша пресса отрезала часть высказывания (про СССР). Никто лучше Грачева не знал о серьезности противодействия, поскольку именно он согласился с выводами комиссии МО РФ летом 1992 года по эвакуации Грозненского гарнизона. Русский гарнизон города, по сути, оказался в заложниках у мятежников. 11 июня 1992 года Грачеву пришлось согласиться с ультиматумом Дудаева о беспрепятственном выводе в обмен на 50% тяжелого вооружения гарнизона. Он лучше всех представлял себе военно-технический потенциал оставленного вооружения, чтобы говорить о противопоставлении ему военной силы на уровне одного полка. На военных все «сгрузили». В основе всего лежали деньги. «Голуби» решили не искать дедуктивным способом избавления от «черных» в Москве, то есть используя уголовно-процессуальные механизмы, а предпочли «грохнуть» саму Чечню. Таким образом, из понимания того, что для «чеченов» места в Москве нет, возникло политическое решение войти в Чечню с войсками.

Помимо того аспекта, что это решение продолжало преемственность курса Ельцина на введение ЧП в Чечне в 1992 году, отменен-

ное Хасбулатовым и ВС РСФСР, оно включало в себя аспект новой экономической парадигмы.

С 1990 года в стране меняются представления о ходе экономического развития. Экономика страны должна развиваться не по пути патриархального отчего дома, а в русле экономически эффективных отраслей применительно к общемировым показателям. Ясно, что на первых порах в России в это число входили значимые для мировой экономики отрасли добычи нефти, газа, алмазов, благородных и редкоземельных металлов, урана. Сама по себе чеченская территория в этой мировой парадигме занимает весьма незначительное место. Более интересны ее сырьевой потенциал, а также геополитический ресурс, в том числе транзит энергетического сырья из Азербайджана, Туркменистана и Казахстана в Европу и Америку. Следовательно, вопрос Чечни все больше увязывался с экономической эффективностью России, нежели с суверенизацией данной территории.

Идеальное рассмотрение вопроса о правах и свободах в наше время не может быть успешным, если вместе с материальной экспансией государства на определенной территории не распространяются гражданские нормы и свободы, имеющие место в метрополии и адекватные мировым стандартам. Чрезмерное увлечение суверенизацией, которое ведет к ограничению материального достатка населения государства на основе предоставления гипотетических прав на независимость, является в настоящее время необоснованным. Даже более зажиточная Британия ведет вооруженную борьбу с сепаратистами Ольстера. Кроме своей зажиточности, Британия известна своими демократическими институтами. Однако война в Северной Ирландии идет, то затухая, то вновь разгораясь. В ход вступают другие аргументы - аргументы в пользу глобализма.

А если мы говорим о глобализме, то его движущие силы заключены отнюдь не в идеях права и свободы. Корни глобализма - это экономический цинизм, взятки и коррупция. Иначе говоря, в основе глобализма и его политической надстройки лежит экономический эгоизм.

Поэтому война в Чечне не имеет ничего общего с глумлением над правами и свободами чеченцев. Они стали заложниками общемирового порядка и кремлевских интриг. Разумеется, методы двойной морали, в которой поднаторели влиятельные западные евро-

пейцы и американцы, требуют лакировки этих очевидных истин, лицемерного отношения к реализации прав на суверенизацию. Делайте что хотите, но чтобы не было много шума в мировом сообществе. Пока в Кремле не научились этому, то есть циничному отношению к американским и западноевропейским духовным ценностям. Если что-то делается, то делается так громко, что слышно в Страсбурге.

Все эти промахи и неумение приспособиться к циничному духу времени делают Кремль уязвимым для разного рода упреков, которые далеки от объективности. Тем не менее весь этот спектр средств представляет собой инструменты для организации распада, если вновь найдется кто-то, кому это понадобится.

Проблема стоит остро, в связи с чем российское руководство чаще идет в кильватере мировой политики, осуществляемой Вашингтоном и Парижем, нежели следует собственным национальным интересам. Слабость стратегического и геополитического мышления сегодняшнего Кремля заставляет его следовать в общем русле явлений, дабы обезопасить себя от упреков хищников глобализма. Отсюда метания в политическом курсе от норм континентальной Европы до американских ультиматумов в попытках обрести прочную внешнеполитическую опору. Слов нет, такая опора нужна, но нужна она для того, чтобы разобраться затем с центрами социально-политической дестабилизации в самой России.

Существующее положение в России не может не вызывать беспокойства. Национально-территориальное размежевание СССР, конфессиональная раздробленность общества, политический и экономический антагонизм Центра и регионов — все эти факторы, явившиеся следствием развала СССР, не только не стали менее значимы, но их реальная сила в качестве деструктивных инструментов возросла. Асимметрия федерального устройства государства очевидна. Сама Федерация продолжает испытывать центробежные силы, которые оттягивают регионы к ближайшим мировым и региональным экономическим центрам. Любой империалистический хищник из числа западных демократий, используя внешнеполитические инструменты воздействия по защите прав и свобод, способен разрушить целостность такого асимметричного государства. Это тем более опасно, что Москва продолжает оставаться эпицентром распада России, превратившись в доморощенный Гонконг.

Глава III

Петербург — идеология распада

Основанию города способствовал ряд субъективных обстоятельств. Начало коллизий, итогом которых случился «град Петра», следует искать в детстве будущего императора, в душевных травмах, которые он перенес и которые до конца жизни вызывали отторжение всего русского. Эту печать Петр наложил на свое детище - Санкт-Петербург, город по преимуществу иностранный и для иностранцев. В город с застав пускали только тех, кто не имел бороды и носил «немецкое платье». За это и многое другое донныне сохранилось в народе за Петром прозвище «антихрист». Причем оно не было кличкой, ибо народ посчитал Петра таковым по сути, по содержанию. Впрочем, и было за что.

По данным Петровских переписей и ревизий, податное население при нем уменьшилось на 20%. Такого сокращения населения Россия не имела ни при одном правителе, включая день сегодняшний. Особо пострадали коренные великорусские губернии, где убыль населения составила в Архангелогородской - 40%, Санкт-Петербургской — 40%, Смоленской — 46%, Московской — 24%. Цвет великорусской нации был положен в основание империи, задуманной Петром. Налоги, назначенные царем для податного мужика и посадского, за время его правления выросли более чем в три раза. Самодурство Петра не знало границ. Даже в такую славную страницу отечественной военной истории, как Полтавская баталия, он внес черную метку, которую предпочитают ныне не вспоминать. Чтобы усложнить шведскому королю свободу действий перед битвой, Петр выжег и разорил все украинские селения на 30 верст в округе, обрекши их на вымирание. Не надо говорить, что полководческий талант выражает себя иными средствами.

Сравнения уместны, ибо прошедшие 12 лет позволяют сравнивать вклад нынешних реформаторов с приведенными цифрами, ко-

торые характеризуют Петровское правление. Получается, что в случае принятия темпа реформ Петра нынешняя Россия должна была потерять 28 миллионов человек за время существования нового режима. В абсолютных цифрах демографические потери России, по преимуществу великорусского населения, вследствие реформ Петра можно вывести, исходя из численности народонаселения страны: в 1696 году — 15 миллионов человек, в 1725 году — 14 миллионов. Таким образом, население не умножилось, но даже сократилось на миллион человек. С учетом двух процентов ежегодного прироста населения общая его убыль за годы правления Петра составляет 10 миллионов человек. Такова была цена фантазий царя.

Однако фантазии взрослого человека коренятся в той психической почве, которая создается в его нежном возрасте. А этот период был для Петра временем душевных потрясений, существенно изменивших его психику и восприятие мира, а также облегчивших влияние на него честолюбивых и лицемерных иностранцев. Под их влиянием предоставленный стараниями правящей сводной сестры царевны Софьи самому себе Петр строит в своем воображении какой-то новый мир, населяет его людьми и учреждениями иностранного порядка, почти не вмешиваясь в управление государством. Лишившись четырех лет от роду отца, он испытал первое душевное потрясение. Через полтора месяца к нему был приставлен Челобитного принца дьяк Никита Зотов, происходивший из партии ставленников его матери, который и начал обучать Петра грамоте. Своим появлением на свет Петр обязан более случайному обстоятельству, нежели кто-либо другой из людей.

Дело в том, что первый брак его отца, царя Алексея Михайловича, расценивался последним как несчастливый, поскольку наследники — сыновья царя Федор и Иван — были крайне болезненными. У первого была цинга, а второй был слабоумен и тщедушен телом. Это побудило второго Романова ко второму браку, плодом которого стал крепкий младенец, названный Петром. Царь Алексей был рад рождению сына, полагая, что теперь он укрепил династическую преемственность. Но это было далеко не так. Петр I не оставил наследника мужского пола, ввергнув Россию в длительные разборки придворных партий, обрекши страну на хаос и разорение в течение 16 лет, что сказалось в дальнейшем на всем политическом положении, вплоть до крушения императорской России. Итак, подсказы-

вает история, второй брак царя Алексея никак нельзя назвать удачным выбором для России. Но это все выяснится впоследствии. А пока известный лизоблюд, «придворный поп» — прозвище современников - малорос Феофан Прокопович сравнивает деяния Петра с вкладом цезаря Августа, поскольку последний «обретох кирпичный Рим, а оставил мраморный», а Петр Великий «обрел деревянную Россию, а сотворил Златую». Здесь Феофан имеет в виду именно Санкт-Петербург.

Борьба придворных партий, группировавшихся вокруг первой и второй жен царя Алексея, вызывала серьезную внутривластную дестабилизацию. Она выражалась в переходе властных функций попеременно к обоим группировкам, пользовавшимся малолетством как официального наследника - царевича Федора, так и двух других потенциальных — Ивана и Петра. При возведении Федора на престол Петру было четыре года. Кроме того, это событие привело к торжеству поддерживающей его партии, сторонники которой принадлежали к боярско-стрелецкой элите. Другая партия ослабела, что привело к фактическому затворничеству Петра и его матери, которое компенсировалось склонностью будущего царя к изучению наук, особенно военных, и культурного наследия, по преимуществу западных европейцев. Преподававший Петру русскую историю дьяк Зотов вскорости был отставлен от должности руководством третьей придворной партии, склонявшейся к антибоярской оппозиции, где шансы Петра на царство рассматривались как легитимные.

Эти люди приставили к пятилетнему Петру женевца Франца Лефорта в качестве главного учителя, а некоторое время спустя и голландца Франца Тимермана. Оба иноземных Франца имели на юного Петра огромное влияние, что при восшествии его на престол сумели обратить для себя в громадные материальные выгоды. С их появлением покой Петра были расписаны картинами, изображавшими главные европейские города, здания, корабли, а также главные события европейской истории. Еще до избрания Петра царем Лефорт, который был старше его на 23 года, сыграл на детских чувствах и предложил ему сформировать «потешную» роту с немецкой одеждой, выправкой и строем. Двенадцатилетний Петр с восторгом принял предложение великовозрастного друга по играм, что вполне объяснимо отцовской утратой и привязанностью мальчиков к внимательным взрослым. Петр добился такого разрешения у своего

сводного царствующего брата Федора. Лефорт назначил себя начальником этого воинства, а Петра - барабанщиком. Юный Петр был чрезвычайно доволен. Одновременно великовозрастные иноземные друзья — советники Петра внушили ему мысли об истреблении старого дворянства и введении европейской табели административных чинов. Все эти обстоятельства становились известными противоборствующим партиям и вызывали ответные меры, которые сейчас трудно назвать адекватными. Все они сводились к физическому устранению представителей той стороны, которая, казалось, получала большую силу благодаря влиянию на царя. Сильнейшее потрясение Петр пережил сразу же по возведении его на престол в десятилетнем возрасте. Через пять дней после помазания его на царство боярско-стрелецкая фронда организовала мятеж против его партии и в поддержку партии его сводного брата Ивана. В результате чуть ли не на глазах у Петра были изрублены его дед и дядья с материнской стороны а также большая часть влиятельных сторонников этой партии. В результате переворота к власти были приведены в качестве царя Иван и правительница Софья, тоже сводная его сестра, ставшая самозванно два года спустя самодержицей. Таким образом, Россией де-юре стал править царствующий триумвират, а на деле - Софья. В дополнение к тому Петр получил жесточайшее нервное потрясение, следствием которого стали боязнь воды и все более развивавшийся алкоголизм с жесточайшими припадками маниакальной подозрительности и безжалостного отношения к людям. В результате последних погиб несчастный царевич Алексей, сын Петра от первого брака, и пострадали многие его родственники с материнской стороны.

Социальная изоляция малолетнего Петра, громадное влияние на него иноземцев-учителей, отсутствие отцовской любви послужили основанием к фантазиям о создании нового параллельного мира, которым суждено было в какой-то части воплотиться по мере обретения Петром единовластия. На всю страну в силу ограниченности средств и численности населения эти фантазии не распространялись, но приобрели материальное выражение в создании альтернативного параллельного мирка, коим стал Санкт-Петербург. Перифразируя Феофана, Петр создал себе золоченую клетку, где мог адекватно собственным иллюзиям об окружающем мире предаваться фантазиям о реформировании России.

На все увещевания бояр, патриарха и царицы-матери обратиться к опыту отечественной старины Петр отвечал, что во всей Европе так дети царские воспитаны и военными потехами живут. Все эти нововведения вызывали опаску. Тем более что в Преображенском на берегу Яузы Петр выстроил крепость, комендантом которой был назначен известный уже Ф. Тимерман. Крепость была оснащена артиллерией и получила название Пресбург. В потешные войска брали людей простого звания из придворных и конюшенных служителей, ранее не имевших отношения к военному сословию, что, по понятиям бояр, не отвечало традициям и укрепляло позиции молодого царя. Через два года после своего образования рота выросла до потешного полка, полковником которого был назначен все тот же Лефортов. Вообще говоря, все ближайшее окружение молодого царя состояло из иностранцев: женева, немцев, голландцев, англичан и других. В 12 лет Петр уже находил возможным для себя кричать на патриарха, и не только наедине. Иностранное влияние очень сильно коснулось его. Будучи за границами России, он охотно посещал католические, в том числе иезуитские, а также квакерские и иных протестантских конфессий богослужения.

Через два года после восхождения на престол вновь стрельцкий бунт, новые детские страхи и бегство в Коломенское. На следующий день, 2 марта 1685 года, на коломенские ворота прибывают подметное письмо о том, что стрельцы готовы истребить Петровское окружение. В очередной бунт стрельцов, когда Петру уже исполнилось семнадцать лет, он со своими иностранцами «товарищами» Брюсом, Гордоном, Лефортом, Карштен-Брантом, фон Гаденом, Гутменшем и другими решил окончательно на единовластное правление. Всякий такой бунт имел целью умерщвление Петра, но каждый раз он чудом избегал столь трагичного конца; однажды, как выразился Гордон, им пришлось из Преображенского в Троице-Сергиеву лавру «без портов» бежать от своей гибели. В тот раз он возвращался в Москву по дороге, вдоль которой стояли плахи с топорами и рядом «лежавшими по дороге» стрельцами.

Ожесточение юноши, не достигшего по современным нормам совершеннолетия, следовало из диких нравов эпохи, тем более углублявших чувство ненависти ко всему русскому, когда иностранные друзья показывали ему идеал тех отношений, которые якобы существовали среди западных европейцев. Петр жестоко расправился со

стрельцами и не менее жестоко со своими кровными родичами. Софья была заточена в монастырь, Иоанна принудили отречься, и еще 12 лет он вел совершенно уединенный образ жизни. Так в 17 лет Петр стал единодержцем, но отнюдь не самодержцем, ибо так и не смог постичь из-за своего ожесточения на всё отеческое природу самодержавия. Последствия стрелецких бунтов сказались также в том, что у него развились и не прекращались конвульсивные движения головы и лица. В ходе устранения царских конкурентов осуществлялась и мечта его иноземных учителей о широком проникновении протестантской культуры в Россию. В детстве Петр не получил глубокого образования, кроме грамотности, но культурное влияние его иноземных учителей произвело в юном Петре соответствующую аберрацию в пользу восприятия западноевропейской культуры. Предоставленный самому себе почти полностью, Петр, устраивавший свою личную жизнь самостоятельно, окончательно сближается с иноземцами. Из участников детских военных потех будущего царя иноземцы становятся наставниками юного Петра в реальной жизни и его товарищами по застольям и пирушкам. Именно они - Лефорт, Гордон и другие - убедили царя в превосходстве культуры западных европейцев и развили в нем пренебрежительное отношение ко всему родному. Через них Петр познакомился с бытом Немецкой подгородной слободы, который окончательно входит в его жизнь. В слободе Петр делается частым гостем, все более проникаясь иноземными формами жизни, посещая католические богослужения, щеголяя в немецком платье и успешно осваивая немецкие танцы. Влияние Немецкой слободы на Петра было так велико, что, кроме простого восхищения его этим нарядным западноевропейским городком, оно привело к игнорированию им этикета, свойственного личности царя, и равнодушию к проблемам и задачам православной веры. Уже в этом Петр отходит от традиции русских государей, но еще и попадает под чужеземное влияние. Несомненно также и то, что строительство столицы на Неве по «чину» западноевропейского города имеет корни в этом периоде жизни Петра, когда он переживал тяжелые минуты своего московского детства, попал под влияние иноземцев, насадивших в его душе ненависть к московским обычаям.

Другая страсть Петра, подвигшая его на осуществление проекта строительства Санкт-Петербурга, заключалась в хождении его под парусами. Ради этого Петр переезжает из Москвы на Переяслав-

кое озеро, акватория которого дает большие возможности для обучения мореходному искусству, нежели Яуза или Измайловский пруд. К своему двадцатилетию Петр находится уже в Архангельске, где переносит морские увлечения на Белое море.

Стратегической цели в виде морского порта и крепости в устье Невы не было. Иван Грозный и другие государи Руси ставили всегда вопрос о возвращении России одного из балтийских портов. Эта причина лежала в основе балтийской политики России. Иными побуждениями, часто патологического характера, руководствовался в этом вопросе Петр. В их основе несчастное детство, спровоцировавшее его отторжение всего русского и сближение с иноземным бытом, закончившееся тем, что царь подпадает под политическое влияние Запада в лице Британской и Австрийской империй. Стремление завести дружбу на равных с их царствующими особами заставило Петра построить новую столицу, которая затмила в эстетическом плане все прочие столичные города западных европейцев. Однако в военно-стратегическом плане роль Санкт-Петербурга была крайне невелика. Овладение Ригой или Ревелем представляло более важную военную задачу для России, чем расширение крепости на Заячьем острове до масштабов столичного города. Патологическое желание Петра забыть Московию навсегда лежало в основе этого строительства. Кроме того, на этот шаг его подталкивали западноевропейские державы, используя ослепление царя западной культурой в своих целях. Такое положение не могло идти на пользу национальным интересам России.

Именно австрийское влияние на царя и его приближенных явилось причиной первого военного похода Петра. Последний, дабы насладиться своим приближением к кругу западной политики, заключил военное соглашение с Леопольдом Австрийским и Венецианской Республикой против Турции. Он отверг посольство турецкого вассала крымского хана о мире и вероломно отослал его австрийскому императору. Питая иллюзии насчет действительных интересов западноевропейских государств, Петр в 1697 году посылает 50 молодых придворных в Западную Европу для обучения наукам и наделяет их своей просительной грамотой к местным государям и даже римскому папе и гроссмейстеру Мальтийского ордена оказать помощь своей делегации. Взамен Петр обещает всяческое покровительство их подданным, приезжающим в Россию.

Неудача под Азовом в войне против крымчан и общий курс Петра вызвали не только недовольство в народе засилием иноземцев, но и сам Петр едва не стал тогда жертвой обнаружившегося против него первого заговора. Итогом расследования была свирепая месть Петра, коснувшаяся не только реальных участников заговора; было совершено глумление над телами давно умерших их родственников, включая родных дядей царя. Первые неудачи Петра заставили его искать очной ставки с иностранными государями, ибо сопротивление внутри страны ему и его курсу не уменьшалось. Можно сказать, что одновременный отсыл за границу якобы для учебы молодых людей из лучших дворянских фамилий носил характер заложничества. Тем самым Петр, отправляясь в свое первое заграничное посольство, имел гарантию от новых переворотов в свое отсутствие. Официально цель посольства состояла в подтверждении давней дружбы и любви с европейскими монархиями и «в ослаблении врагов Креста Господня», то есть в достижении союза против турок. Понятно, что эти цели проистекали исключительно из иллюзий Петра и не были направлены на службу национальным интересам в контексте той реальной политики, которую проводили до Романовых русские государи.

На момент поездки Петра европейские державы вели ряд войн: Австрия с союзниками вела военные действия против турок, а Франция воевала против мощной коалиции, включавшей в себя Англию и Австрию. В результате войн в целом в выигрыше осталась Англия, понесшая наименьшие потери. Однако в Европе у Англии был набравший силы противник - Швеция. Услуги Петра европейским монархиям не понадобились, поскольку европейские соседи смогли договориться об условиях мира, где претензиям Петра на равное представительство с другими монархами не нашлось места. И лишь англичане лукаво смогли удовлетворить тщеславное стремление Петра встать с ними вровень. Однако англичане взамен потребовали активного участия России в военных действиях против Швеции, обещая помогать материально и дипломатически, то есть интересам Англии должны были способствовать русские солдаты. Петр пошел на этот союз. Первые внешнеполитические инициативы юного царя — поход на Азов и «великое посольство в Европы» - были осуществлены подстрекательством женеваца Лефорта, несомненно, ради своих карьеристских амбиций сыгравшего на слабости Петра быть причисленным к деятелям «западноевропейской культуры».

Поездка закончилась вовлечением Петра и России в орбиту английской политики и подчинением страны иноземным интересам. Для прекращения ропота в народе, недовольном Петром, кампания проводилась под информационным прикрытием «прорубить окно в Европу», для чего необходимо было сооружать новый порт на Балтике. Нельзя не отметить, что такие порты уже были - от Либавы до Ревеля, - борьба за них являлась основой политики Руси на Балтике. Именно отказ передать их России заставил Ивана Грозного начать Ливонскую войну. Никогда речь не шла о заложении крепости в устье Невы, ибо уже была построена крепость Орешек в истоках этой реки. Все это показывает двойственную позицию Петра, исходящую не из интересов государства, но из мании собственного величия, или, как сказали бы сегодня, культа собственной личности. Эту аберрацию сознания Петра отчетливо представлял Сталин. Артист Черкасов, воплотивший в кино образ Ивана Грозного, вспоминал о реакции генсека на сопоставление исторических миссий обоих царей. В частности, Сталин подчеркивал, что Грозный ограждал страну от проникновения иностранного влияния, стремился объединить Россию, провел реформу внешней торговли, введя государственную монополию. Неосновательность государственной линии Петра, ее незрелость и даже вред национальным интересам России, влияние на царя иноземной точки зрения в целом выразились в исторической оценке Сталиным Петра — в фамильярном его прозвании Петрухой. Представляется, что Сталин как сооснователь нового типа государства имел право на подобную оценку. Народная точка зрения вполне соглашается с ней, ибо завоевания его царствовавших предшественников Петр использовал не для наращивания жизненных благ народа или могущества государства, но для возвеличивания собственной личности. Создание «града Петра» и явилось последовательным воплощением политических иллюзий психопатической личности Петра и вытекающих из этого его действий на внутри- и внешнеполитическом поприще.

Посольство закончилось вполне предсказуемо: Петр поехал в Западную Европу с мыслью о войне с Турцией, но вернулся адептом английских интересов — войны со шведами. Русских интересов не было в обоих исходах. Важно, что в Англию Петр поехал один, что доказывает секретный характер его миссии. Характерно, что, вернувшись в августе 1698 года из поездки в культурные регионы Евро-

пы, Петр самолично рубит головы стрельцам, а перед тем наслаждается их истязаниями. Интересно, что по избиении стрельцов Петр 30 августа 1698 года учредил орден Андрея Первозванного. Надо полагать, англичане объяснили ему «вредность» позиций стрелецко-боярской элиты, придерживавшейся национальной позиции, что не могло служить успеху английских интересов. В то время шведы устами своего посланника Книпер-Кроха спрашивали царя, зачем он погубил стрельцов. Зная о секретном характере миссии и общении Петра в Англии, можно сказать, что война со шведами и окончательное кровавое искоренение стрельцов были инспирированы английским двором. Вместе с тем ради объективности следует отметить, что Петр заслужил в английском высшем обществе кличку «мизантроп», то есть ненавистник людей, вполне точно отражающую внешнюю сторону его патопсихологической личности. В этой связи вполне понятны факты, свидетельствующие, что Петр по возвращении поселяется не во дворце, а в Немецкой слободе, а на следующий день, еще не увидев жену, приказывает насильственно постричь ее в монахини. Петр в это время вел беспощадную борьбу с русской традицией, интересами Московского государства, с общественным мнением, теряя самообладание и впадая в беспамятство и истерию. Последние два года XVII века, образно говоря, прошли для Петра в кроваво-похмельном угаре: от пыток и казней до пьяных пирушек и обратно. Кроме того, в один из редких периодов просветления Петр вводит на Руси юлианский календарь и предписывает начать новый, 1700 год с первого января 7208 года от сотворения мира. Данный прецедент послужил и другим властителям России, не удовлетворенным мощью своей земной власти и движимым патологическими изъятиями сознания, поводом к «овладению» временем. Так, и Троицкий двести лет спустя не только вводит григорианский календарь и новое летосчисление со дня Октябрьского переворота, но еще и «декретное» время, отличающееся от средневропейского на два часа. Понятно, что в основе этого вряд ли лежали объективные требования времени.

Низость нравственных принципов Петра проявилась в инциденте с Карлом XII Шведским. По Столбовскому миру, Швеция и Россия установили дружественные отношения, которые девяносто лет не были оспариваемы российской стороной. В тот период, когда Петр развертывает строительство флота на Дону в районе Воронежа, в ходе

которого были вырублены все дубовые рощи, царь обращается с предложением к королю шведскому оказать ему помощь как доброму соседу шведскими плотниками и корабельными орудиями. Карл XI, отец Карла XII, дал согласие на просьбу Петра. Более того, шведский монарх предложил бесплатно для России оборудовать всю строящуюся эскадру из четырех линейных кораблей, девяти других судов и двух галер 300 орудиями. При этом было достигнуто джентльменское соглашение двух монархов, что эти морские силы будут использованы Россией только для продвижения ее интересов на юг. На южном направлении для России имелись стратегические цели на Каспийском море, помимо существовавших там сфер влияния Оттоманской империи. Россия имела виды на закаспийские земли и прорыв к Южному океану через Персию. Конечно, неявно предполагалось, что военно-техническая помощь шведов будет употреблена против турок. Таким образом, шведы создали Петру его первую военно-морскую эскадру, в состав которой входили четыре 40-50-пушечных корабля, переправив через Нарву и Москву в Воронеж необходимые орудия. Причем Карл XII подтвердил соглашение его отца с царем, благодаря чему эта эскадра была создана и произвела в Керчи на турок столь впечатляющее действие, что они поспешили заключить мир с Петром. Летом 1700 года Азов и некоторые другие территории отошли к России.

После возвращения «великого посольства» в Москву Петр в ответ на обращение шведов подтвердил Столбовское и другие связанные с ним соглашения. Последний раз он это сделал за два месяца до развязывания Северной войны, когда на шведский престол был официально возведен Карл XII, который за два года до этого санкционировал дарение 300 пушек Петру I. Однако уже больше года Петр вынашивал иные планы. Мирный договор между Турцией и Австрией не позволял ему открыто напасть на Стамбул, поскольку мощь Оттоманской империи представлялась ему чрезмерной для военной силы России. Английский выбор войны коалицией балтийских государств против Швеции потребовал от Петра проявления вероломства по отношению к соседу, с которым мирное сосуществование ничем не нарушалось более 80 лет. Тем не менее Петр пошел на это, подстрекаемый Англией, которой также удалось вовлечь в антишведскую коалицию Данию, Польшу и Саксонию. За шесть месяцев до войны со шведами Петр лицемерно шлет Карлу XII спи-

сок кораблей азовской эскадры, на которых установлены все шведские пушки.

Однако французы сообщили шведам о сути тайных переговоров Петра в Лондоне. Кроме того, «союзники»-поляки сообщили шведам о военном плане взятия Нарвы. Шведский канцлер Оксеншерн предостерегал короля и шведское правительство от чрезмерного доверия к Петру, поскольку доподлинно известно, что царь начнет со Швецией войну, как только заключит мир с Портой. В столкновении со шведами Петр пошел на поводу английских интересов, поставив страну на грань развала, а народ — на грань нищеты. Петру Первому в той войне были противопоставлены первоклассная дисциплинированная армия из 60 тысяч человек и мощный военноморской флот, состоящий из 42 линейных кораблей и 12 фрегатов, несущих на себе почти 2700 орудий. Кроме того, шведы не могли простить Петру вероломства, связанного не только с неспровоцированным нарушением мирного договора, но и доставкой подаренных ими пушек на балтийский театр военных действий (ТВД). Последнее исключалось ввиду личной договоренности монархов об их использовании только на южном ТВД.

Как известно, в первых столкновениях войска коалиции были разгромлены шведами, причем Петр трусливо бежал из-под Нарвы, боясь быть захваченным в плен юным восемнадцатилетним шведским королем, показавшим себя талантливым полководцем и не прощавшим вероломства. Петр остался наедине с Карлом XII, брошенный на произвол судьбы всеми европейскими монархами. Даже его основной подстрекатель Англия отказалась помочь Петру. К тому времени на английском престоле сменилась династия, и королем стал курфюрст ганноверский, с которым во время «великого посольства» Петр поссорился, как оказалось, на всю жизнь. Интересы Англии ценой русской крови и безрассудства Петра были достигнуты: ввязавшись в вероломную войну против Швеции, царь не мог рассчитывать на снисхождение Карла XII. Англия, о которой в порыве горячечной ненависти к России Петр сказал, что «если б я не был русским царем, то желал бы быть английским адмиралом», осталась в стороне от войны, истощившей жизненные силы обеих стран, и поимела наибольшие выгоды. Все вопросы, которые якобы решал Петр в Северной войне, могли быть урегулированы дипломатическим путем. Однако Петр полагал себя великим полководцем и орга-

низатором, чего не было, судя по тем потерям, что понесли Россия и русский народ вследствие деятельности этого царя-«реформатора». Уже позже, надеясь на возврат симпатий Англии, Петр подобострастно обращается к английскому королю: не желает ли тот, чтобы Россия вступила в войну против Франции? Скрывая от народа действительные причины агрессии против Швеции, Петр начал войну под надуманным предлогом нанесения в Риге обиды русскому посольству к турецкому султану. Кроме того, Петр обвинил Карла в том, что Швеция незаконно владеет старинными русскими землями. Это было явной ложью, поскольку Столбовский мир действовал уже почти 80 лет. Также оскорбительным для Карла было заявление Петра удовлетворить все требования его союзников по коалиции, что привело бы к уничтожению Швеции. Справедливости ради следует сказать, что Карл XII в ходе войны также нарушал общепринятые правила войны, из-за чего пострадало много русских пленных: воинов, дипломатов и купцов. Вместе с тем, учитывая, конечно, грубые нравы тех времен, его позиция была менее нечестной, ибо им двигала месть за клятвopеступления Петра. Это понимал и Петр, спасаясь бегством от Нарвы, ибо знал, что и ему не будет пощады. Петр имел вчетверо больше войск под Нарвой, чем шведы, однако умудрился проиграть сражение, потеряв при этом 145 артиллерийских орудий.

После этого Петр ничтоже сумняшеся велел снять со многих церквей колокола, чтобы изготовить орудия, компенсирующие утрату. Святотатство достигло вдвое большего размера, ибо из церковных колоколов было отлито в два раза больше орудий, чем надобно было. В это же время вследствие обезлюдения страны из-за непосильных рекрутских наборов в армию Петр принимается за духовенство, запрещая пострижение прежде достижения 50 лет. Другим своим постановлением Петр повелевает отныне холопов называть словом «раб».

Этим словом начинается «Санкт-Петербургский период» российской государственности. Дальнейшие события показали, что Петр посчитал народ бессловесной игрушкой в своих руках, как бы продолжая свои детские «потехи» в Коломенском в масштабе всей страны и превращая их в трагедию для народа. Именно Петр ввел смертную казнь за 200 видов преступлений, тогда как при его отце было за 60, а в тогдашней Франции - за 115.

Вторым актом этой трагедии является сооружение чуждого народному дух «града Петра» на Неве, куда вход был открыт лишь одетым в немецкое платье и обязательно безбородым. Все бы хорошо, но и в столичном своем граде Петр приближал к себе тех, кто «в семи ордах семи царям служил», отдавая своих соотечественников от кормила власти. Патологическая личность Петра нашла удовлетворение своих садомазохистских наклонностей в строительстве этого города, чуждого всему родному и воплощающему видения подросткового пьяного угара, в котором Петр проводил время в Кокуевской (Немецкой) слободе под Москвой. Лишь успехи русских военачальников Б. Шереметева и Ф. Головина сдерживали натиск шведских войск на суше. В этот период Петр вводит при военачальниках институт своих официальных согладатаев, именуемых комиссарами. Комиссары должны были сообщать царю о настроениях полководцев и их штабов, а также выявлять там и искоренять всякую измену. Тогда же Петр вводит военную казнь через «расстреливание».

Пользуясь некоторым ослаблением шведского натиска, Петр закладывает 16 мая 1703 года в устье Невы крепость Санкт-Петербург. Комендантом, как всегда, назначен немецкий полковник Рен. Военная целесообразность устройства крепости является недоказанной, поскольку шведы содержали крепость именно в истоке Невы — крепость Нотебург-Орешек (затем Шлиссельбургскую крепость), но не в ее устье, где было небольшое укрепление при сносной гавани. Создание Санкт-Петербурга было «вывихом» характера Петра, пытавшегося доказать находившемуся в зените славы Карлу XII свою значимость. В том числе на этот шаг его подвигла неуступчивость шведского короля, к которому Петр за время войны неоднократно обращался с предложениями о мире, на что Карл XII всегда отвечал, что будет о том разговаривать с Петром в Москве, а вообще он желает свергнуть Петра с престола. Петру ничего не оставалось делать, как бороться за собственную жизнь в схватке, именуемой Северной войной. А чтобы и самому поверить в надобность всего происходящего, он и его императорские историки придумали эту войну якобы за основание «русской» укрепленной гавани на Балтике. Гораздо проще было взять с боя Нарву, но это вряд ли удовлетворило бы тщеславие Петра.

Санкт-Питер-бурх - первоначальное название крепости — полностью отразил в своем облике сущность натуры Петра I, оказав-

шейся малополезной для обустройства России и народа. Первыми обитателями города были иноземцы - перемещенные из шведского поселения Ниеншанца его жители. Петр также распорядился об одновременной сдаче «в эксплуатацию» Троицкого православного собора и лютеранской кирхи. Более того, Петр воплотил своим «творением» вечную мечту врагов России о переносе царской резиденции «куда-нибудь в другое место», говоря современным языком, центра государственной власти, столицы. Еще поляки и ливонцы замечали благотворное влияние на русского государя московской духовной и общественной среды, которая способствовала устойчивости к внешним и внутренним неурядицам Московского государства. Да и сама эта среда благотворно действовала на человеческие качества личности всероссийского правителя. Эта же среда обуславливала своего рода «демократию» в обществе, ибо в московской среде немыслима была сословная диктатура, основательно пустившая корни в Петровском Санкт-Петербурге и погубившая романовскую империю. Москва тем страшна была для Петра, что все ее население готово было подняться - купцы с рублем, мужики с дубьем, попы с анафемой — на защиту своей древней свободы быть в добровольном согласии с царем. Любой претендент в диктаторы был бы сметен в одночасье. И страх этой народной свободы был у Петра велик. Так, во время стрельцкого бунта 1689 года Петр, страшась всего-то 300 стрельцов, сбежал из Преображенского села, где находился под защитой 30 тысяч человек «потешного» войска.

Само основание Петербурга отражает в себе эту боязнь и стремление отгородиться от московского мира. Расположение в пределах досягаемости морской пехоты врага царской ставки и столицы государства представлялось Петру более безопасным, чем удаление государственного центра страны от остальной части на полтора месяца пути тогдашнего бездорожья. Поневоле Петром двигали бессознательные импульсы держаться подальше от собственного народа, который был для него лишь средством для претворения его маниакальных идей держаться поближе к Западу. В этом раздвоении заключена суть этого города. Питаясь соками и кровью России, он остается иностранным. Неуютно здесь русскому человеку. Вот и пророчество Ф. М. Достоевского о городе: «Петербургу быть пусту». Писатель говорит о пустом, то есть в переносном смысле бессодержательном и неосновательном, о видимости формы. Но форму, как

известно, чтят именно западные европейцы, ставя ее выше содержания и основания.

По записям А. С. Пушкина о Петре можно заключить, что идею строительства Петербурга навязал царю его наперсник Лефортов, создававший личность Петра по собственному подобию. Осуществление замысла самим Лефортом не было реализовано, ибо он умер за несколько месяцев до заключения перемирия с Портой, что было основным условием для начала осуществления замысла. Лефортов в своей последней должности являлся правителем Москвы, столичного города России. Словами Петра по получении известия о смерти Лефортова были: «Я потерял лучшего друга и в то время, как он более был мне нужен». Кроме того, женевец должен был стать правителем новой столицы. Петр воплотил свою память о друге, что говорит в пользу того, что Санкт-Петербург — это alter ego (второе «я») Петра, где запечатлены все изъяны и противоречия его души. В этом отношении Петру близок другой кровопийца - Адольф Гитлер, также воплощавший свои бредовые идеи в архитектуре, не менее величественной и идеологизированной, но также мало имеющей отношение к быту простого человека. Как и всякая иллюзия, этот город содержит ложь в каждом своем мгновении. Даже центральный символ города — скульптура «основателю Петербурга» Э.-М. Фальконе - содержит ту неправду, что ее героем должен был быть женевец Франц Яковлевич Лефортов, ибо только ему принадлежит сама идея города и ее материализация поначалу в голове Петра, а затем в камне.

Именно Петербург был тем центром страны, где российский правящий и образованный слой оторвался от народа, а затем и потерял способность понимать что бы то ни было в России. Но петербургская жизнь также не дает способностей что-либо понять и в Европе. Отсюда скудность мировоззрения его обитателей, впитывающих «пустоту» этого города. Петербург заставляет его население, включая выходцев из правящего класса, забывать все: и национальное лицо, и национальные пути, и национальные интересы. Петербург порождает идолопоклонство перед иностранной хлестаковщиной. Эту печать он накладывает на всех, кто считает себя петербуржцами. Петр, поддавшись очарованию этого типа хлестаковщины в лице лефортов, брюсов, гордонов и прочее, прочее, громит московскую традицию, отгораживается от страны 600 верстами болот и топей,

переноса в Петербург правительственную базу. Правящий слой страны отстраняется здесь от народа и культурно, и морально, освобождает себя от всех обязанностей по отношению к стране, еще больше закабальет в крепостничестве народ. Только в Петербурге могло произойти замещение самодержавия властью случайных женщин на российском престоле. Этот дикий период продолжался почти сто лет, окончательно расшатав доверие народа к монаршей власти. Строительством Петербурга и переносом сюда столицы Петр смог провести монархическую революцию, в результате которой дворянство подчинило Россию для себя и под себя, тем самым уготовив конец как императорской власти, так и дворянскому сословию. Петр установил диктатуру дворянства. Сбылось предсказание: «Российские революционеры произойдут не из низшего сословия, они будут в красных и голубых лентах». Так оно и произошло в 1717 году, в 1917 году и в 1991 году. И так будет всегда, поскольку российская печать-власть исходит из региональных элит, периодически сменяющих друг друга.

Диктатура дворянства, которая появилась в ходе Петровской революции, нашла свое сосредоточение в Санкт-Петербурге. Город вполне отвечал насаждаемому Петром раздвоению: дихотомии общества на шляхту - дворян и быдло - народ. Петербург стал обиталищем разноплеменной шляхты, причем последнее определение введено в обиход самим Петром. Другие не менее известные революционные реформаторы - Денин и Сталин - тем не менее понимали эту сущность города, поэтому и перенесли столицу из центра Петровского шляхетства в центр народной свободы — Москву.

Возникнув как рукотворный памятник наперснику Петра, Петербург не стал общепризнанной столицей страны, трансформировавшись в вооруженную ставку Петровского шляхетства. Хотя общегосударственной столицей считался Петербург, Москва, не говоря уже о неофициальных документах эпохи, все же иногда именуется в официозах столицей. Расколотое общество — «шляхетство, то есть крепостническое дворянство, и быдло, то есть народ», — смотрели на этот факт диалектически: с точки зрения интересов и традиций. Протестантские симпатии Петра выродились в бытовое хулиганство по отношению к отечественным духовным ценностям, а их арсенал был попросту заимствован из арсеналов всевропейской борьбы католичества и протестантства не на жизнь, но на смерть.

Петр в идеологическом плане бессознательно — через своих иноземных подпевал — подхватил лютеранские методы выживания и издевки, которые использовались против католицизма. Реформы Петра были направлены против всего отечественного, но стали началом шляхетско-Петровской революции, закабалившей народ и сделавшей символом этого переворота Санкт-Петербург. На протяжении двухсот лет Петровского периода российской государственности город был эпицентром социальных революций, четыре из которых знаменовали новый властный этап: 1717, 1825, 1905, февраль и октябрь 1917 года. На современном этапе у кормила власти с 1991 года также находится большой процент петербуржцев. Традиция переворотов сохраняется как по источникам, так и по движущим силам: Петербург распространяет свои метастазы, отравляя страну. Характерно, что все эти выходцы всегда спекулировали мифом о сусальной Европе и «варварской» Москве. Идеологи крепостнического дворянства, безусловно, пропагандировали демократический образ Европы, без которого Петровские реформы, они сами и Санкт-Петербург есть фикция и иллюзия, не могущие объяснить рациональную необходимость их осуществления. Однако эта фикция была нужна Петру и новому нарождающемуся классу крепостнического дворянства, ибо в Москве нельзя было распоряжаться по своему усмотрению ни вотчиной, ни царским престолом.

Петр, чтобы превысить пределы традиции в отношении использования престола в своих личных интересах и удовлетворения своих амбиций, должен был привести к власти тот правящий слой, который мог обеспечить ему опору. Это он сделал привилегией немцев и тех «потешных» молодых людей, которые в беспробудной многолетней пьянке с Петром потеряли понятие о правде и справедливости, сделавшись орудием и исполнителем воли доморощенного императора. Трагедия России не в том, что Петр всю свою сознательную и бессознательную во хмелю жизнь разрушал российский порядок. Она в том, что на месте старого он не воздвиг нового, который был бы стабильнее, справедливее и счастливее для народа, чем прежний. Более того, Петр вновь поставил перед Россией проблему Смутного времени, поскольку не оставил легитимных наследников ни мужского пола (которые все погибли), ни женского. В результате властью распорядились гвардейцы — элита крепостнического космополитического дворянства, возведшие на престол слу-

чайных для России женщин, правивших страной более 80 лет. За это время был полностью разбазарен государственный фонд поместного владения. Царствующие бабы, следуя примеру Петра, раздавали своим фаворитам в личную собственность достояние государства. Если ранее эти земли давались только служивому дворянству для материального обеспечения его государственной службы, то за «женское» правление в XVIII веке не было никаких особенных приобретений для России, но «за службу» раздали все государственные земли. Нечто подобное происходит с государственным имуществом сегодня: процветания страны нет, но увеличивается состояние немногих. Петр и женская вакханалия власти в том веке Просвещения положили начало рабству в России. Они также заложили и дихотомию государственной власти: власть шляхты, крепостников или власть народа.

Петр и его первенствующее сословие отгородились от других народных сословий возведением «золоченой клетки» — Петербурга, который был, в сущности, тем же проволочным ограждением, которым нормальное гражданское общество ограждает себя от люмпен-уголовного элемента. Петербург представляет собой не фигуральную, но действительную пропасть между народом и правящим классом. Именно он породил в этом столкновении так называемую интеллигенцию, служившую поначалу дворянству, поскольку превратилась из этого правящего слоя в его пособника. Именно Петр был родоначальником российской интеллигенции, обитающей в подсобных помещениях Петербурга, но мнящей себя зеркалом российской жизни, ее солью. Это болтание в качестве холопствующего дворового элемента дворянства российская интеллигенция непрерывно испытывает вот уже 300 лет и будет обретаться в таком состоянии, ибо живет иллюзиями нерусского города, породившего ее. Она впитала в себя все пороки Петра, главный из которых в том, что свою суетливость он выдавал за значимую для страны работу. Этой суетливостью российская интеллигенция всегда сильна, и, пока будет существовать на Руси правящий слой, она обречена ему прислуживать. Такова ее природа. Пока существует ее колыбель — Петербург, дотоле она будет получать оттуда душевные силы для своей суетливости, а материальную подпитку ей всегда обеспечит правящий класс. Петербург породил две напасти для народа как материальный символ раздвоения общества на правящих и униженных и рос-

сийскую интеллигенцию. Многие из последних по-прежнему вербуются в правящий класс для повышения устойчивости существующего политического режима. Кроме того, Петр создал интеллигенцию по образу своему и подобию, что, по словам Ключевского, означало, что они не были охотники «до досужих соображений, во всяком деле легче давались подробности работы, чем ее общий план», лучше соображались «средства и цели, чем следствие». Эти родимые пятна наша доморощенная интеллигенция сохранила до наших дней. Плохо то, что, когда закончилось дворянство, выходцы из этой прослойки добрались до руля государства и трижды доводили страну до краха. Это все результаты отсутствия общего плана и следствий из воплощаемых ими иллюзий относительно российской действительности. Они обречены на неудачу, ибо ее сущность недоступна их мышлению. Это видно из того, что доморощенная интеллигенция до сих пор не смогла увидеть, что с возникновением Петербурга появился недостижимый и недосыгаемый для народа центр власти.

Петербург открыл тот этап российской государственности, где народ не мог даже безмолвствовать — его там не было, народ был вне Петербурга. Им, согласно Ключевскому, управляли 126 военно-полицейских команд, от которых России пришлось похуже, чем от Батя, поскольку состояли они почти полностью из иностранных держиморд. Сама столица была для Петра Кокуевской слободой с фейерверками, пьянками, иными развлечениями, только большего масштаба. Естественно, что и интерьер этой большой «ассамблеи» должен был отличаться большим масштабом роскоши и разврата. Чего стоит приказ Петра: Петербург должен походить на Амстердам. Это случилось после того, как у Адмиралтейства выстроили на суше целый город. Затем пришлось стройку перенести на правый, низкий берег Невы. Когда там построили водные линии Васильевского острова, то император велел все снести и построить более широкие каналы. Заодно распорядился ходить в «Петровом граде» только в голландской одежде, совершенно не соответствующей ни русскому климату, ни русским пространствам. Даже армию обрядили в опереточные лосины, кивера, треуголки и прочие бирюльки, пока в конце XIX века русская армия не вернулась к традиционной, веками апробированной форме стрельцов: штаны, сапоги, гимнастерка (рубеха), шинель и папаха. Опереточным стилем была пропита-

на и сама атмосфера города: Петр шарахался от всего порядочного в России, и все порядочное шарахалось от него — все выдвиненцы скопились в северной Пальмире на карнавале жизни. После смерти Петра город превратился в гвардейскую казарму, заменившую собой какую-никакую, но монаршую власть. Реформы Петра свелись в итоге к восстановлению древнеримских порядков эпохи умирания империи, когда преторианцы назначали и смещали номинальных императоров. Российские историки, которые были либо дворянами, либо сегрегированной дворянской интеллигенцией, назвали этот процесс прогрессом. Петр создал диктатуру дворянской гвардии, обуздать которую решился только император Павел I, павший в этой борьбе. Сущ-

ность Петровского переворота в том, что он сделал гвардейскую казарму преемницей царской власти: сто лет — от 28 января 1725 года до

14 декабря 1825 года — в России не было монаршей власти. И подмостками этого лицедейства служил «великолепный» Петербург. Тогда-то и исчез совсем подлинный смысл власти на Руси: ответственность не только перед народом и церковью, но и перед собственной совестью. Не будем педалировать другую тему: все это время власть номинально была в руках женщин, и хорошо известно, какими средствами они добивались данного положения.

Невероятно, но Петр сумел передать своим «птенцам» раздвоенные своей натуры, поскольку представлял собой патологический тип смешения монарха и вождя. На смену монарху пришли вожди гвардии и наоборот — до сего времени. Эту двойственность Петра Лев Толстой выразил словами: «полупьяный-полузверь». Петербург был подмостком для «полупьяного» монарха, а потешные бои в масштабе Европы были игрой «полузверя», вождя.

Лицезреть Петра на отдыхе в Питере было доверено по преимуществу космополитическому иностранно-чухонскому сброду, полностью повиновавшемуся тому, кто платит. Добавившиеся к ним местные выдвиненцы, новодельное дворянство, и составили основу государственного аппарата, который превратил город в центр своей власти. После смерти Петра эта государственно-полицейская камарилья всячески противодействовала возвращению в чуждую ей Москву. Таким же образом прекратилось строительство дороги, соединяющей оба центра власти. Оно застопорилось на 120-й версте. Петр создал для будущего правящего дворянско-крепостнического класса великолепную и изолированную от страны «операционную

базу», снабдив ее нитями управления с органами вооруженного принуждения на местах. Приструнить эту рабовладельческую гвардейско-дворянскую фронду смог только Николай I, зажав её в ежовых рукавицах. Петербург был и остается бастионом новодельного «дворянства» всех послепетровских этапов государственности, которое все более превращалось из служилого слоя в паразитарную касту тунеядцев. И так происходит на каждом этапе российской государственности.

Миражи власти Петербурга создали громадный слой коррупционного чиновничества, которое крало и брало в таких масштабах, которых не знал мир, включая даже сегодняшнее циничное время. Многие суммы из этого задела шли на интерьеры Петербурга. Однако мздоимство и воровство органично проистекали из способа формирования Петром своих выдвиженцев. Умный организатор подбирает себе и умелых сотрудников. Но «полупьяница-полузверь» органично не может быть организатором вообще, а умным — тем более. Соответственно, таковыми были и его сотрудники. Авторитетные историки так характеризуют ближайших сотрудников Петра: «Князь Меншиков, отважный мастер брать, красть и подчас лгать... Граф Остерман... великий дипломат с лакейскими ухватками, который никогда не находил, что сказать сразу. Неистовый Ягужинский, годившийся в первые трагики странствующей актерской группы и угодивший в первые генерал-прокуроры сената...». О Лефорте, главном поставщике Петровых удовольствий, сказано выше.

И эта свора после смерти своего патрона начала торговать Россией, как своей добычей, интригуя и ненавидя друг друга. Так, «счастья баловень безродный» Алексашка Меншиков перевел в английские банки около 5 миллионов рублей, что по нынешним меркам — около 5 миллиардов долларов — вполне сопоставимо с размерами состояний нынешних российских олигархов. Вывод единственен и однозначен: Петровский период продолжается. Правда, Меншиков уворовал сумму, равную бюджету государства, так что нынешним меншиковым до прототипа еще далеко. Однако при Петре было много и других вольных и невольных воров и укрывателей, которые, по самым скромным подсчетам, перевели за границу сумму, втрое превосходящую государственный бюджет. Русский мужик был ограблен во имя европейских капиталистов. Но эта история вновь и вновь повторяется.

Своеобразие Петербурга заключается в создании миражей, особенно властного плана. Столетие управления случайных девок, дворянские мятежи с цареубийствами — Петра III и Павла I — и без, дворянская реакция на правовую реформу и отмену крепостничества при Александре II, три русские революции, правления «единодержца» Григория Зиновьева и любителя балерин С. Кирова, «ленинградское дело», Григорий Романов-советский — все это «добро» порождено Петербургом, но оно мало добра принесло народу России. И все они поголовно одержимы миражом власти, все стремятся дорваться до власти и пользоваться властью, но только в собственных интересах. Величие и низость Петербурга навсегда определил тот тип людей, которые впитали его яд с молоком матери. Он определяет их дихотомию, раздвоение, и ставит на них клеймо не только бесполезности для России, но и вредности. Они в силу этого лишены цельности восприятия мира, что создает из них идеальный тип ангажированного человека, идущего на поводу чужой, почти всегда враждебной России воли. Чем они берут, так это гипертрофированно развитым социальным сознанием, помогающим им в своих интересах быстро взбираться по карьерной лестнице. Но государство наше должно быть сильно не подобной «гвардией», а Россией.

Безусловно, Петербург настраивает на карнавальное отношение к жизни, так как и направляет движение личности в сторону мании величия или власти. Этот своеобразный «кайф» особенно сильно влияет на ментальную сферу постоянно проживающих там людей, которые начинают галлюцинировать, создавая в собственном сознании новый идеальный мир, населенный людьми, по природе своей отличными от населения остальной России. Еще в 1920-е годы партийная организация Ленинграда почти поголовно состояла из сторонников «левого» марша в исполнении троцкисто-зиновьевцев. У «птенцов Петра» и троцкисто-зиновьевцев абсолютно одинаковая программа революционных «реформ» — обчистить Россию во благо всего остального мира, как будто и не лежат между ними два столетия. И эту социальную память не смогли поколебать ни перипетии революций 1917 года, когда численность населения столицы уменьшилась втрое, ни ужасы блокады во время Великой Отечественной войны, когда было двукратное уменьшение численности горожан. Вот эта альтернативность всему исконно российскому продолжает жить в городе, несмотря на страшные демографические по-

тери в XX веке. Город, подобно разумной звезде Солярис, производит все новые и новые генерации автохтонов — чуждых России людей, людей с альтернативным или даже расколотым сознанием. Цельные характеры там не выживают. Даже такой альтернативный гений, как Ленин, моментально покинул Петербург, едва только представилась приемлемая возможность. Только в этом городе противоречий социалист мог стрелять отравленными пулями в лидера другой социалистической партии, то есть Ф. Каплан — в Ленина, а коммунист Киров пал от руки другого коммуниста - не троцкиста и не зиновьевца. Поистине не город, но гвардейская казарма, воспитывающая «полузверей», одержимых комплексом власти, но лишенных внутренней цельности и единства действий.

Особенно показательно влияние миражей власти Петербурга в так называемом «ленинградском деле». Как указывалось впоследствии на слушании дела в суде, летом 1948 года партийная организация города Ленинграда и области в лице ее руководителя П. С. Попкова обратилась к первому заместителю председателя Совета Министров СССР, члену ПБ ЦК ВКП (б) Н. А. Вознесенскому с предложением взять «шефство» над Ленинградом (Петербургом). Вознесенский ответил отказом, однако не доложил в ПБ об инциденте. Как оказалось, подобные разговоры велись также с А. А. Кузнецовым, членом Оргбюро, секретарем ЦК по кадрам. Кроме того, все эти разговоры были негласно зафиксированы и легли в основу материалов дела. Вместе с тем даже с позиций дня нынешнего подобные действия «компетентных» органов нельзя признать безнравственными. Дело в том, что после смерти А. А. Жданова, любимца и преемника Сталина, генсек известил членов ПБ и других высших партийных лидеров, что считает А. А. Кузнецова своим преемником по партийной линии, а Н. А. Вознесенского — по государственной. Это решение необходимо было утвердить на партийном съезде, который не собирали в связи с войной уже более десяти лет. Поэтому в организационно-техническом плане проведение мнения Сталина о преемниках не вызывало сложностей, поскольку сам по себе вопрос о созыве съезда был острым и не мог быть отложен в долгий ящик.

Вполне понятно, почему внимание партийных и иных органов было приковано к этим людям: абы кому страну в руки не отдашь. Все проходившие по делу крупные работники проработали в городе на руководящих должностях свыше десяти лет.

В свете этих фактов закулисные переговоры претендентов на верховную власть в стране да еще подкрепленные авторитетом всегда готовой к сепаратизму мощной объединенной парторганизации города и области были неприятным сюрпризом для Сталина. Вознесенский, как мы знаем, имел право без доклада входить к генсеку. Поэтому в лице главы государства его человеческие, не говоря уже о партийном долге, качества подвергались существенной инфляции. Дальше - больше.

14 октября 1948 года бюро ЦМ СССР рассмотрело вопрос о разработке мероприятий по реализации остатков товаров народного потребления на сумму 5 миллиардов рублей, скопившихся на складах Министерства торговли СССР. Чуть позже бюро принимает постановление об организации в декабре того же года межобластных оптовых ярмарок, где указанные остатки должны быть реализованы, и дает разрешение на вывоз.

В действительности ЦМ РСФСР в лице его председателя Н. И. Родионова проводит в Ленинграде с 10 по 20 января 1949 года Всероссийскую оптовую ярмарку с привлечением торговых организаций союзных республик. Здесь очевидно превышение должностных полномочий участников: не соблюдены сроки и привлечены союзные республики, что привело к разбазариванию государственных товарных фондов и неоправданным затратам государственных средств на организацию ярмарки и вывоз товаров на национальные окраины страны. Овчинка, получилось, не стоила выделки. Затем привлечение союзно-республиканских аппаратов власти и их переговоры с «ленинградцами» вполне понятно настораживали партийное мнение из-за боязни очередного витка сепаратизма и вождизма ленинградских лидеров. Последнее следовало и из того факта, что Кузнецов, Родионов и Попков, а также второй (идеологический) секретарь не только не получили разрешение, но и не поставили ЦК и ПБ в известность о предстоящей ярмарке. ЦК получил извещение о работе ярмарки лишь 13 января 1949 года, то есть когда «отоваривание» уже происходило в течение трех дней, правительство вообще не получило такового. Кроме того, ЦМ СССР также не принимал никаких решений по этому поводу; были лишь решения бюро ЦМ СССР, то есть нижестоящего де-юре органа, и, следовательно, речь шла по меньшей мере о нарушениях должностной дисциплины, а фактически вновь о превышении должностных полномочий целой

группы высших партийных и государственных работников. Таким образом, речь шла о незаконности проведения оптовой ярмарки с использованием сомнительных закулисных комбинаций, проводимых по линии личных связей с «шефом Ленинграда» Кузнецовым.

Можно говорить сегодня о жесткости и жестокости в отношении фигурантов «дела», но, по крайней мере, ясно, что претендент на пост первого человека в стране и государстве оказался не на высоте положения. Кроме того, за ним еще с времен войны числился один «грех»: входил в Ленинградский комитет обороны. Сталин, который всегда относился к Ленинграду с недоверием как к потенциальному альтернативному центру власти, с подозрением следил за деятельностью этого продукта местного патриотизма. Комитет был быстро распушен, а его рабочие батальоны были подчинены военным. Однако решение Сталина о выдвижении Кузнецова не было случайным. Лично Киров пестовал Кузнецова в свое время и двигал его наверх. Надо полагать, бывшего плотника и обладателя лишь среднего образования подвела эйфория, вызванная положением «наследного принца». Как оказалось на суде, все его разговоры по «демагогическому заигрыванию с Ленинградской организацией, охаивание ЦК ВКП (б)... в попытках представить себя в качестве особых защитников интересов Ленинграда, в попытках создать средостение между ЦК ВКП (б) и Ленинградской организацией и отдалить таким образом организацию от ЦК ВКП (б)» фиксировались и легли в основу обвинения. Попков и Капустин публично до суда и ареста признали, что их деятельность не укладывалась в партийные нормы и носила, таким образом, антипартийный характер. Им обоим, а также Кузнецову вменялась в вину подтасовка партийных протоколов по избранию на ответдолжности на объединенной партконференции города и области 25 декабря 1948 года, когда 23 бюллетеня с голосами «против» были заменены на положительные для руководства.

Важно отметить, что подобные обвинения были в свое время предъявлены Г. Зиновьеву, с которыми тот согласился. Кузнецов не мог не знать, чем закончилась та история.

15 февраля 1949 года ПБ принимает постановление, где квалифицирует всю совокупность фактов как противогосударственные действия названных лиц и непартийные методы, которые «являются выражением антипартийной групповщины, сеют недоверие...

и способны привести к отрыву Ленинградской организации от партии, от ЦК ВКП (б)».

Подобное постановление привело к валу заявлений от руководящих лиц и членов Ленинградской парторганизации, где заявители каялись в ошибках. Кроме того, летом 1949 года к Сталину поступили материалы от министра госбезопасности СССР В. С. Абакумова, свидетельствующие о контрреволюционной деятельности всех главных фигурантов «ленинградского дела», кроме Вознесенского. Комиссия по реабилитации небезызвестного А. Н. Яковлева тем не менее не решилась обнародовать доводы обвинения по данным обстоятельствам, указав только, что здесь «МГБ осуществило фабрикацию ряда материалов». Без предъявления стенограмм заседания, конечно, нельзя опираться на мнение столь одиозной личности.

Между тем ко всем стенограммам судебного заседания до сих пор нет свободного доступа для ознакомления с ними.

В отношении Вознесенского следствие шло иным путем. Дело в том, что в Совет Министров СССР (а его председателем был Сталин) поступила докладная записка заместителя председателя Госснаба М. Т. Помазнева о занижении Госпланом СССР (председатель Н. А. Вознесенский) плана промышленного производства СССР на I квартал 1949 года. Сталин комментирует подобные факты следующим образом: «Попытка подогнать цифры под то или иное предвзятое мнение есть преступления уголовного характера». Не надо быть крупным знатоком истории — это все изучалось в свое время в вузовских общеобразовательных минимумах по истории, — чтобы не понять, что подобные факты - это реминисценции правого, бухаринского, уклона в партии. Удивительно, что, когда в Москве шли «партийные» разборки с «правыми», Вознесенский также находился в столице: он учился не где-нибудь, а в Коммунистическом университете им. Я. М. Свердлова, где постоянно с разъяснениями по фундаментальным вопросам большевизма и текущему политическому положению выступал сам Сталин. Сохранились до сих пор и лекции последнего. С «правыми» и Бухариным тоже всем известно, что приключилось, а также известно покаянное письмо «любимца партии» генсеку, которое никем не берется под сомнение в части самообвинений автора послания.

Вообще-то, удивительно, что самые крупные партийные государственные деятели показали себя столь ограниченными в идео-

логической сфере, продемонстрировали полное игнорирование партийных прецедентов, не говоря уже о нарушении элементарных требований служебной дисциплины. Так, комиссия ЦК проверила деятельность Госплана в период его руководства Вознесенским и обнаружила утрату ряда документов Госплана за период с 1944 по 1949 год. Судя по отсутствию комментариев Яковлева на сей счет, косвенно можно сделать вывод о серьезности пропажи. Эта комиссия, кроме факта занижения плана развития промышленности, доказала, что Вознесенский виновен в насаждении в Госплане ведомственных тенденций, засорении кадров, возвеличивании и поддержании связи с ленинградской антипартийной группой. Другая комиссия - от ЦМ СССР - показала, что Вознесенский «не проявляет обязательной, особенно для члена ПБ, партийности в руководстве Госпланом и в защите директив правительства в области планирования, неправильно воспитывает работников Госплана, вследствие чего в Госплане культивировались непартийные нравы, имели место антигосударственные действия, факты обмана правительства, преступные факты по подгону цифр и, наконец, факты, которые свидетельствуют, что руководящие работники Госплана хитрят с правительством».

При такой формулировке, конечно, ни о каком доверии Сталина его первому заместителю по государственной работе больше речи не шло. 13 сентября Вознесенский решением пленума ЦК выведен из состава ЦК, а 27 октября 1949 года арестован.

Поражает стереотипность действий питерских «вождей» Петровской поры и советской, купавшихся в лучах властных миражей Петербурга. Все они тяготели к организации потенциального альтернативного полюса власти в стране: одни делали это воровством казенных денег и раздачей подрядов за взятки, другие - оргмерами, укреплявшими их центральное значение в структуре власти. Конечно, каждая группа исходила из господствующего духа времени и базовых установок осуществления их регламентной деятельности. Все главные фигуранты «ленинградского дела», кроме Родионова, имели прочные связи с Ленинградом, где руководили немалое время. Также нельзя не отметить, что и для Петровских «птенцов», и для их современных потомков характерно не то что демонстративно наплевательское отношение к установкам и традициям Москвы, но пренебрежительно забывчивое, а оттого не менее преступное.

Воспроизводимость такого руководящего поведения в столь длительном периоде вынуждает говорить об устоявшемся стиле руководства питерских выдвиненцев в российскую власть, который выражается в альтернативности их деятельности общероссийскому выбору, выразителем которого всегда была Москва.

Альтернативность образа мышления обитателей Петербурга, бесспорно, проистекает из социального быта города, являющегося аккумулятором социальной памяти. Синергетическое, усиливающее действие играет также интерьер города. Северную Пальмиру создавали для открытого, беспричинно веселого образа жизни с ассамблеями, карнавалами, триумфальными шествиями, фейерверками и прочим. Все это было чуждо русским традициям. Новшества Кокуйской слободы герр Питер перенес в Петербург: был указ патрульным гвардейцам по их выбору вливать в рот прохожих сивуху до полуопьянения или тащить в трактир, винную лавку и так далее. Кроме того, владельцам домов вменялось в обязанность держать двери настежь и иметь несколько свободных комнат, где «иметь свечи, питье, употребляемое в жажду, кто просит», то есть для любых, в том числе и незваных гостей. Такой полупьяный-полукарнавальная образ жизни культивировался на протяжении нескольких поколений, пока не становился потребностью души. Вспоминаются концепты Г. В. Плеханова об Онегине. Тот, по замечанию классика марксизма, «как кажется, всегда в похмелье был». Эта ажиотажность, эйфория и создают суть отклонения в восприятии действительности, то есть аберрацию сознания и мыслительных форм, основанных на этом восприятии. Нечто подобное наблюдается при посещении Кирилловской церкви в Киеве на Подоле. Церковь была построена в XII веке, как и некоторые другие, но лишь в ее стены настолько въелся запах ладана и других церковных благовоний, что и по прошествии 50-60 лет со дня последнего в ней богослужения он был очень силен, причем с таким оттенком древности. Эти флюиды так действуют на сознание, что поневоле проникаешься там истинно христианским сознанием. Нигде церковный эффект так не действовал, как в этом запустелом православном соборе. Видимо, и питерские стены пропитаны своим «всешутейшим эликсиром жизни», которым опохмелялась эта дворянская столица более ста лет, пока железной рукой Николай I Павлович не выкорчевал шляхетско-крестьянскую вольницу Петровского завода. Самовнушение зри-

тельными архитектурными абберациями, связанными с образами античной мифологии и символами западноевропейского просвещения, облегчало отрыв и альтернативность облика и сути города от родной почвы. Петр настойчиво добивался регулярного строительства по архитектурным канонам и применял другие меры потому, что пытался внушить жителям города, что они не в России живут, а в «Европиях», и, значит, должны быть «европейцами». «Европейская» ментальность насаждалась деспотично и грубо. Есть свидетельства, что Петр целенаправленно внедрял в городе символизм барокко, поскольку тот в «наилегчайшей» форме создавал отчуждение, пропасть между церковно-религиозным и светским аспектами в культурном восприятии русского обывателя. Не будем забывать, что московская доктрина общественного сознания выражается в единственной ее модальности, а именно сакральной форме единства, цельности и полноты жизни. Именно «духовные» друзья Петра, тот же Феофан Прокопович и «иже с ним», взятые им из преподавателей Киево-Могилянской академии и поселенные в Петербурге, помогали императору вести информационную войну с русско-московским влиянием во всех сферах общественной жизни, поскольку несли на себе альтернативный, противоположный московской направленности вектор жизни.

Странное дело, но, пользуясь одними и теми же словесными формами обозначения общественного идеала, как то образованность, любовь к науке, воинский долг, гражданская честность и достоинство, преданность общему благу и всенародной пользе, роль женщины в семье и обществе, петербуржцы и московское, а с последними и все российские люди, население вкладывают в них разное значение, по большей части альтернативное, противоположное друг другу. Петербургский менталитет преходящ, как преходяща та эпоха, которая формирует этих людей. А это означает, что питерский менталитет имеет чисто протестантскую природу, которая не онтологична, но фенотипична, то есть постоянно подстраивается под иллюзии времени. В этом смысле идеалом Петербурга является идеал эпохи, а не общественный идеал. Понятно, что протестантство не имеет общепризнанного идеала. Им может стать сиюминутная блажь, которую раздуют до вселенских масштабов. Кроме того, российский человек не может никогда избежать влияния манифестированных архетипов бессознательного. Это означает, что он всегда

находится под воздействием коллективной идеи «государства как большого дома». Конкретная обстановка социальной реальности вызывает у него уже осознанный тип поведения. Когда российский человек живет где-то в России, исключая «северную столицу», он находится в обычном состоянии. Интерьеры Петербурга, напротив, вызывают к жизни комплекс дворового человека, как бы приподнятости его социального положения над всеми другими. Это чисто подсознательная реакция психики человека. Возможны варианты данного явления. Однако верно другое: Петербург вызывает альтернативную реакцию чаще на одни и те же стимулы и явления, чем другие места в России. Причем у уроженцев города эта реакция проявляется в большей степени.

Москва и ее люди, люди всей России, имеют в основе своей деятельности и ментальности онтологический идеал, коренящийся в самой сути жизни и имеющий фундаментальное значение, не могущее меняться в угоду эпохе. Но это не означает, что московский строй не может экономически конкурировать с протестантским коммерческим укладом. Московские торговые дома эпохи Петра не давали фору голландским и английским купцам, и последние могли выигрывать коммерческие дела только благодаря вмешательству Петра, постаравшегося ввести против московских купцов дополнительные налоги.

Питерская ментальность, скособоченная в угоду идеалам эпохи, попросту означает автоматическое идолопоклонство западным веяниям, ибо только они меняются со временем. Но тогда, считая экономикой базисом жизни общества, вовсе не обязательно ломать духовную сферу народа, да еще с такими издержками, которые допустил Петр. В этом плане невозможно объяснить все те усилия, затраты и жертвы, которые понесли строители и жители новой столицы, выросшей на болоте под постоянной угрозой затопления разбушвавшимся морем.

Так, уже к осени 1703 года на строительство в город были согнаны 20 тысяч крепостных, а со следующего года разнарядка была составлена на 40 тысяч «подкопщиков» ежегодно. Такую квоту соблюдали до 1718 года, когда «подкопщиков» перестали пригонять в город. Смертность среди них превышала общую по стране на 16%. Отсюда следует, что за 16 лет строительства были погублены свыше 80 тысяч русских, которым потом еще 100 лет был запрещен въезд в

город. Понятно, что это были мужчины. Русский демократ-народник С. Степняк-Кравчинский пишет о более чем 200 тысячах погибших на строительстве рабах. Он также пишет, что крестьян сгоняли в «Питербурх под угрозой смертной казни и конфискации имущества». Этот печальный панегирик демократ заключает словами: «Думают ли ныне те, кто шагает по его широким проспектам, о тех безымянных рабах, на чьих костях был построен Санкт-Петербург?»

Причем доподлинно известны те российские места, откуда принудительно приходили русские крестьяне на подкопные работы в «град Петра». Это 37 городов Северо-Запада, Центральной части и Поволжья России. Надо отметить, что на Москву разрядка не распространялась! Как тут не поверишь в физическое убожество российского правителя: не переносит московский дух!

По мере застройки города Петр издает в 1712 году именной список приближенных к нему 1200 дворян, обязанных переселиться в Петербург. Именно с этого года Петербург считается столицей, поскольку тогда из Москвы переехал также царский двор. В следующем году Петр переводит в столицу свой ЦК - правительствующий Сенат — коллегиальное учреждение, заменившее московскую старорежимную боярскую Думу. «Россия молодая» построила себе таким образом не только «золоченую клетку» для жизненных утех, но и подтянула поближе к себе аппарат управления и насилия над страной, брошенной в пучину революционных реформ Петра. Историки подсчитали, что за 20 лет Северной войны со шведами Россия потеряла вдвое меньше — 40 тысяч - солдатских жизней, чем при возведении большого Кокуя.

Петербургу предназначалось быть обиталищем европейского образа жизни, где требовалось отказаться от московского уклада, а само общество должно было воспитываться по новой системе образования и подготавливаться к новой идеологии. Идеалом Петра был европейский человек, который должен населять столицу. Причем с учетом косноязычия Петра, когда он говорил о человеке-патриоте, непонятно было, о чем речь: то ли это человек как часть народа, которая проживает в Петербурге, то ли еще что-то. Зная о его страсти к Питербурху, надо думать, что «патриот» для Петра означал «житель Петербурга». Для поддержания этого имиджа в сознании «патриота» город возводился с учетом величественности и упорядоченности планирования, имперской монументальности общественных

и государственных зданий, броскости крепостных сооружений, тщательно продуманной символики протестантских и католических храмов, казарменно-карнавального (опереточного) строя духовной и бытовой культуры.

Масштаб раздвоения сознания Петра порождал новый идеологический климат страны, генератором которого был космополитический протестантский Питербурх, бывший наглядным и впечатляющим воплощением альтернативных, скорее галлюцинаторных, идеалов императора. Новая столица, естественно, стала местом наивысшей концентрации людей, чуждых и враждебных всему отеческому. Петербург закономерно стал воплощением Петра, его наследием, где наиболее полно реализовались реформы и воплотилась Петровская революция, поставившая на службу и в рабство «образованному и благородному» шляхетско-крепостническому сословию народ и страну. Петербург становится столицей военно-дворянской диктатуры в России. Москва остается символом и столицей самодержавия как сознательного, сакрального единства царской власти и народа. В этом альтернативность обеих столиц. В этом альтернативность людей, их населяющих.

Кроме того, Питер как иностранный город и город для иностранцев остается плацдармом, откуда иностранное — идеологическое и материальное — подрывное влияние может воздействовать на страну и дестабилизировать ее в угоду вражеским интересам. Можно сказать, что Петербург — это троянский конь, скрывающий в себе будущие потрясения России.

Глава IV

Армия — строитель Отечества

Армия как строитель Отечества - весьма привычный образ для русского человека. Тысячелетняя история России — это история борьбы страны в условиях пограничья, самого жесткого противостояния ордам агрессоров. До западного европейца долетали издали только отзвуки этого яростного противостояния. Сама же западно-европейская жизнь проходила тихо, по-семейному на территории, являющейся фактически полуостровом грандиозного Евро-Азиатского континента. Разборки были и здесь. И мы знаем, насколько жестоки в своем бессознательном порыве могут быть эти разборки между близкими родственниками. Однако после периода кровавых ссор утирают слезы. И часто они договариваются друг с другом. Таким примерам в западноевропейской истории несть числа. Сегодня заклятые в недавнем прошлом враги Франция и Германия не только демонстрируют удовольствие от лицемерия друг друга, но и бросают совместно перчатку США, также недавнему другу и врагу. Там все просто: родственные связи диктуют стратегическое единство интересов. В России наоборот: наши войны происходили не по принципу «ты меня уважаешь?». Россия воевала со своими врагами, которые приходили издали, чтобы исчезнуть со страниц истории, разбившись у ее ног в прах. Постоянные военные коллизии сформировали в русском человеке милитаризованное сознание. Сорок—пятьдесят поколений, выросших в условиях пограничного противостояния, объективно способствовали этому факту. Поэтому на Руси испокон веков народ сам по себе армия. Поэтому так велика была моральная и военная ценность народного ополчения, выручавшего Русь даже на крутых поворотах новейшей истории XX века. Его роль в Западной Европе сошла на нет еще в IX веке, а иные примеры, как движения анабаптистов и их продолжателей таборитов, не были национальными по своей сути, но являлись следствием религиозно-мистического подъема народных масс.

Милитаризованное сознание русского человека, чуждого поверхностности и вычурности форм тевтонско-германского сознания, явилось тем препятствием для внешнего агрессора, которое рушило все его завоевательные планы. Однако внешняя направленность этого сознания делает Россию беззащитной против внутреннего врага, пресловутой пятой колонны.

Расселение восточнославянских племен к востоку от Днепра происходило в мирной обстановке совместной жизни с финскими автохтонными племенами. Уже с этих ранних форм государственной жизни Руси роль военной организации неразрывно связана с существованием самих племен. Так, до образования крупных населенных пунктов колонизация земель осуществлялась вооруженным племенем без выделения специальных военизированных отрядов. Эта неразрывная связь мирной жизни и войны определила глубинную связь армии и общества.

Важнейшей чертой этой органической связи была ее направленность на созидание новой жизни с редчайшими отклонениями от этой линии в виде средства насилия. Ни одно цивилизованное общество не смогло создать такого альянса армии и народа. В иных обществах эта связь обеспечивалась в виде найма ландскнехтов в регулярную армию со всеми вытекающими отсюда моральными издержками в ее применении.

Народное ополчение являет собой органичное продолжение вооруженного племени, которое стало вести оседлый образ жизни. На этой стадии также происходит формирование особых воинских образований в виде княжеских дружин из охочих людей. Этих людей принимали на военную службу к князю на договорных началах. Однако если княжеская дружина находилась при князе на постоянной основе и насчитывала не более нескольких сотен человек, то существовала также и ее наемная часть, предназначенная для выполнения ограниченных во времени задач, куда набирали только иноплемеников. Массовый народный характер вооруженным силам Руси и России придавало народное ополчение, которое созывалось лишь с согласия народа. Эти люди и назывались «вои», воины, то есть вооруженное население или род полчный. Вооруженное народонаселение, сплоченное военной организацией, явилось главной движущей силой строительства нашего Отечества. Это качество проследживается с первых шагов российской государственности. В связи с

усложнением социальной организации общества, ростом его производительных сил в упрочении здания государства участвуют различные сословия. Однако роль армии в этом строительстве сохраняется в своем первоначальном качестве: устраивать и укреплять государство в условиях пограничья. Такую охранную силу государства впоследствии представляли собой казаки и стрельцы, а затем регулярная армия в современном ее значении.

Вооруженная экспансия и мирная колонизация Русской равнины славянорусскими племенами составляли единый процесс, позволивший оседлым образом утвердиться по всей ее плоскости от Балтийского до Черного моря и от Карпат до Волги. Торговый путь «из варяг в греки» был инициирован контактом славян с арабами в районе Керченского пролива и дал могучий толчок возникновению и расцвету славянорусской государственности. Однако в своей основе этот расцвет зиждился на вооруженном суверенитете восточнославянских племен, представлявших собой вооруженные группы людей. Монетные клады VI и VII веков здесь не редкость, но особенно много тех, где находят арабские монеты. К середине VIII века в вооруженной борьбе арабов и хазар в этих местах стали брать верх последние, чьей регулярной коннице не могло противостоять современное ей народное ополчение. После строительства мощной крепости Саркел на месте нынешней станицы Цимлянской хазары запирают торговые пути по Волге и Дону через славянские земли.

На этот период приходится появление викингов в качестве государственно-образующей силы, которая организует охрану нового торгового пути через Неву - Ладожское озеро — Волхов - Великий Новгород — бассейн Днепра — северочерноморские греческие колонии, то есть настоящий путь «из варяг в греки».

Этот путь прикрывали уже княжеские дружины, в чьи функции входили охрана как торговых путей, так и факторий и более крупных населенных пунктов с торговыми складами и магазинами. Наиболее крупные из этих городов становятся княжескими центрами, чтобы в дальнейшем подчиниться самому сильному княжескому столу в Киеве, давшему династию киевских Игоревичей, распространивших свою власть на территорию всей Русской равнины. Особенно это стало очевидно после разгрома Хазарского каганата народным ополчением во главе с дружиной князя Святослава и некоторыми дружинами наемными частями. Дальнейшие походы Святос-

лава расширили границы Древнерусского государства до среднего течения Дуная, где князь установил свою военную столицу (ставку) в г. Переяславле. Империя Святослава по своим размерам превосходила гуннскую времен Аттилы. Над всей этой территорией реяло его знамя: красное треугольное полотнище с золотым львом и белым трезубцем, над которыми располагается золотое солнце с шестнадцатью лучами. Корни этого символа восходят к временам поселения во II веке до н. э. венедов на Среднем Днепре, откуда они распространились во II—III веках н. э. в бассейн Верхней Оки, включая р. Москву, под славянским именем вятичи. Язык венедов относится к индоевропейским группам кентум, к которым принадлежат германские языки; славянские же языки относятся к группе индоевропейских языков сатам. К последним относятся также арийские языки. Венеды одно время жили на территории современной Венеции, пока растущая римская мощь не вынудила их двинуться в северо-восточном направлении около II века до н. э. Римляне зафиксировали их мореходное искусство и широкое распространение в их культурной среде гидронимов. Символическая связь трезубца и морской стихии очевидна, поскольку связана с Посейдоном и морскими приключениями как квинтэссенцией миграции. Символы солнца и льва взаимосвязаны через огонь, который олицетворяет полноту раскрытия личности и утверждения любой ценой. Огонь — символ активной, самоуверенной и постоянно вдохновляющейся деятельности. Знаком огня является лев, который, в свою очередь, есть символ победы и солнечной силы, солнца. Солнечная сила указывает на людей с лучшими чертами характера. Как и солнце, такие люди распространяют вокруг себя все доброе, то есть благодать во всякой мыслительной форме; они умеют пробуждать в других лучшие задатки и дарования. Обычно символ солнце имеет вид круга с точкой посередине или круга с шестнадцатью лучами. Такой символизм имеет первый русский штандарт, зафиксированный военной и государственной историей. Поскольку генетическая связь знамени и венедов установлена историческими исследованиями, то небезынтересен тот факт, что вятичи, давшие начало населению Московского княжества, являются потомками племени, близкого древним римлянам.

Период образования Древнерусского государства сопровождался созданием систематической обороны границ со степью, возведе-

нием крепостей в пограничной полосе. В условиях непрекращающегося передвижения народов степи с востока на запад древнерусские князья вынуждены организовывать систему правильной военной колонизации южнорусских степей. Однако под давлением множества кочевников происходит постепенное отеснение оборонительных рубежей все дальше к северу от побережья Черного моря. Вместе с тем позитивное значение военной организации Древнерусского государства очевидно. Противоборство с номадами занимает почти четверть тысячелетия, вплоть до монгольского погрома. Только совершенная осадная техника, созданная китайскими военными инженерами, дала преимущество агрессору. Темучин, вождь маленького племени, обитавшего у истоков Амура, объединил монгольские народы. Провозгласив себя в 1206 году Чингисханом, «Неуязвимым императором», он завоевал Северный Китай и повернул свои победоносные орды на запад. Монголы дошли до Далматинского побережья Средиземного моря, уничтожая все на своем пути. В хронике Матфея Парижского под 1240 годом читаем: «Люд сатанинский проклятый, а именно бесчисленные полчища татар, внезапно появился из местности своей, окруженной горами... Оконечности восточных пределов (Европы) подвергли они плачевному разорению, опустошая огнем и мечом. Они не знают человеческих законов, не ведают жалости». Три года спустя монголы уходят из Центральной Европы, но остаются в восточной более чем на четверть тысячелетия.

Между тем еще в XI веке Адам Бременский писал о России как о самой последней и самой большой провинции венеков (вятичей, то есть славян).

Этот путешественник писал, что главный город России — Киев — соперник Константинополя и гордость областей распространения Греческой православной церкви. Вблизи побережья Балтики находился крупнейший торговый порт того времени — Острогард. Сама же плоскость земли от Балтики до Понта Эвксинского (Черного моря) была усыпана городами, за что вся эта область (Киевская Русь) получила название Гардарики, «страны городов». Европейские путешественники XII века Вениамин Тудельский и Петахия Регенсбургский посетили эти места в середине и конце века. Вениамин утверждал, что Русь - это большая империя с главным городом Киеф (Киев).

С другой стороны, начиная с VIII века викинги устанавливают торговые контакты с береговыми областями Белого моря в районе

современного Архангельска, которые продолжаются до 1222 года, когда состоялась последняя экспедиция.

Таким образом, военная организация поначалу вооруженного племени, а затем княжеской дружины во главе с князем лежала в основе стройного порядка и управления жизнью древнерусской народности и ее цивилизации. В основе политического строя этого государства - дуализм княжеской и вечевой власти, который столкнулся с жестко структурированной системой синкретизма власти и харизмы в монгольском обществе. Крепость властной вертикали Монгольской империи заключалась в хорошо разработанных институтах власти и властвования, отражавших концепцию сакральности власти и роли военно-политического лидера общества. Лидер нового типа осуществлял механизм сакральной власти, который был вне обычной силы норм и традиций. Дело в том, что Чингисхан не был единоличным правителем Монгольской империи. Он являлся соправителем Харчи-Усуна, который был нормативным гарантом стабильности клана Бодончар, будучи старшим рода.

Чингисхан был военным и ритуальным лидером монголов. Только его наследники соединили оба этих титула. Он мог осуществлять лично ритуальные обряды монголов, а Харчи-Усун - нет. Кроме того, в общественном сознании монголов харизма, связанная с родом Бодончар, передалась Темучину. Согласно этому культу неба, наличие у человека сакральности солнечной природы имеет место всегда и передается в роду. Различия определяются уровнем сакральности, когда сакральность индивида становится сакральностью социума, то есть харизмой, и сохраняет свою силу в предметах, связанных с ее носителем. Особо почитались у монголов черепа как вместилища харизмы.

Триста лет спустя Иван Грозный пытался на христианской идеологической базе основать подобный культ царя-священника. Это была концепция псковского старца Филофея: «Москва — третий Рим».

Однако внутренняя организация взаимодействия княжеской и вечевой власти не была столь твердо установлена, как в монгольском аналоге. Поэтому результат внешней агрессии для обороняющейся стороны был трагичен, но закономерен в силу известных фактов. Идеологическому и социально-политическому единству, военному и военно-техническому превосходству монголов русские князья противопоставили иные качества. Интересен вопрос, поче-

му монголы после побед в Центральной и Южной Европе не вторглись в германские земли, Папскую область и во Францию. Можно отметить, что после выхода монголов в 1243 году в Восточную Европу в имперскую ставку монголов потянулись западноевропейские и папские послы. По этим косвенным признакам можно заключить, что имел место сговор западных европейцев и монголов. Впрочем, это как раз и характеризует идейно-религиозную сплоченность Западной Европы, которая по аналогии с Монгольской империей также имела единственного «первосвященника». Сходство ритуальных внешних форм религиозного культа могло обеспечить лояльность монголов.

Вместе с тем монголы принесли с собой ряд организационных навыков, вполне затем усвоенных государством. Две основные функции, которые завоеватели вменяли своим подконтрольным правителям, были налоги и поставка рекрутов. Поставка рекрутов была чрезвычайно тяжелым бременем для Руси, поскольку ослабляла жизненные соки народа и могла привести к тяжелым демографическим последствиям. В результате ежегодно бралась десятая часть мужского населения страны «призывного» возраста. Помимо создаваемой набором гендерной асимметрии, то есть увеличения женской части населения в общем народонаселении, из общества изымались мужчины продуктивного возраста, что вело к уменьшению деторождения.

Ситуация создалась критическая. Большой заслугой Александра Невского можно считать его решение вопроса о рекрутчине, который следует поставить в один ряд с его выдающимися победами над западноевропейскими агрессорами. Военный лидер удельной Руси, родоначальник московских князей и Московского государства Александр Невский выказал свой государственный талант в достижении договоренности с монголами о едином порядке управления русскими территориями. Следующим его шагом было решение надвигающейся демографической катастрофы, логическим итогом которой было возрождение древнерусской народности, что послужило этнической базой, давшей начало великорусскому (русскому) народу.

Политика Александра в главной сфере государства - сохранении народа как материальной силы истории - сводилась к использованию религиозной толерантности монголов в национальных интересах Руси. Великий князь Киевский и Владимирский смог получить от монголов указ, запрещающий включать в состав насе-

ления, подлежавшего рекрутскому набору, «церковный люд». Церковный люд численно резко возрос. Количество церквей и монастырей, а также земель с приписанными к ним крестьянами достигло количеств, сравнимых с той частью инфраструктуры государства, что попадала в рекрутский набор. Логичным следствием этой политики Александра было значительное уменьшение численности рекрутов для монгольских войск. Вместе с тем регулярный рекрутский набор стал основой совершенствования военной структуры Руси и Московского государства. Он нужен для обеспечения жизнеспособности российской государственности до сих пор, когда решается вопрос о переводе обязательной военной повинности (рекрутство, призыв) в наемно-договорные отношения (наемничество). Вместе с тем нельзя не отметить, что рекрутский набор в течение почти 800 лет был основой военной силы Российского государства.

Таким образом, Александр Невский смог оставить значительную часть рекрутского набора на Руси, закамуфлировав его в церковный люд. Воспроизводство нации зиждилось на надежной правовой и материальной основе. Кончина великого человека, государственного и военного лидера Руси Александра Невского в 1263 году была событием, потрясшим все древнерусское общество. Последним актом любви к народу и долга по отношению к государству Александра была его поездка, уже будучи больным, к хану Берке для одобрения всех вышеприведенных государственных институтов. На обратном пути во Владимир великий князь умер.

Память об этом великом человеке поддерживается в официальной истории благодаря его крупным победам над лучшими военными отрядами западноевропейских агрессоров - шведами и тевтонскими рыцарями. В сознании русского народа несравненно более велика его роль как хранителя и продолжателя древнерусского племени, давшего начало русскому народу. Именно потому Русская православная церковь признала великого князя и человека Александра Невского святым.

Государственно-образующая роль великого князя неразрывно связана с его демографической политикой, которая ограничила экспансионистские порывы татаромонголов и создала условия для воспроизведения великорусской нации. Политический задел, созданный Александром, действовал во благо Руси более 80 лет до хана Орды Джанибека, который попытался великому князю Владимирскому

(потомку Александра) противопоставить учреждение великокняжеских устоев еще и в Твери, Нижнем Новгороде и Рязани. Эта ханская политика имела лишь частичный успех, поскольку в конечном счете власть в великом княжестве Владимирском была тесно соединена с сильнейшим из отдельных княжеств. Устойчивый подъем Москвы и ее соперничество с Тверью были наиболее значимыми факторами в русской политике, приведшей к становлению Великорусского (Московского) государства. Однако нельзя забывать, что как в общем политическом подходе, способствовавшем сохранению древнерусской народности, так и в создании Московской великокняжеской династии роль военного и государственного гения Александра Невского является основополагающей. В период военной гегемонии татаро-монголов на Русской равнине сохранение народа и создание основы для становления государства были главными задачами в деятельности русских великих князей, но их военные функции уступили место управленческим.

Сама Москва, как и другие древнерусские города, возникла в качестве пограничного города, роль которого возрастала по мере увеличения торгового оборота между южными и северными землями Древней Руси. Свое военное значение она сохраняла всегда. Находясь на оживленном перекрестке торговых путей между Черниговом, Тверью и Владимиром, Москва контролировала их использование в военном отношении. Именно здесь были сборный пункт и военная база суздальско-владимирских князей против военных угроз с южного, наиболее уязвимого направления. Именно этим путем пришел Батый, а затем отсюда угрожало мощное Рязанское княжество и исходила опасность с черниговского порубежья.

Возвышение Москвы связано с укоренением в ней в 1283 году младшего сына Александра Невского Даниила и его потомков, которые превратили ее из пограничной крепости в стольный город великого княжества. Первой целью новых удельных князей было увеличение численности народонаселения княжества. Нахождение Москвы в южной части Суздальско-Владимирского княжества определяло малолюдье ее окрестностей, поскольку люди уходили на север подальше от степи с ее опасностями. Однако Даниил использовал срединное положение города на перепутье торговых путей. Из-за ограниченности военных расходов, за чем бдительно следили татаро-монголы, московские князья сделали стержнем своей полити-

ки вывод русских людей из Орды и расселение их на территории удела. На эти цели шли огромные средства. Кроме того, из южных княжеств вербовались мастера для нужд государственного устройства. С начала XIII века вокруг Москвы возводится пояс монастырей, играющих роль пограничных крепостей и опорных военных баз. В это время действовало еще разрешение ордынских ханов на освобождение церковного люда от всех видов повинностей, что и было использовано князьями в военно-государственных целях. Почти всюду рядом с этими монастырями и под их военной охраной возникали посады, где селились люди. Все крупные подмосковные города возникли из таких селений и монастырей. Вплоть до Куликовской битвы Москва расширяется только благодаря промыслам ее князей, действовавших исключительно из личных интересов увеличить доставшееся наследство.

Ослабление Орды выдвинуло московских князей на роль национальных лидеров, когда Москва становится центром объединения великорусского народа. На этом этапе возрастает военная роль князей в осуществлении консолидации земель вокруг Москвы. Русь вновь двигается в южном направлении, к морю. При этом военная колонизация сопровождается возведением новых пограничных крепостей по всему периметру государства. Под их защитой, как и прежде, строится посад, вырастающий в город, и имеющий те производства, которые обеспечивали жизнеспособность основной крепости. Крепости возводились в острой борьбе с Литвой и Ордой и теми ханствами, которые образовались после распада последней.

В московский период начинает изменяться военная организация вооруженных сил. В ее основе лежала система военных ленов (поместье), возникшая из обычая раздавать дружинникам земли в пользование в виде вознаграждения за службу. Впервые она упоминается в единичных случаях при Иване Калите. Но уже при Иване Грозном обязанность военной службы для помещиков становится обязательной, то есть наследственной.

Обе эти тенденции были весьма положительны для расширения и упрочения государства, поскольку возводимыми государством крепостями командовали не только военные специалисты, они были по определению еще и опытными управленцами и хозяйственниками. Мы видим, что царские воеводы исполняли и военные функции, и административные на подконтрольных им территориях, а так-

же обязаны были наращивать их хозяйственный и фискальный потенциал.

Поместная система военно-государственной службы совершенствовалась и при Иване Грозном, когда приняла форму системы поселений, которая более четко регламентировала функции, обязанности и права участников.

Поселенные войска состояли из вольных людей, добровольно поступавших на военно-государственную службу. Им отводились дворы с землей во вновь образуемых городах или слободах при них.

Выйти из этого сословия они уже не могли, не потеряв при этом имущественных прав. Отсюда вытекало, что и для простых людей такая служба становилась наследственно-обязательной. Нечто подобное произошло и в организации казачьих войск, когда они перешли под государственный контроль.

В мирное время военное сословие занималось торговлей и другими промыслами, а в военное — сводилось в отряды, подчинявшиеся выборным начальникам. Таким образом, военное сословие в Московской Руси активно участвовало во всех сферах государственной жизни. Народное ополчение — даточные (посошные) люди — продолжало играть важную роль именно благодаря своей массовости. Интересно, что власть не чуждалась военно-технических новаций и в качестве эксперимента вводила незначительные части иноземного строя.

Поселенные ратники не из дворян составляли городские отряды стрельцов, городских казаков, пушкарей и других служилых людей, обеспечивавших военно-техническую и организационно-хозяйственную инфраструктуру военной организации на местах. Вообще, городские войска имели наибольшую степень боевой готовности и организации в виде сотен. Сами стрельцы были первым видом русской регулярной пехоты и являлись особым сословием в государстве, управляемым отдельным Стрелецким приказом. При Иване Грозном численность стрельцов достигла 15 тысяч человек, то есть 150 сотен. Инфраструктура воздействовала на общественную, поскольку являлась культурно-просветительской в местной среде. Так, стандартизация вооружения не играла еще определяющей роли. Главной обязанностью помещика было выставить одного тяжело-вооруженного всадника с запасным конем. Потому изготовление вооружения стало делом местных умельцев.

Особое значение для расширения пределов Великорусского государства имел Новгород Великий до своего военного поражения в войнах с Москвой в 1471 году и 1477-1478 годах. Новгородская военно-промышленная колонизация к XIV веку охватила громадную территорию — от Литвы до Уральского хребта, включая побережье Ледовитого океана и Кольский полуостров. Укрепленные пригороды и погосты и здесь составляли общий порядок славянорусской колонизации, но дух свободы и предприимчивости был более характерен для новгородской аристократической боярской республики. Москва, как щит, прикрывала Новгород с юга от степи, что избавило его от татаромонгольских погромов и создало благоприятные условия для расцвета военно-торгового капитализма. Специфика геополитического положения Москвы и Новгорода способствовала победе великокняжеской власти в первой и торжеству военно-купеческого капитала и боярской республики во втором. Оба компонента отечественного государствообразования способствовали блистательному расширению Московского государства, превысившего размерами другую мировую империю — Монгольскую.

Московские великие князья в качестве собирателей земель всегда опирались, защищая законные интересы государства и народа, на свои вооруженные силы. Под властью Орды они успешно скрывали военную колонизацию, строя монастыри, являвшиеся, по сути, крепостями.

Ко времени падения Новгорода в колонизации южнорусских и других территорий активно участвует казачье сословие. Казаки как особый тип социальной группы появились во время разрушения Орды. Русские казаки впервые упомянуты в летописи под 1444 годом. Это были в основном жители пограничной полосы, помогавшие регулярной армии защищать пограничные регионы. Впервые они отмечены в южной части Рязанского княжества, а затем составили сословие служивых, городских казаков. Однако наиболее полно воплотили в себе традиции военной демократии княжеских дружин и вообще Древнерусского государства вольные казаки, селившиеся вне пределов Московского государства.

После освобождения Руси от татаромонголов вольные казаки первыми начали восстанавливать прежние границы Древнерусского государства. В частности, стали обживать южнорусские степи. Так, уже в 1549 году их военное присутствие обнаруживается на Нижнем

Дону, где они совершают набеги на Ногайскую орду, этот осколок Орды Золотой. Одновременно казаки осваивают долину Яика (р. Урал) и двигаются в направлении Персии, по границам которой образуются вооруженные поселения гребенских казаков. Хотя этническую принадлежность казаков трудно определить, сами они всегда ощущали себя духовно связанными с российской властью. Эти связи еще более окрепли, когда население казацких областей начало активно пополняться за счет наиболее инициативных и предприимчивых русских крестьян, обретавших там личную независимость и чувство свободы.

Казацкий кордон на юге России служил также стратегическим военным целям, ограничивая военную мощь Гиреевской орды, после того как татаромонголы захватили в 1475 году Крым, став вассалами турецкого султана. Русская реэкспансия на Кавказе также велась в основном силами казаков, сначала гребенских, а затем после 1591 года, когда московское войско осуществило свой кавказский поход, и новым сообществом терских казаков. Однако уже к 1550 году

в районе современного г. Грозного и в бассейнах рек Терек и Сунжа появляются первые станицы гребенских и терских казаков, которые с 1577 года находятся на службе у Ивана Грозного под именем терских гребенцов. Московское влияние на Северном Кавказе упорочилось браком московского царя с кабардинской княжной из рода Бековичей-Черкасских. Это было важное событие, носящее геополитический характер. Дело в том, что задолго до возникновения Золотой Орды Кавказ был поделен на две части. Западным Кавказом владели кабардинцы, а восточной частью региона - шамхал Тарковский. Примерно ко времени Куликова побоища, к 1380 году, восходят сведения, что кабардинцы уже платили Мамаю ясак. Это означало, что татаромонголы владели всей плоскостью Кавказа, а с нею и Чечней. После распада Золотой Орды эти территории вновь вошли во владение Кабарды, причем плоскость Чечни была заселена калмыками и русскими, а собственно чеченцы всегда жили в горах и на плоскость никогда не спускались. Вообще, движение русских наблюдалось во все стороны от Москвы. Однако западное направление контролировалось католической военной мощью Австрийской империи и Речью Посполитой, то есть унией Польши и Литвы, которой были противопоставлены регулярные войска Москвы. Вольница же русская нашла выход своему предприимчивому

духу в движении на восток и юг. Причем на Кавказе русские и казаки осели очень плотно. Об этом говорят предания чеченцев, утверждающих, что «орсай менхи да хилле» и «оргайн гудалак ламте эллер», то есть русский сделался отцом страны и, более того, телега русских взошла на горы, то есть черные и лысые горы, исконное обиталище чеченцев. Причем у большинства выходов рек из ущелий черных гор в Большой и Малой Чечне стояли русские казачьи крепости. Так, например, гидроним и топоним Урус-Мартан означает «русский по имени Мартын».

Приняв ислам, чеченцы делаются религиозными врагами всех иноверцев. В конце XVIII века они вместе с другими горцами объединяются в отряды и совершают набеги на русские границы. Некто Мансур, уроженец аула Алды из Арестенжоевской фамилии, стал во главе их. Его называли и шейхом, и имамом. Он намеревался вытеснить русских с мусульманских земель. Для достижения своей цели он обратился к помощи религии, зная, какое уважение оказывали горцы духовным особам. В конце концов, его пропаганда возымела успех, и народ признал Мансура своим устасом, то есть ходатаем перед Богом. Два года Мансур главенствовал, пока его не постиг печальный конец в столкновении с русскими войсками. Однако этот урок не был воспринят чеченцами и не образумил их. Они не могли поверить, что Мансура одолели неверные и считали, что тот взят на небо и скоро спустится оттуда для полного истребления русских. Не дождавшись Мансура, они уже не могли остановиться в своем религиозном исступлении и фанатизме, а потому первого же честолюбца или ханжу признавали за имама. Например, некто Гаука Чермоевской фамилии против собственного желания был провозглашен имамом. Так шли дела в Чечне, пока в 1818 году на Сунже, в самом сердце Чечни, не была основана крепость Грозная. Последующие события и имамство Шамиля достаточно известны. Единственно, что следует добавить, так это о жителях Внутреннего (Нагорного) Дагестана, выходцах их лезгинских племен, также придерживавшихся мюридизма. Турки и другие европейские враги России охотно поставляли бунтовщикам оружие и порох и принуждали их к сопротивлению. В прибрежной полосе Дагестана (Прикаспийский край) народ жил мирно, правители его издавна были лояльны к Москве. Так, еще в 1638 году была пожалована царская грамота на владетельное управление Сурхай-Мирзе, владетелю ку-

мыкскому и Тарковскому. На юге Дагестан граничил с Закавказьем, представлявшим собой два царства: Грузинское (Карталиния, Кахетия и Сомхетия) и Имеретинское с разноплеменными и разнородными владениями и областями, отторгнутыми от Персии и Турции. Вхождение их в Россию произошло в начале XIX века. Несколько позже присоединились к России Мингрелия и Абхазия, причем эти области остались под управлением своих владетельных князей из родов, соответственно, Дадиани и Шервашидзе. Причем тогдашний владетель Абхазии Сефер-бей принял христианство, которое было еще широко представлено и в народе.

Интересно, что император Николай I после окончания турецкой войны 1828-1829 годов хотел использовать высвобожденные огромные военные силы для того, чтобы покончить с набегами горцев, послав часть войск в глубь гор. Сторону императора принял главнокомандующий войсками в минувшей войне фельдмаршал Паскевич. Однако разбиравшийся в делах Кавказа начальник Кавказской линии генерал А. Вельяминов сумел убедить царя, что водворение русской власти в среде горского населения не могло быть главной целью военных действий. Вооруженная сила должна была служить вспомогательным средством, предназначенным для лучшего охранения Кавказской линии, простиравшейся от устья Кубани до Нальчика и Грозного и заканчивавшейся в Кизляре. Общая длина ее составляла 800 верст. Первобытное состояние населения по всей линии заставляло власти поддерживать ее на необходимом для обороны военном уровне. Управление населением осуществлялось в соответствии с гражданским правом под надзором русских приставов по местным народным обычаям либо с данным русским правительством местным самоуправлением.

Регулярная российская армия и казаки также много сделали в колонизации земель в восточном направлении - Уральские горы, выходящими из их среды были многие выдающиеся мореплаватели и землепроходцы. Как и движение на юг, восточное направление рассматривалось как стратегическое обеспечение обороноспособности Московского государства от угроз со стороны псевдогосударственных рудиментов Орды. Государство поддержало это движение, когда была отражена последняя мощная атака крымских татар в 1591 году на Москву. Поэтому Москва пошла на вмешательство в дела Кавказа и Синей Орды.

Летом 1581 года отряды казачьего атамана Ермака вторглись в Сибирь, начав движение по реке Туре, которое закончилось присоединением Западной Сибири. В 1632 году казаки основали Якутский острог, ставший опорным пунктом русской колонизации Восточной Сибири. Казачий атаман С. И. Дежнев в 1648 году обогнул крайний выступ Азиатского материка, открыв Берингов пролив. В 1655 году Дежнев подготовил отчет царю, из которого было видно, что Сибирь омывается морем с севера и востока и не соединяется с Американским континентом горами, как это считалось раньше. В 1622 году в Сибири жили около 70 тысяч человек. Например, в США белого населения к 1690 году насчитывалось около 200 тысяч. Однако все они находилась на восточном побережье. Освоение Сибири русскими велось очень активно. Так, и на юге Сибири русские входят в контакт с манчжурским Китаем почти по всей длине долины Амура уже к 1650 году. Следующий крупный успех русских моряков был достигнут в 1732 году, когда навигатор И. Федоров и геодезист М. Гвоздев открывают Аляску на Американском континенте.

Между тем имеются сведения, что из 90 человек и шести кочей, отправившихся с С. Дежневым в его исторические плаванья, один мог быть выброшен штормом на американский берег. Более определенно известно, что казак Тарас Стадухин с товарищами до 1669 года был на Аляске и вернулся обратно, после чего в столице Сибири Тобольске появились чертежи Сибири 1667 года, на которых нанесен «пролив Аниан» между Азией и Америкой. На следующий год после плавания С. Дежнева М. В. Стадухин открывает Камчатку. За 60 лет после перехода Ермака через Уральский хребет казаки не только вышли на побережье Великого океана, но и заложили в 1639 году первую русскую крепость на Дальнем Востоке - Усть-Ульинский острог, пройдя около 9 тысяч километров. В следующем году казак И. Москвитин уходит из Усть-Ульи морским походом на юг Охотского моря и открывает в 1640 году остров Сахалин и устье Амура. К 1649 году на Амуре уже действует большое русское войско во главе с Ерофеем Хабаровым. В 1652 году оно насчитывает 20 сотен стрельцов.

Возможность высадки русских в Америке в середине XVII века косвенно подтверждает иезуит д'Аврилль, который писал, что многих охотников за «клыкастыми бегемотами» (моржами) на северо-востоке Азии часто относил к северному мысу Америки. В 1711 году

в Якутске была составлена карта Берингова пролива с указанием двух островов Диомида и западной оконечности «Большой земли», тождественной Аляске. В 1722 году состоялась встреча лучшего геодезиста Европы Ф. И. Соймонова с Петром I. Ученый заявил, что от Камчатки на небольшом морском расстоянии лежит «западная оконечность Калифорнии» (то есть Испанской Америки) и это расстояние в десять с лишним раз меньше того, которое надо пройти европейцам до тех мест. Небезынтересно узнать, что Петр отклонил просьбу Соймонова о немедленной организации экспедиции в этом направлении. Дело в том, что после плавания английского пирата Френсиса Дрейка англичане рассматривают северную часть Тихого океана как зону собственных геополитических интересов. А Петр I ставил английские интересы выше национальных; царь даже вел войну на южных рубежах России против врагов Туманного Альбиона.

Когда эти задачи были выполнены царем, англичане, заинтересованные в низвержении гегемонии Испании на морях, рекомендуют ему заняться разведкой земель в направлении Японии и Америки. Этот геополитический импульс привел к контактам с японцами. Первое описание Курил и Японии представил в 1701 году исследователь Камчатки В. Атласов, названный А. С. Пушкиным камчатским Ермаком. В 1711 году экспедиция якутского казака И. Козыревского собрала сведения о большинстве Курильских островов, включая Итуруп, Кунашир и Двадцать второй - Матмай, ныне называющийся Хоккайдо. На всех этих землях проживали айны, которые заявили русским, что живут «самовластно... и не в подданстве». Тогда же многие из них были приведены в российское подданство, в которое к 1755 году было введено все айнское население Курил до Кунашира включительно. Первые попытки японской экспансии северных территорий были зафиксированы только в 1786 году в отношении южной оконечности Сахалина, а в отношении островов Южно-Курильской гряды значительно позже. Необходимо также выяснить, на каком основании Двадцать второй остров Большой Курильской гряды — Матмай-Хоккайдо — находится у японцев. Он не является исконным японским анклавом.

Открытия и завоевание новых земель русскими казаками, моряками и стрельцами были законодательно закреплены за Россией. Именным указом Екатерины II от 22 декабря 1786 года все Курильские острова, Аляска (Русская Америка), Алеутские, Лисьи и неко-

торые другие острова в северной и центральной частях Тихого океана присоединены к Российской империи. Таким образом, Россия стала соседствовать с Японией и колониальными владениями Испании, Британии и Франции в Тихом океане.

При императорах Иэясу и Иэмицу Токугава (30-50-е годы XVII века) Япония, расположенная на островах Хонсю, Кюсю и Сикоку, встала на путь самоизоляции. Под угрозой смертной казни японцам с 1636 года запрещалось покидать отечество, а иностранцам — высаживаться на побережье страны. Поэтому заселение острова Матмай (Хоккайдо) противоречило японским законам. Исключение было сделано для голландцев, которые помогли сегуну в 1637 году

подавить восстание крестьян-христиан, на острове Кюсю. Помощь голландских кораблей, бомбардировавших с моря замок Хара близ Нагасаки, являвшийся центром восстания, позволила императорским войскам взять его штурмом. В последовавшей бойне были уничтожены более 30 тысяч христиан, и этому способствовали голландские орудия. Дух наживы у голландцев был сильнее духа солидарности с японскими единоверцами-христианами.

Эту религиозную нетерпимость правящий сегунат, а затем императорское правительство сохранил и в дальнейшем. Особо рьяно уничтожались православные кресты. Осенью 1806 года в заливе Анива на юге Сахалина происходит и первое столкновение русской и японской армий. Военный фрегат России «Юнона» участвует в перестрелке, закончившейся истреблением в бою японских захватчиков. В ходе расследования первых столкновений выяснилось, что голландцы на протяжении столетий информировали сегунов о разных замыслах европейских дворов, включая российский. Таким образом, приблизив к себе иностранцев — голландцев, немцев, англичан и других, — Петр I действовал против интересов страны. Особенно это сказалось на отношениях с микадо, который знал и эффективно противодействовал русским на северном направлении, нарушая собственный закон о самоизоляции.

Русские же всегда руководствовались императивом, позднее ярко и точно сформулированным Николаем I: «Где раз поднят русский флаг, он никогда не должен опускаться». К сожалению, этот геополитический принцип не всегда выполнялся правителями России, что вредило стране. Все японские документы в виде карт и материальных памятников (артефактов), якобы имевшиеся в период меж-

ду 1636 и 1793 годами, сегодня считаются фальсифицированными, в том числе и японскими историками.

Русская геополитическая экспансия на Дальнем Востоке осуществлялась в тесном взаимодействии армии и казачества. Большое значение для закрепления этих достижений имела русская дипломатия, успешно реализовавшая ряд геополитических пактов в регионе Тихого океана, приобретавшем значение «Средиземного моря будущего».

К середине XVIII века Испанская колониальная империя в Тихом океане, дабы оградить себя от инициативных действий русских, поторопилась продвинуть свой форпост до порта Сан-Франциско в Верхней Калифорнии. Русские в это время находились в Америке на широте 56 градусов. Англия и Испания очень болезненно восприняли заявление Екатерины II от 30 апреля 1773 года об отправке русской средиземноморской эскадры на Камчатку и в Америку. Испанцы получали информацию прямо из правительственных кругов России, имея там своего агента. Они получили даже в 1774 году секретную карту Русской Америки, что подвигло испанцев направить военный фрегат до примерно 55 градуса с. ш. В дальнейшем всякая утечка информации из правительственных кругов России вызывала ответные военные экспедиции Испании в северном направлении. На этом этапе активизирует свои экспансионистские действия Британия, послав в северную часть Тихого океана небезызвестного Джеймса Кука. Король Испании Карл III распорядился при первой же возможности арестовать английского разведчика и его людей. Вдобавок испанцы направляют вдогонку за Куком два военных фрегата, которые в его поисках оказываются на 61 градусе с. ш., ставшей предельной точкой притязаний Испании в Северной Америке.

1 июля 1789 года русские и испанцы встретились на о. Кадьяк, где последним было указано, что по праву первооткрытий Россия провозгласила свой суверенитет над частью Американского континента вплоть до 55 градуса с. ш.

Отправка средиземноморской эскадры на Аляску сорвалась вследствие интриг англичан, втайне помогавших Турции и Швеции вести непрекращающуюся войну с Россией. Англичане ассигнуют в 1789 году дополнительно миллион фунтов стерлингов на военные нужды, намереваясь потеснить Испанию на Тихоокеанском побережье Северной Америки. Первый контакт Кука с русскими состо-

ялся 2 октября 1778 года в их крепости на Лисьих островах, что лишило британцев славы первооткрывателей северо-запада Американского континента.

По словам Кука, в крепости проживали около 500 человек, очень много по тем временам людей. Американским продолжением последней экспедиции Кука можно считать сибирское путешествие его спутника американца Дж. Ледьярда, предпринятое с целью шпионажа в пользу Англии, сбора сведений о положении в русских поселениях на северо-западных берегах Америки и северо-востоке Азии. В результате прямого вмешательства Г. Шелихова этот «американский дворянин» был арестован в Якутске и отправлен в Санкт-Петербург по указу Екатерины II от 21 декабря 1787 года. Спустя десять лет стало ясно, что главным конкурентом у северо-западных берегов Америки стали не англичане и тем более не французы или испанцы, а граждане США, бостонские корабельщики, и сам этот растущий империалистический хищник.

Важнейшим фактором геополитической экспансии России в северо-восточном направлении были государственные усилия в обеспечении необходимых для этого материальных средств. Военные моряки после открытия Аляски заложили существенные основы русской колонизации Америки и Азии. Правительственные военные экспедиции собирали не только информацию о географии региона, но и утверждали и защищали государственный суверенитет над открытыми территориями. Ведущая роль Военной и Адмиралтейств-коллегий, их предшественников и продолжателей, военных и военно-морских кадров, а также стрельцов и казаков в осуществлении геополитической экспансии России и упрочении Российского государства настолько велика, что является ведущим фактором отечественной истории с первых шагов становления русскославянской государственности до настоящего времени.

Замечательные представители государства, оставившие след в русской военной и военно-морской истории, являются естественным образом и тем субъективным историческим фактором, который на основе военно-материальной мощи государства способствовал расширению ее политических и географических границ, что еще более укрепляло политический вес Российской державы. Россия стала наиболее крупной континентальной империей в истории человечества, раскинувшись в Европе, Азии и Америке. В XX веке воен-

ные способствовали проникновению и овладению космической сферой геополитического пространства, роль которой по мере развития производительных и общественных сил человечества будет увеличиваться.

Вооруженные силы России всегда приходили на помощь правящей власти и народу, когда исчерпывались возможности мирной экспансии русской предприимчивости и русской монополии в жизненно важных сферах государственной жизни. Они были надежным щитом от негативных воздействий внешних факторов как предпосылки дестабилизации внутреннего своеобразия нашего Отечества.

В эпоху промышленной революции, подстегнувшей активность капиталистической и империалистической конкуренции, армия и флот помогали решать важнейшие политические задачи. Современное усложнение межгосударственных отношений ставит перед властью уже целый комплекс взаимосвязанных политических проблем, решить которые без участия Вооруженных сил не представляется возможным. Среди таких проблем, актуальных и сегодня, следует назвать подтверждение и обеспечение приоритета русских интересов в жизненно важных областях, обеспечение целостности национальной территории и присоединение новых сфер влияния; недопущение деятельности иностранцев в водах, омывающих российские владения; обеспечение обороноспособности этих владений; мирная экспансия России в геополитическом пространстве.

В современное время возрастает роль военно-технического обеспечения российской геополитической экспансии. Времена, когда казачий сотник И. Кобелев на туземной байдарке 4 июля 1791 года пересек Берингов пролив и открыл западное побережье Аляски, прошли. За этот подвиг казак был удостоен Екатериной II именной медали. Также нельзя не отметить рекордный зимний пробег протяженностью более 1500 километров на собачьих упряжках по Чукотке, совершенный в 1792-1793 годах капитаном первого ранга И. Биллингсом.

Таким образом, русские военные экспедиции способствовали развитию морских и сухопутных коммуникаций, созданию условий для торговой и промышленной деятельности экономически активного и предприимчивого населения, расширению географических границ государства. Все эти меры служили интересам России. Кроме того, по результатам своих мирных экспедиций многие из их уча-

стников оставили научные труды и мемуары, которые успешно использовались в идеологической борьбе, фактологической и научной полемике с иностранным влиянием и воздействием на русскую внешнюю и внутреннюю политику.

Вполне определенно можно говорить о том, что могущество России всегда было связано с ролью ее Вооруженных сил, тогда как все утраты ее связаны со слабостью ее руководителей и дипломатов. Промышленное и информационное развитие современного общества - сегодня главная причина совершенствования армии и флота. При умелом государственном руководстве возникает обратная связь, когда потребности Вооруженных сил стимулируют рост экономики и благотворно воздействуют на рост благосостояния населения, например, через внедрение двойных технологий в народное хозяйство. Важнейшими причинами падения царского режима были техническая отсталость русской армии, нехватка амуниции и продовольствия. Однако и они являлись следствием общего упадка и разложения системы государственной власти при этом режиме. На обратное указывают факты Великой Отечественной войны, когда целеустремленное руководство и технически оснащенная армия и флот вышли из круга, казалось бы, фатальных для режима поражений. Поэтому наиболее значимую часть государственных бюджетов современных держав всегда составляют военные расходы. Даже современные западные демократии понимают, что армия и флот по-прежнему являются стратегическими факторами, которые обеспечивают дальнейшее строительство государства. Это понимание проблемы необходимо привить на отечественной политической почве. Военная организация государства всегда будет опорой роста экономической организации общества и его социальной структуры. Армия и флот являются той частью общества, где нет различий между бедными и богатыми как основы социального расслоения. Из истории мы знаем, что усиление структуры общества, в том числе в условиях капиталистической социальной системы, придает ей невероятный запас прочности.

Принцип «человек человеку волк» как предельная сущность индивидуализма свойствен и капиталистическому, и коммунистическому обществам. В одном случае он дает успешных капиталистов, в другом — качественных государственных лидеров, поскольку проникает во все области социальной структуры, затрагивает все об-

ществленные отношения, вплоть до семьи. Ни один другой социальный фактор не воздействует так на сознание и общественные реакции людей, как ощущение человеком возможности выживания в данном обществе. Как правило, это чувство отождествляется с имущественным расслоением в обществе. Вот почему армия является частью общества, по сути, его краеугольным камнем, обеспечивающим внутреннюю и внешнюю устойчивость государства.

Политические лидеры страны должны понимать, что уничтожение армии и флота неминуемо приведет к уничтожению экономической и социальной структур общества и развалу его политической надстройки. Национальное государство, лишенное своего экономического и социального содержания, которое служит основой политических институтов, полностью распадается, перестает существовать как социальная единица. Никакие ОМОНЫ и национальные гвардейцы с казаками не смогут выполнить государственную роль федеральной армии в сложном современном мире.

Невероятно огромными при соответствующем финансировании возможностями обладают армия и флот в «гонке» за освоение нижней, верхней и дальней сфер космического пространства. Этот космический Клондайк и персональный контроль за человечеством достанутся тому, чья военно-экономическая «упряжка» наиболее откормлена и цинична. Джеклондоновский Белый клык не потому был хорошим вожакom собачьей упряжки, что хорошо ел и был сильным псом, а потому, что обладал целеустремленностью и понимал своего хозяина почти как человек. Вот поэтому одни топят пилотируемые космические станции, а другие захватывают над ними контроль.

Чтобы начать войну сегодня, достаточно нажать на кнопку или включить рубильник. Сторона, на которую обрушится ракетно-ядерный залп, не сможет предпринять сегодня никаких действий, требующих проявления человеческих способностей и находчивости. Современная война полностью определяется техническими факторами. Следовательно, творческой деятельности следует уделять огромное внимание на мирном этапе, требуя ее проявления в действиях и мерах, предпринимаемых национальным политическим лидером. Однако творчество предполагает наличие мыслительного процесса, в ходе которого происходит формирование нового. Только следование в кильватере мировых событий и держав не может удов-

летворять истинным национальным интересам России, учет которых означает признание ее своеобразия и отражение в международно-правовых документах. Такая дифференциация роли России в международных делах должна быть основана на значении ее армии и флота и эффективности ее политиков и дипломатов.

Войны оставили свой след в национальном самосознании народов России. Российский человек по преимуществу обладает милитаризованным сознанием, корни которого, конечно, различные у русского или, например, нерусского. Однако и тот и другой имеют общую форму самосознания при различном ее содержании. Проблема демократизации российского общества не может сегодня серьезно связываться с насаждением сверху правовых основ. Милитаризованное сознание российского человека есть культурно-эволюционный продукт, сформированный на протяжении десятков предыдущих поколений и закреплённый в психике на уровне подсознательных механизмов. Пример Чечни с 1991 года по настоящее время в этом плане весьма показателен. Милитаризованное сознание требует дифференцированного подхода в контексте общечеловеческого. В силу своей специфичности оно требует конкретных, а не абстрактно общечеловеческих правовых механизмов. Неповторимость России в том, что милитаризованное сознание есть визитная карточка всех ее народов и племен. Таковы были ее исторические пути. Поэтому Россию, доселе сохраняющую милитаризованное сознание, — а это будет длиться не одно поколение — от распада спасет жесткая унитарная структура государства и правящей власти, опирающихся на сильную общефедеральную армию. Разумеется, при этом культурно-экономическая автономия может быть самой широкой.

В этом процессе правостроительства России роль армии и флота очень велика, поскольку Вооруженные силы позволяют различные по содержанию национально-племенные эгоизмы народов России облечь не только в понятную всем и каждому форму национального уже сознания, но и выстроить общий вектор его развития. Очень важно «пропустить» через нормальную армию как можно больше молодых (и запасных) людей, где только и можно в современных условиях пещерного капитализма насадить в их сознание общие для всех ценности и устранить из него ценности, служащие выделению только лишь одного из многих национальных эгоизмов.

Опыт Соединенных Штатов поучителен, но, конечно, не для нас. Драматические события Гражданской войны в США указывают на то, что американский национализм вырос из уничтожения сознания патриархального Юга. В его основе лежала известная нам концепция «государство - наш большой дом». Янки же воплощали собой крайне агрессивное, экспансионистское индивидуалистическое сознание. Уничтожение южан привело к отсутствию социальной конкуренции духовных ценностей обоих типов, уступив место апофеозу экономической войны в национальном сознании американцев.

В этом смысле американское сознание также милитаризовано, находя себе образ врага в лице тех, кто не исповедует радикального экономического индивидуализма и основанных на нем правовых и социально-нравственных ценностей. Отсюда легкость применения Соединенными Штатами насилия как средства национальной политики, которое закрепляется в сознании американцев уже почти полтора века, то есть порядка десяти поколений. Убийства братьев Кеннеди, один из которых был президентом США, а другой - сенатором, Мартина Лютера Кинга показывают, как американское общественное сознание реагирует на внедрение в него иных, более тонких и гуманных человеческих ценностей. Это показатель милитаризованного сознания. Однако в России оно носит благоприобретенный, исторический характер, тогда как в США - это социально-искусственное, самоцельное явление, в силу чего оно носит злокачественный характер.

Милитаризованное сознание современного общества и свойственные ему легитимные государственные институты, как армия и флот, являются стержнем жизни и деятельности государства. Военная экономика также является его материальным продолжением и играет существенную роль в занятости населения и амортизации роста и спада как национальной экономики, так и общемирового хозяйства. Характерным примером может служить развитие танкостроения в США во время Первой мировой войны, позволившее создать в послевоенный период развитую автомобильную промышленность. Более того, внедрение в производство новых военно-технических достижений двойного назначения всегда требует государственных субсидий и контроля, поскольку содействует дальнейшему социально-техническому развитию общества. Масштаб этих мер таков, что использование в США государственных средств для орга-

низации государственных военно-промышленных предприятий с применением всех новейших технических достижений означало бы на практике и по существу введение социализма в стране - оплоте, так сказать, частнопредпринимательской инициативы.

Поскольку администрация США весьма чувствительна к общественному мнению, патологически воспитанному на примате индивидуализма, то подобные социализирующие тенденции заставили ее обратиться к тем буржуазно-правовым нормам, которые позволяли вывести этот процесс из-под контроля национальных администраций. Общеизвестно, что эти меры привели к возникновению транснациональных корпораций с квазимеждународным акционерным капиталом, а затем к глобальному рынку.

Вместе с тем роль Вооруженных сил и военного сектора экономики, характерная для национального государства, не умаляется с появлением глобального рынка. Это означает, что социалистические тенденции в развитии мирового общества, объективно связанные с развитием глобальной экономики, нарастают. Добавим, что глобальной парадигме капиталистическая система не может противопоставить альтернативу, соответствующую буржуазно-либеральным ценностям. То есть выхода за пределы глобального рынка, кроме как коммунизм, нет.

Эта проблема уже сегодня стоит перед буржуазными идеологами, которым необходимо «придумать» соответствующий путь развития капиталистической системы. Путь христианского коммунизма как следующего этапа буржуазной утопии представляется проблематичным, поскольку устраняет роль армии и ВПК из исторического процесса. Такая постановка не является чисто доктринерской, ибо ставит вопрос о существовании армии в постглобальном мире.

По крайней мере, очевидно, что исчезновение такой обширной статьи расходов, как военные, не может не отразиться на современном экономическом благосостоянии людей в развитых странах. Переход от военного производства к производству мирной продукции будет означать поворот от «невидимой руки» свободного предпринимательства к «социалистической» руке регулируемой экономики, являющейся неприемлемым основанием для западноевропейского и американского общественного мнения. Даже теоретически ясно, что последующая структурная перестройка капиталистической экономики способна взорвать буржуазное общество и поста-

вить его на грань революционных изменений. Поэтому, по сути, альтернативы развитию армии не существует. Развитие ВПК и армии останется кардинальной задачей сохранения и развития буржуазного общества в любой современной капиталистической стране. Эта задача актуальна и для России, вступившей на путь рыночных преобразований. Подобная альтернатива оставляет еще достаточно времени для начальников глобализирующегося мира для размышлений, связанных с его развитием.

Россия находилась и находится в русле общемирового процесса по этому вопросу, что требует от руководства силы воли не поддаваться панике и давлению тех сил, которые требуют разогнать армию и флот и снизить их роль в демократизации общества. Такой дилеммы просто не существует, хотя бы потому, что даже в случае приложения огромных усилий для создания всемирной зоны бестарифной торговли, которая является целью глобализируемого мира и глобальной экономики, такую зону создать не удастся, поскольку наличие военной техники, способной массово уничтожить боевую силу и население противника, реально ставит вопрос о контроле и гарантиях по ее применению. Поэтому развитие глобализации содержит в себе противоречия и ограничения, которые без демилитаризации мирового рынка и национальных экономик преодолеть не удастся. Однако никто из западных держав и Китая не пойдет на такого рода меры. Позиция США во многих современных межгосударственных отношениях позволяет предполагать, что возрождается интерес к геополитической парадигме мира, которая, разумеется, содержит в себе значительный спектр геоэкономических задач, определяемых глобализацией мира.

Россия, прошедшая через инспирированные Западом ситуации «тюрьмы народов», «санитарного кордона», «железного занавеса» и «холодной войны», должна в лице своих лидеров осторожно относиться к любым необоснованным ревизиям роли армии и флота и обеспечивающих их инфраструктур. С другой стороны, развитие армии, флота и ВПК является тем локомотивом, который содействует движению к совершенствованию как мирового общества и экономики, так и их национальных частей.

Глава V

Распад СССР. Канун 1991 года

Национальная политика, проводимая советским государством в нашей стране до начала 50-х годов прошлого века, утверждала ту утопическую цель, в свете которой происходили все значимые политические явления столетия. Вызов буржуазным ценностям и идеалам, предъявленный большевистской революцией, содержал в себе также требования создать нового человека. Это была действительно утопическая цель, призванная приблизить наступление нового мира на Земле. И здесь протестанты и большевики близки в своем идейном максимализме. И те и другие полагали, что их вера и труд во имя проповедуемых идеологических целей приведут человеческое общество к счастью, справедливости и процветанию. И те и другие не жалели ни своих, ни чужих жизней для достижения своих идеалов. И это несмотря на то что протестанты были христианами, то есть должны были согласовывать свои поступки с евангельскими заповедями, в том числе с заповедью «не убий». Большевики же были атеистами, поэтому, надо полагать, прибегали к человеческим жертвам, не лицемеря, но оставаясь самими собой в достижении своих утопических целей. Кроме того, история так распорядилась, что предоставила протестантам лишних четыреста лет для собственных социальных экспериментов над обществом и людьми. А это двадцать пять поколений людей, которым навязывались очень жестко протестантские ценности и образ жизни. В этой череде поколений принудительно были социально выбиты все те, кто не был с ними согласен. Такая многовековая социальная селекция, согласно М. Веберу, породила утопию буржуазного, капиталистического общества. При этом не следует бояться этого слова, ведь утопия есть проект и учение об идеальном переустройстве общества. Путь к реализации протестантской утопии не был усыпан розами и лилиями, а стоил человечеству десятков миллионов жизней. Мировая история очень хо-

рошо сохранила память об этом движении, а также о лицемерии как протестантских вождей, так и идущих за ними простых людей. Сегодня лицемерие трактуется СМИ как политика двойных стандартов. Надо понимать, что лицемерие и политика двойственности, раздвоения — это родимые пятна протестантского капитализма и порожденного им буржуазного общества. Но и это общество также далеко от идеального.

В этом плане история предоставила большевикам для претворения социалистической утопии только четыре поколения, из которых одно было полностью выбито в Великой Отечественной войне. Не стоит распространяться о том, что за общество могло бы быть в СССР спустя еще двадцать поколений. Известно, что история не терпит слагательного наклонения ни в отношении сторонников коммунизма, ни в отношении их социально-политических оппонентов.

Вместе с тем надо сказать, что движение СССР по намеченному партийными установками пути содержало в себе те моменты, которые при неумелой национальной политике руководства страны привели к краху государства, распаду СССР.

Уже говорилось, что идиосинкразия государственной власти к национальному вопросу укоренилась в петербургский период России и существует до сих пор. Имперская Россия не смогла решить вопроса отчуждения власти от всех народов России. После большевистской революции возникла идеальная возможность решить в рамках создания бесклассового и однородного общества также и национальный вопрос. Большевики поставили целью решить этот вопрос посредством создания единой социалистической нации, состоящей из советских людей. Как показывает опыт Великой Отечественной войны, советской власти удалось к 1941 году сплотить общество, сделав его в достаточно большой степени однородным и движущимся к своему социалистическому идеалу. Безусловно, в этом процессе были задействованы все средства и меры государства, в том числе и принудительные. Однако в этом плане наш опыт не нов, он заимствован у западных европейцев.

Послевоенное время свидетельствует о неизменности такой национальной политики государства, и это неудивительно, ибо государство должно демонстрировать последовательность своей политики в любой сфере общественной жизни. Тем самым государство создает условия для социального отбора, воспитания и сохранения

тех людей, которые обеспечивают поступательность политического курса государства через реализацию общественных интересов. И здесь

также нет ничего нового, просто кровавые ужасы становления протестантских ценностей и основанного на них общества отделены от нашего времени по меньшей мере двумя столетиями, а история СССР знакома многим нашим современникам не только по учебнику. Поэтому сегодня мы так болезненно воспринимаем все издержки попытки создания советского человека, не задумываясь, сколько крови пролилось при становлении пресловутого атомарного человека протестантско-буржуазного общества, иначе говоря, современного западного общества.

Национальная политика СССР претерпела существенные изменения под руководством И. В. Сталина. Его стараниями в руководство страны в последний момент было введено значительное количество молодых кадров. В последнем сталинском Политбюро — точнее, Президиуме ЦК — только 7 человек из старой партийной гвардии при полном составе в 26 членов. Однако «молодежь» не успела развернуться, через четыре месяца Сталин умер, и старая гвардия взяла власть в свои руки. Прежняя политика на формирование нового человека была фактически свернута, и был дан ход национальной политике «дружбы народов», никак не корреспондировавшей с прошлыми партийными установками на гомогенность и бесклассовость социалистического будущего. Но основы общества уже имелись, и надо было двигаться в том же направлении. Смена курса национальной политики для СССР оказалась слишком резкой. Много было тех, кто при послаблении режима мог стать его политическим противником, сводя счеты за личные обиды либо впадая в искушение властью. Тогда при удобном случае административно-территориальное размежевание СССР по национальному признаку должно было сыграть роль детонатора распада СССР. Возврат государственной политики к ситуации, существовавшей в 1920-х годах, когда решался вопрос о путях становления многонационального государства в СССР, означал на практике возрождение местных националистических мотивов. В условиях курса «демократизации» страны, проводимого Н. Хрущевым, это означало ослабление контроля за партономенклатурой в национальных окраинах (республиках) СССР. Тот, пусть и силовой, способ, которым пользовался Сталин, реализуя национальную политику, имел смысл в виде цели, осуществление

которой вело к исчерпанию различия народов в советском пространстве. Такие различия проистекали из правового статуса национальных территорий, то есть формулы национально-государственного устройства СССР. В руках Сталина диктатура пролетариата была тем средством, которое ускоряло консолидацию нерусских народов в единую нацию с русским народом. Поскольку диктатура пролетариата — это власть, использующая силу против тех социальных элементов, которые препятствуют реализации ее целей, то применение государственного насилия при осуществлении национальной политики являлось неизбежным. Весь процесс создания социалистической нации контролировался компартией и органами госбезопасности страны. Ослабление идеологической составляющей в этом строительстве при изменении самого курса национального строительства при Хрущеве привело к росту национализма в СССР. Это привело также к возникновению национальной политической элиты, превращавшейся в автономную политическую силу, которая могла не считаться с Центром. Неслучайно с конца 1950-х годов в СССР набирает обороты маховик теневой экономики, который зачастую контролировался высшей партийной номенклатурой на местах.

После Ю. Андропова вкусившая власти национальная партноменклатура, особенно та ее часть, которая имела опыт высшего хозяйственного управления в национальных республиках, уже была готова к «разбеганию» Союза и осуществлению на практике национализма государственного. Среди таких людей, оказавшихся политическими должностными и руководителями национальных государств, образовавшихся на руинах СССР, известные деятели, например, Г. Алиев, Н. Назарбаев, Э. Шеварднадзе и другие. Все они занимали посты глав исполнительной власти в национальных республиках СССР, а затем стали там первыми секретарями компартий своих нацреспублик. Все, кроме Алиева, были выдвинуты на партийные верха Горбачевым. Безусловно, к ним следует причислить Л. Кравчука, партийного лидера Украины, внесшего немалую лепту в разрушение СССР. Вообще говоря, украинские национал-коммунисты и буржуазные националисты всегда представляли благодатную почву для украинского шовинизма. В значительной мере на эти киевские круги опирался в своей внутренней политике Н.Хрущев. В борьбе с политическим и идеологическим наследием Сталина первый секретарь компартии страны поверг все, на чем держался более

тридцати лет режим Сталина. Поверженным идолам требовалось найти замену, чтобы поддержать собственный режим. Как бывший первый секретарь украинских коммунистов, председатель совнаркома Украины и сам выходец из Украины, Хрущев мог найти себе опору только в Киеве, что потребовало от него уступок украинскому шовинизму. Так, за время его руководства страной и партией было смещено более чем двух третей партийных секретарей областного уровня, ЦК обновился более чем на половину. Таким образом, старые кадры были устранены от руководства страной; радикально изменился состав Совета Министров страны и Политбюро (ПБ). На их место выдвинули молодые кадры, которые в меньшей степени были обременены сталинскими идеологическими установками и дисциплинарными требованиями. Кроме того, дарением в феврале 1954 года Крымской области Украине Хрущев преследовал цель укрепить свою позицию, положившись на мощь ее украинской парторганизации.

Влияние женщин в семье генсеков-«демократов» было также особенно сильно в советское время. Вот и у Хрущева вторая жена была украинка - Нина Петровна Кухарчук. Сложилось так, что в пост-сталинское время СССР управляли выходцы с Украины - Н. Хрущев и Л. Брежнев. Поэтому влияние украинских партийных «кланов» на руководителя было не только извне — со стороны партийцев, - но и изнутри, с окружавшего семейного быта. Современники же без колебаний утверждали, что Крым - это подарок Украине в преддверии планировавшегося XX партсъезда и последовавшей за ним расправой Хрущева над «старыми партийными соратниками»: Молотовым, Булганиным, Маленковым и другими. В это же время (1956 г.) был отстранен от руководства МВД СССР С. Н. Круглов, назначенный на этот пост еще Сталиным в 1945 году. Для «реформ» Хрущева этот аппарат стал опасен. Кроме того, во главе его стоял человек, способный к масштабным свершениям. Именно Круглов в три дня выселил в 1944 году все население Чечни и Ингушетии в Казахстан и закрыл на тот период вопрос о чеченском сепаратизме и терроризме для всех остальных жителей СССР.

Однако, по утверждениям Хрущева, его антисталинская речь на съезде была «пирровой победой». Она расколола в общество, что, в конце концов, закончилось крахом СССР. Хрущев неоднократно подчеркивал, что если следовать просьбам всех выпущенных тогда из лагерей политзаключенных, то посадить придется еще больше.

Кроме того, следуя просьбам репрессированных, необходимо было организовать еще некое количество «варфоломеевских ночей» для избиения сталинской номенклатуры. Однако Хрущев не обладал железной волей Сталина, и его действия всегда были половинчатыми. На Украине Н. Хрущева чтили. И в общем было за что. Характерный факт: на пленуме ЦК в июне 1957 года энергия и мощь действия только что назначенного секретарем ЦК «украинца-днепропетровца» Л. Брежнева обеспечила победу Хрущева над группой «заговорщиков». Эта группа состояла из старых партийных кадров, причем руководить страной должны были Каганович и Маленков.

Это был один из тех моментов, а именно отсутствие кадровой ротации на высшем уровне, который способствовал краху СССР. Ни один из молодых выдвиненцев Сталина в Президиум (ПБ) ЦК не рассматривался в качестве руководителей страны. А среди них были такие опытные руководители, как Н. Булганин, Л. Брежнев, М. Первухин. Но самый энергичный из них, подходивший по критерию этнической солидарности Хрущеву, — Брежнев - оказался на стороне первого секретаря, что предопределило ход голосования на пленуме в пользу последнего. Последовавшая после пленума опала Г. Жукова, чья позиция была в пользу Хрущева, показывает истинные мотивы всех его подобных политических мероприятий. Круглов, Жуков — сильные люди и опытные профессионалы, но у них не было ореола всенародной святости. А Сталин внушал Хрущеву страх, даже находясь по ту сторону бытия. Вместе с тем он также хотел приблизиться к сонму классиков марксизма-ленинизма. Не кто иной, как Хрущев, провозгласил в октябре 1961 года курс на построение коммунистического общества в СССР. По его мысли, этот срок должен был занять двадцать лет. Однако, разрушив все, что созидалось в духовной и политической сферах в течение последних тридцати лет, Хрущев не располагал реальными основаниями для успеха этой деятельности. Своим прозвищем - «ядерный колосс на глиняных ногах» — СССР всецело обязан курсу «реформ» Хрущева.

Отход от идеологических догм и связанное с этим падение партийной и производственной дисциплины привели в 1962-1963 годах к краху экономики колхозной системы. Страна очутилась перед проблемой недостатка зерна для выпечки хлеба. Именно к 1963 году относится возникновение «традиции» колбасно-хлебных электричек в столицы страны и союзных республик.

Одним из негативных моментов кадровой политики Хрущева, ухудшавшей управление государством, было стремление окружить себя украинскими кадрами. Наряду с инициативным Брежневым Хрущев ввел в свое окружение малопонятных, но прославившихся местным шовинизмом Н. Подгорного, А. Кириченко и П. Шелеста. Интересно, что он сам называл их не иначе, как «подручные». Фактически, это означало, что ротация и замещение «молодыми» группы Молотова оказались кадровым блефом.

Тяжелая ситуация в экономике, усугубленная разбазариванием народной собственности в автономных совнархозах, привела к росту подпольных производств, торговли, оборотов валютных операций в стране. Расцвет черного рынка принудил Хрущева восстановить смертную казнь и возродить МВД. Реорганизация партийного и государственного аппарата создавала лишь видимость кадровой работы и управления. Украинские «подручные» оказались не на высоте вызовов времени, большая часть которых была инспирирована деятельностью Хрущева на высших постах в партии и правительстве. Благодаря системе совнархозов многие советские республики и их партийные лидеры стали экономически автономными и не нуждающимися в Центре. Отдавая должное роли партии на словах, некоторые лидеры национальных компартий организовали прием в партию представителей титульной нации республик, обеспечивая им продвижение на все мало-мальски значимые руководящие посты. Так, глава украинских коммунистов Шелест за девять лет увеличил численность украинцев — членов партии на 60%, доведя численность партийцев в Украине до 7% населения республики. Ни раньше ни позже никто не достигал подобных результатов. Украинские лидеры умело прикрывали украинский шовинизм партбилетами. Используя близость к Хрущеву, Шелест добивался огромных неэффективных инвестиций в шахты Донбасса в ущерб развитию сибирских газонефтепромыслов. Более того, он публично утверждал, что Украина бесстыдно эксплуатируется другими союзными республиками. При нем резко возрос поток шовинистической литературы на украинском языке.

Хрущев боролся с Б. Пастернаком, А. Ахматовой и другими выдающимися русскими писателями и поэтами, но обеспечивал культурный «ренессанс» в Украине. Тогда впервые объявился в роли тележурналиста небезызвестный бандеровец В. Черновил, собравший

материалы по «притеснению» украинского народа. Шла борьба по искоренению использования русского языка в республике. И только после смещения Хрущева украинским шовинизмом стали заниматься более плотно.

В июле 1967 года руководителем КГБ СССР был назначен Ю. В. Андропов. 17 июля 1967 года по его инициативе было образовано 5-е идеологическое управление ведомства. Свое решение Андропов мотивировал «наращиванием и активизацией подрывных действий реакционных сил, которые делают ставку на создание антисоветских подпольных групп, разжигание националистических тенденций, оживление реакционной деятельности церковников и сектантов». В послании ЦК Андропов указывает: «Под влиянием чуждой нам идеологии у некоторой части политически незрелых советских граждан, особенно из числа интеллигенции и молодежи, формируются настроения аполитичности и нигилизма, чем могут воспользоваться не только заведомо антисоветские элементы, но также политические болтуны и демагоги, толкая таких людей на политически вредные действия».

Эти мысли неслучайны. В качестве посла СССР в Венгрии Ю. Андропов сыграл ключевую роль в подавлении венгерского мятежа 1956 года. Именно антисталинский доклад Хрущева на партсъезде в начале того года потряс весь социалистический лагерь и вызвал мятеж. Заслугой Андропова было то, что он сумел убедить Я. Кадара свергнуть авантюрного И. Надя силой, чтобы спасти дело социализма в Венгрии. Венгерские события сделают из Андропова решительного противника радикальных мер по реформированию социализма. Его преемники пренебрегли этой разумной осторожностью. Сам же он остался сторонником жесткого внутреннего курса, смягчаемого руководством Л. Брежнева. Андропов считал, что повседневная жестокость стоит тех потоков крови, которые могут быть пролиты при неконтролируемой внутренней ситуации.

Смещение Н. Хрущева имело те же мотивы. Можно даже утверждать, что организовали его представители просталинского крыла в советском руководстве при молчаливой поддержке военных, ненавидевших Хрущева за погром Вооруженных сил в начале 1960-х годов.

Однако тринадцать лет идеологического разброда сделали свое дело. Инерция национализма не получила должного тормоза. Устра-

что указывает на особую сложность проблемы. Да и случилось оно только после обещания украинской компартии сохранить Н. Подгорного в Центре. Он получил пост «президента» СССР, то есть председателя Президиума ВС СССР. Назначенный первым секретарем на Украину, В. Щербицкий продолжил дело предшественника, хотя и с меньшим размахом.

Вместе с тем очевидно, что украинский шовинизм, угнездившийся в руководстве Украины, был источником украинского сепаратизма начиная с эпохи руководства Хрущева, который и был его «крестным отцом» в постсталинское время.

По сути, в течение почти сорока лет - с 1953 года — Украина была двигателем распада СССР. Эпицентром националистических настроений на Украине была ее интеллигенция, а также население западных регионов, отошедших к СССР в 1939 году. За восемь-десять лет до распада СССР в Украине пришли к власти махровые шовинисты при полном попустительстве Центра и его беспомощности в приведении ситуации в соответствующее идеологическое русло. С 1985 года опасные тенденции украинского шовинизма из скрытых украинских коридоров власти переместились в гласную сферу. Их рупором стал Союз украинских писателей, где развернулись массовые обсуждения всех надуманных и ненадуманных обид на Россию. Наиболее радикально эти тенденции были выражены среди «западенцев», особенно во Львове.

Украинские лидеры в Киеве, хотя и вели себя не так нагло, но всегда спекулировали прямо или косвенно на вопросе «что это за Союз без Украины?». Причем расцвет интеллигентского национализма в республике был невозможен без того общего культурного уровня, который был обеспечен в СССР в эпоху Сталина. Западная Украина во время своей принадлежности к Австро-Венгерской империи представляла собой типично колониальную территорию, где господами являлись австрийцы, немцы и венгры, а украинцы и другие народности — населением второго сорта.

Конечно, Украина была главным, но не единственным двигателем развала СССР. Местный национализм буйно расцветал в республиках Северного Кавказа, Грузии, Азербайджане и Средней Азии. Дипломатический талант Л. Брежнева способствовал тому, что лидеры национальных компартий сами боролись с этими антисоветскими проявлениями. Где это не помогало, назначали нового перво-

го секретаря. Так было на Украине с Шелестом. Сменивший его в 1972 году В. Щербицкий «доруководил» аж до 1989 года, когда был сменен Л. Кравчуком, который активно участвовал в развале СССР. Шеварднадзе, Алиев, Кунаев, Усманходжаев при Брежневе также энергично боролись с местными проявлениями национализма. Внешнюю поддержку курсу Брежнева во внутренней политике, включая национальный вопрос, обеспечивали хорошие отношения с президентами США Р. Никсоном, Д. Фордом, Дж. Картером, а также европейскими государственными лидерами. В немалой степени этому способствовало неожиданное разрешение на эмиграцию советских евреев в 1971 году. Причем основное препятствие для выезда евреев создавали именно компетентные органы Украины.

Подход Ю. Андропова к внутренней политике определялся его опытом по прежней работе в качестве общесоюзного комсомольского работника, посла СССР, а также в международном отделе ЦК. Характерная для него жесткость политического стиля касалась, конечно, в первую очередь укрепления общегосударственной дисциплины в стране, включая упорядочение межнациональных отношений. При Андропове осуществляется чистка партийно-государственного аппарата, включая обкомы партии и аппарат МВД, а также ведется борьба с коррупцией и бюрократизмом. Так, из органов МВД в 1982—1984 годах были уволены более 100 тысяч сотрудников за несоответствие служебному положению, в том числе 180 человек из руководящего состава. Из числа первых секретарей обкомов «пострадали» только те, кто был в свое время близок к Л. Брежневу: Медунов — глава Краснодарского края; Бондаренко — Ростовской области; Кобалоев - Северной Осетии и некоторые другие фигуры.

Между тем в одной из своих первых официальных статей новый генсек коснулся и национального вопроса. Ю. Андропов обратил внимание общества на то обстоятельство, что наиболее важны в стране и нуждаются в особой защите «малые нации». Надо сказать, что это было новацией в марксистском учении по национальному вопросу. Пролетарской идеологии вообще была чужда мысль о подразделении народов по такому признаку, как численность. Однако в свете сложившейся в стране ситуации эта мысль была актуальна по той причине, что позволяла указать с партийных высот украинским или узбекским партлидерам на национальные излишества, ими творимые. Это позволяло сбить накал нарастающих местных шовиниз-

мов официальных титульных наций и обратить общественное внимание к менее взрывной теме нетитульных малых наций.

Вместе с понижением в конце 1982 года цен на водку эти меры весьма благотворно сказались в виде снижения уровня местных национализмов. Разгул пьянства затронул даже не пивших раньше армян и мусульманские народы Поволжья и Средней Азии, не говоря уже о грузинах, латышах и молдаванах. На этом фоне в республиках Средней Азии начала развиваться наркомания, что вкупе с алкоголизмом впервые за годы советской власти привело к резкому снижению рождаемости тюркских народов, а также к уменьшению интереса к местным национализмам. А дешевая водка получила всенародное название «андроповка». Подобное наблюдалось только в начале 1920-х годов, когда был отменен запрет на продажу водки и появилась «рыковка», по имени предсовнаркома СССР А. И. Рыкова.

Нельзя не отметить, что при Андропове собирается долгожданный пленум ЦК партии по идеологии. Это случилось в июле 1983 года.

Опубликованы были доклады Андропова и Черненко. В своем докладе Андропов вообще не упоминает о классовом подходе к существованию общественных отношений, но говорит об общих особенностях переживаемого человечеством исторического периода, где ключевую роль будет играть научно-техническая политика. Кроме того, генсек призвал руководителей чаще обращаться к «другим политикам, более реалистично учитывающим положение» страны и общества. Что он имел

в виду, неясно, если не брать ту политику, которую проводил его выдвигенец Горбачев и которая привела к развалу страны. Кстати, по воспоминаниям современников, Андропов придумал кличку для Горбачева - Подлесок. Так и звал его, даже на людях.

Однако можно однозначно сказать, что в отличие от Горбачева Андропов не ставил перед собой таких радикальных целей, как отменить примат партии в руководстве обществом и государством. Известно, что он был выдвигенцем и любимым учеником знаменитого деятеля Коминтерна и секретаря ЦК ВКП (б) О. Куусинена. Сам Куусинен, особенно в постсталинское время открыто афишировал свои социал-демократические взгляды, что вызывало резкие стычки с ним Н. Хрущева. В своем инновационном рвении Подлесок нарушил идеологическое табу, с которым считались все предыдущие

рост национального шовинизма в СССР, сопровождавшегося борьбой местных этнокланов за передел экономики. Свое оригинальное политическое «завещание» Ю. Андропов изложил в 1983 году в статье, посвященной социалистическому строительству в стране. Разумеется, это был ортодоксальный марксистский взгляд, в том числе на государство и национальный вопрос, который никоим образом не был связан с теми событиями, что как снежный ком нарастали с апреля 1985 года. Провозглашенный тогда курс на перестройку был неоднозначен уже в своем названии, ибо по правилам русского языка такого существительного нет. Это неологизм, появившийся в апреле 1985 года. Есть глагол «перестроиться», означающий «расположиться по-иному, изменив свой строй». Неологизмы для того и необходимы, чтобы резко отграничить сущность, предмет, определяемый ими, от других. В данном случае ясно, что придумавший его человек определял свои действия как часть осмысленной деятельности по изменению строя, то есть государственного строя. Необходимо только было найти соисполнителей и раздуть негативные явления предыдущего периода до максимальных размеров, используя в том числе имеющийся административный ресурс. Лозунгом горбачевской перестройки, таким образом, могут быть лишь слова: «чем хуже, тем лучше». В этом процессе стали хороши все средства. Не следует забывать, что Горбачев в достаточно зрелом возрасте, в двенадцать лет, соприкасался с западной цивилизацией: при немецкой оккупации Ставрополя.

Недостатка в негативных явлениях не было, но они и не вырастали до уровня государственных проблем. С ними боролись, не позволяя превысить безопасный для государства уровень.

Одним из таких явлений, помимо межнациональных отношений, была коррупция, в борьбе с которой Ю. Андропов достиг впечатляющих успехов. Однако, как писал один из весьма осведомленных современников, «борьба с коррупцией и злоупотреблениями коснулась лишь неугодных Андропову людей». Думается, что как раз основные коррупционеры остались в стороне. Не пострадал никто из андроповского окружения - ни Гейдар Алиев, ни Виталий Федорчук, ни Эдуард Шеварднадзе, ни Михаил Горбачев...

Если в Грузии и Азербайджане были коррумпированы все уровни партгосаппарата, вплоть до высших, то в Казахстане, Узбекистане следственные органы выявили участие в управлении теневой

экономикой и торговле до первых секретарей обкомов включительно. После Андропова партийно-административному аппарату была предоставлена полная свобода для обогащения. Из проблемы, которую государственно-правовые органы могли еще хоть как-то контролировать, коррупция в национальных республиках и столице СССР превратилась в самодовлеющее явление, не только напрямую регулирующее политику, но и определяющее самую власть в государстве.

В немалой степени этому способствовал рост теневой экономики. Хотя коррупция и теневая экономика представляют две стороны одной медали, поскольку являются причиной и следствием друг друга. В эту теневую сторону государственной жизни входили сферы торговли, снабжения, потребкооперации и общественного питания. В Ставрополье и других регионах страны даже были налажены подпольные цеха по переработке овечьей шерсти и пошиву верхней одежды. То есть нелегальная экономика охватывала не только потребительскую сферу, но и производящую часть.

В хлопкосеящих республиках широкий размах приняли приписки по сдаче хлопка. Это было возможно только с помощью Центра. В 1984 году союзное правительство оплатило фиктивные поставки хлопка из Средней Азии на сумму 149 миллионов советских рублей. К середине 1980-х годов было приписано до 4,5 миллиона тонн хлопка на сумму до миллиарда рублей. Все эти деньги осели среди высокопоставленных коррупционеров, «крышевавших» подпольный хлопковый бизнес.

Те же явления происходили в Грузии с поставками «грузинского» чая. Союзные бюджетные деньги распределялись перестроечными лидерами по принципу «рыбак рыбака видит издалека» и отправлялись для фактического расхищения в Узбекистан, Казахстан, Азербайджан и Грузию. Очевидцы утверждают, что до половины громадных бюджетных средств, направляемых на развитие южных союзных республик страны, расхищали местные партийно-хозяйственные руководители. На этих средствах за неполное десятилетие от Андропова до развала страны выросла и превратилась в реальную власть на местах вся национальная этноэлита, руководящая сегодня в странах СНГ.

При Горбачеве вообще перестали арестовывать партийных и хозяйственных руководителей высокого ранга. Те аресты, что были

осуществлены, явились следствием дикой ненависти последнего генсека к этим людям, а не объективно-правовых обстоятельств.

Очень умело в эпоху перестройки была использована антиалкогольная кампания, начало которой было положено месяц спустя после самой перестройки - в мае 1985 года. По приказу Горбачева виноградники вырубали только в России. Вместо водки на Украине стали гнать и пить самогон. Пить по стране меньше не стали, но доход от продажи спиртного вновь стал доходом нелегального производства и противозаконной коммерческой деятельности. Так Горбачев на водочной волне создавал «менеджеров» перестройки, то есть тех экономически активных нелегалов, которые среди народных масс должны были проводить идеологический курс на слом существовавшей государственной машины и создание «змеинового» капитализма, по имени якобы существовавшей тогда в пригороде Ленинграда - Змеиной горке — подпольной школы молодых «ученых-экономистов»: Чубайса, Гайдара и прочих. Интересно, что крайним в антиалкогольной кампании хитроумный Горбачев сделал «твердого ортодокса» Лигачева, тоже, кстати говоря, переведенного в Москву из Томской глубинки по приказу Андропова. По сути, нынешний коммунист Егор Кузьмич является «крестным отцом», воспитавшим на антиалкогольной волне молодое племя кооператоров, выросших затем в мелких адептов «пещерного» капитализма. Крупные капиталисты, до поры до времени державшиеся не на виду, насаждались сверху.

Другим моментом, в котором преуспел Подлесок, был тот, что в антиалкогольной кампании пострадал престиж государства. Население не приняло выраженной в таком виде заботы о себе. Более того, запрет на застолья в общественных местах и очереди за водкой оскорбляли человеческое достоинство, а нехватка качественной водки вела к потреблению суррогатов, росту потребления наркотических средств уже в самой России и характеризовалась огромным количеством отравлений. Государство в ходе первых трех лет кампании потеряло 39 миллиардов рублей только в виде налога с оборота. Горбачевская кампания создала в стране дефицит сахара — один из первых факторов, который привел к разбалансированию экономики. Кроме того, этот дефицит создал сахарную мафию, фондовый оборот ее достигал миллионов тонн сахара, что в пересчете на деньги составляло миллиарды рублей. Все они оседали у перекупщиков

и крышевавших их руководителей регионов. Эти события привели к карточной системе распределения продуктов питания к 1990 году.

Разыгравшиеся события были также следствием несменяемости кадров и связанных с ней бюрократизма и волокитства.

Несменяемость кадров явилась следствием существования советской системы власти, где интриги и подставы играли существенную роль при расчищении пути для карьерного роста. В истории страны были лишь два лидера, не боявшихся новых людей в руководстве, - это Ленин и Сталин. Все остальные нуждались в «подручных».

Н. Хрущев и Л. Брежнев привели с собой в Москву многих своих знакомых по работе и войне и даже просто земляков. Они и составили тот кадровый ресурс, управлявший страной в постсталинское время. Андропов двинул наверх Горбачева, Н. Рыжкова и Лигачева. При Горбачеве процесс ротации кадров принял более широкие формы, но носил скорее характер не кадровой революции, а самоцельного процесса: что-то переставлять, крутить, вертеть и так далее. В общем, понятно, кадры нужны для стабилизации строя, а задача перестройки была в ином — дестабилизировать строй. Десятки лет проработали на высших государственных должностях многие выдвиженцы Л. Брежнева, прежде всего К. Черненко, Н. Щелоков, Н. Тихонов, С. Цвигун, Г. Цинев. Рядом с Брежневым работали назначенные еще Сталиным министры Н. Байбаков, Д. Устинов, А. Косыгин.

Поэтому ротация высших управленческих и партийных кадров могла быть связана с приходом, как правило, нового генсека.

Эти руководители хотя и являлись инициативными и работоспособными людьми, но их аппарат складывался по сходным правилам, когда зачастую не требовались качества. Два-три таких уровня создавали уже разветвленный административный аппарат, который осознавал себя самоценным организмом, ставившим целью собственное развитие и рост. Отсюда вытекала необходимость льгот, привилегий и средств их реального достижения.

В аппаратных движениях заглохли многие эпохальные для страны процессы. Так, подготовка пленума ЦК по научно-технической политике была объявлена в 1969 году, но он так и не состоялся. А в это время американское правительство положительно решило вопрос о передаче в народное хозяйство технологий двойного назначения, вызвав невиданный бум наукоемких инноваций. Кстати, и Билл

Гейтс со своим «Майкрософтом» — дитя того сговора правительства и бизнеса. У нас же Горбачев начал делать грабли и лопаты из ракетного титана.

Уже упоминавшийся пленум по идеологическим вопросам состоялся 15 лет спустя после момента решения о его созыве. Очевидно, что подобные затяжки были связаны с долговременным нахождением у руля государства одних и тех же лиц, несменяемостью кадров высшего и следующих уровней. Подбор окружения первых лиц государства по принципу землячества или этническому признаку указывал не на стремление выбрать соратников во благо общей работы для государства, а на желание обеспечить комфортные условия для своего лидерства и своей власти.

Так, средний возраст членов ЦК в 1982 году составлял 63 года, а в 1989-м — 61 год. Поэтому если, как многие, считают это стало причиной «застоя», то «застой» не прекратился и в канун распада. Несколько помолодели члены ПБ: в 1982 году — 68 лет, в 1989 году — 60 лет. При этом число рабочих и колхозников — членов ЦК понизилось с девяти процентов в 1981 году до семи процентов в 1989 году.

При первых волнах перестройки наиболее политкорректно повели себя прибалтийские партлидеры. Они выступили как реальные прагматики. Население этих республик хотело большей самостоятельности в проведении хозяйственного курса. Их лидеры первыми озвучили этот вопрос и упорно настаивали на его решении. Однако в отношении Центра они соблюдали корректность и, не имея в Москве в руководстве прибалтийского «землячества», довольствовались предоставлением (негласно) достаточно широкой культурной автономии. Уже при позднем Брежневле республики Прибалтики широко развивали те культурные новации, что в Центре обозначали словом «андерграунд», то есть абстрактная живопись, джаз, Раймонд Паулс, массовое хоровое пение стали их визитной карточкой. Надо сказать, такая позиция Центра устраивала прибалтийских руководителей и окружавшие их этноэлиты. Более того, возрос приток кандидатов в компартии Эстонии и Литвы.

Украинские лидеры действовали скрытно. После Шелеста никто прямо вопроса об особом статусе Украины официально не ставил. Щербицкий был более осторожен и охотно использовал для достижения целей сепаратизма огромный аппарат украинской бюрократии, прочно осевшей в Москве со времен Хрущева и попол-

ненной при Брежневе. Эта «московская» колонна украинских сепаратистов охотно поддерживала шовинистские призывы, доносившиеся из Киева. Действуя в унисон, обе силы обеспечили Украине роль главного механизма развала СССР. Достаточно рано обозначилось участие в этом процессе лидеров Туркмении и России. Они охотно «подталкивали в спину» процесс распада.

Разумеется, недоведение сталинской акселерации национального вопроса до ее логичного идеологического завершения — единой социалистической нации — означало, что разделение территории ССР по национально-административному признаку с разной степенью выраженности властной вертикали неизбежно приведет к разногласиям между народами страны. Точнее, эти разногласия озвучивались местными национальными элитами в претензии на место в иерархии страны соответствующих этногрупп. Чем выше административный статус, закрепляемый за титульным народом, тем больше привилегий и дивидендов от существующего положения получает главенствующая в нем этноэлита. Причем в этом выяснении отношений между малыми и немалыми народами ответственной стороной всегда выступала Москва, то есть Центр. Провозглашая политический курс государства на создание единой нации, можно было управлять национальным вопросом в директивно-принудительном стиле. Однако, ставя в России во главу угла американский слоган «едины в многообразии», власть делала неизбежную ошибку. Ее суть заключалась в игнорировании конституционного принципа Америки как унитарного государства. СССР в соответствии со своими учредительными документами не являлся де-юре унитарным государством. Де-факто он был таковым дотоле, пока действовали центростремительные идеология и партийная дисциплина, поддерживаемые государственным принуждением.

Сила государственного принуждения всегда была связана с Центром государства. Диверсификация этой силы, сложение ответственности с Москвы и переложение ее части на руководителей коммунистических партий республик означало угрозу стабильности советского общества. Национально-административная структура СССР стала объектом дестабилизирующих сил, которые были активизированы перестройкой.

Январский 1987 года пленум ЦК с подачи Горбачева одобрил новый внеидеологический подход к проблемам национальных от-

ношений. По сути, это означало глубокий подрыв структуры государства. Каждый этнопартийный лидер в СССР отныне мог стать источником государственного права, ибо генсек Горбачев, по сути, уполномочил их уничтожить старую центростремительную идеологию и создавать новую. Очевидно, культурные, психологические и этнические представления народов СССР столь многоплановы и различны, что получить единую их направленность как один из факторов советской государственности было невозможно. Достаточно указать в качестве примеров на различие точек зрения по большинству актуальных вопросов современности у народов и их лидеров соответственно Армении и Азербайджана, Грузии и Абхазии.

То же можно сказать о карачаевцах и черкесах или кабардинцах и балкарцах, осетинах и ингушах. И сегодня мы можем продолжать этот список до сотни тлеющих явно или втуне этноконфликтов в России. Но и тогда, в начале перестройки, было очевидно, к чему приведут центробежные тенденции, поощряемые Горбачевым и этнопартийными лидерами ряда союзных республик. Подчеркнем, что причиной, способствовавшей развалу СССР, стало его национально-административное деление. Эту тенденцию во время перестройки правящая власть усиленно поощряла. Имел место парадокс: власть уничтожала государство, которое служило ей источником власти. Из этой формулы неизбежно следует вывод о быстром ниспровержении самой этой власти, что стало уже объективным фактом мировой истории. Роль Горбачева, его «подручников» (по словам любимого учителя Хрущева) и перестройки необходимо и достаточно следует из этого постулата. Волна перестроечной пропаганды сводилась к тезису, что марксизм-ленинизм не имел готовых моделей в области этнических проблем. Но это было большой ложью. Марксистская парадигма национального вопроса всецело вытекала из коммунистической доктрины, утверждавшей однородность общества не только в социальном плане, но и в отсутствии различий в этническом плане. Она ставила себе целью формирование единой социалистической нации. Другое дело, когда во время перестройки из ЦК отчетливо дается установка, что компартия имеет по национальному вопросу не только ошибочную, но и вредную теорию. Это означает, что ортодоксальный большевистский взгляд на нацию отброшен и руководство начинает поощрять курс на неоднородность общества, включая этнический план.

Выдвижение советских наций на роль субъектов истории означало формирование в полном смысле политической карты СССР с ее центрами власти в национальных союзных республиках, по меньшей мере. И уже в начале «перестроечной эпохи» эти «новые» подходы в области национальных отношений были использованы влиятельными партийными этнолидерами для усиления собственной власти на местах и освобождения от власти Москвы. Во второй половине 1980-х годов лидеры Украины, Азербайджана и республик Средней Азии становятся вполне независимыми от Центра. Центр даже придумывает эвфемизм для объяснения подобной ситуации. Считается, что идет процесс демократизации партии. Но если демократизация жизни и партии имели место, то происходило это только в прибалтийских республиках. Закавказье, Средняя Азия и Украина подавали лишь пример свободы действий собственной элиты, мощь которой все больше увеличивалась. Становилось понятно, что центробежные тенденции начинают преобладать над центростремительными. Было также очевидно, что Россия и Туркмения как республики-спонсоры, республики-доноры, обладатели большей части топливно-энергетических ресурсов, смотрят на дезинтегрирующие процессы достаточно благосклонно. Кроме Прибалтики, остальные союзные республики придерживаются центростремительных траекторий, лишь надеясь обменять свою идеологическую статусность как субъекта СССР на материально-финансовую подпитку из Центра. В 1991 году один из руководителей Литвы сказал: «Уверяю вас, если бы в СССР господствовал свободный рынок и открытая экономика, никто бы из такого Союза не стремился убежать».

Понятно, что подобное благостное отношение доноров к потребителям их жизненных благ не могло продолжаться бесконечно, основываясь только лишь на идеологическом долге.

Глава VI

Война и национальный вопрос.

Национальный вопрос в послевоенный период

В промежутке между двумя мировыми войнами национальные отношения в СССР приобрели стратегический характер. Империалистические державы, в особенности нацистская Германия и милитаристская Япония, взяли курс на передел мира. В этих условиях выживание государства и общества зависело от военной и промышленной мощи страны и сплоченности нации. СССР находился в окружении враждебных государств.

Конечно, ни ПБ ВКП (б), ни ведомый им Коминтерн не отказались от стратегического курса на социалистическое переустройство мира. Однако главный сценарист, как участник всех русских революций, Сталин понимал, что эффективнее всего это можно сделать лишь в условиях мировой войны. В этом случае преимущество получает сильнейший. Следовательно, помимо военного аспекта, национальным отношениям необходимо было придать должную духу времени форму.

С 1934 года начинается процесс централизации в сфере национальной политики и признания роли патриотизма в сплочении общества. В этом плане Сталин выступает в партийных верхах против публикации русофобских статей Ф. Энгельса. В подробной памятной записке он объясняет членам ПБ заблуждения классика в части перенесения ответственности за деятельность царизма на русский народ. Более того, генсек обвинил Энгельса в элементарном германском национализме. Не без его участия была также прекращена кампания интернационалистов-коммунистов по латинизации русского алфавита, а официальный проводник этого процесса - Всесоюзный центральный комитет нового алфавита — был распущен в 1937 году.

В условиях предстоящего мирового конфликта необходимо было иметь как можно меньше явных и скрытых оппозиционеров режи-

му в качестве гарантии его устойчивости к внешним воздействиям. Отсюда усиление борьбы с разного рода уклонами в партии и обществе, развенчание особо радикальных общественных деятелей и даже классиков марксизма.

Существовал и еще один мощный фактор военно-политической дестабилизации страны. Это было националистическое повстанческое движение в ряде регионов СССР. Повстанческие силы поддерживались определенными партиями, религиозными организациями и спецслужбами из-за границы, а также подпольными центрами внутри страны. Масштаб их действий простирался от единичных актов терроризма в отношении должностных лиц на местах до массовых террористических действий, охватывавших целые регионы страны (Западная Украина, Литва). В межвоенный период все еще сохранялась напряженная военно-политическая ситуация во многих районах Средней Азии и Северного Кавказа.

Социальные факторы басмачества очевидны — это общая культурная отсталость среднеазиатской окраины, сильное влияние баев и фанатично настроенного мусульманского духовенства, а также бюрократизм и ненадежность аппарата органов власти на местах. Так, например, организованное руководство повстанческими силами басмачей в Таджикистане (бывшая Восточная Бухара) возглавлял представитель бывшего бухарского эмира Ибрагим-бек, которого щедро снабжала оружием, деньгами и людьми английская разведка. Ликвидация вооруженных банд Ибрагим-бека закончилась лишь к середине 1931 года, принимались меры не только военного, но и политического характера. Повсеместно басмачество было ликвидировано только к 1933 году. Потери Красной Армии за 11 лет боев с басмачами составили 568 человек; потери басмачей — более шести тысяч убитыми. На стороне басмачей в повстанческих действиях участвовали до 30 тысяч человек. Поэтому неоднократное заострение Сталиным вопроса о сохраняющейся социальной базе внутренней контрреволюции представлялось уместным.

Вооруженная борьба в Чечне и Дагестане с националистами и политическими бандитами также уходит корнями в революционное время, когда на Северном Кавказе не существовало никакой государственности. Эта борьба велась вплоть до 1945 года, причем каждые три-четыре года проводилась крупномасштабная противоповстанческая операция под военным руководством, вплоть до ко-

мандующего Северо-Кавказским военным округом. Попытки советской власти усилить свое влияние в этих регионах вызывали социальный протест местного населения, что могло привести в любой момент к вооруженному выступлению. Контрреволюционный бандитизм в Чечне и горном Дагестане шел рука об руку с межрегиональным бандитизмом, имевшим целью грабежи, угон скота, захват в качестве заложников людей с сопредельных территорий. Все же с момента установления советской власти на Северном Кавказе и до 1941 года только на территории Чечено-Ингушетии произошло 12 вооруженных восстаний с участием от 500 до 5000 бандитов в каждом. С 22 июня по 3 сентября 1941 года здесь было зарегистрировано 40 бандповстанческих выступлений.

С началом войны поведение большей части местного населения стало предательским. Особенно это касалось чеченцев. Они в массовом порядке дезертировали и уклонялись от военной службы, уходили в горы, откуда совершали грабительские налеты на поезда, селения, воинские подразделения. Бандформирования, руководимые «Особой партией кавказских братьев», имели свои отряды почти во всех северокавказских республиках, получая материальную, военную и информационную поддержку от германской военной разведки, абвера. К 1943 году численность отрядов «кавказских братьев» достигла более 6,5 тысячи бандитов, включая 77 немецких инструкторов по разведывательно-диверсионному делу.

В июле 1942 года «Особая партия» приняла воззвание к германскому правительству от имени чеченского и ингушского народов, в котором говорилось, что северокавказские народы ждут немцев как друзей, надеются, что они признают их независимость.

Для пресечения долговременной деятельности этих бандформирований советское руководство прибегло к решительным мерам. За пособничество фашистским оккупантам на основании постановления ГКО СССР № 5073 от 31 января 1944 года Чечено-Ингушская АССР была упразднена 23 февраля 1944 года. Во исполнение указанного постановления осуществлена также поголовная депортация местных жителей, в том числе чеченцев и ингушей — 496460 чел., карачаевцев - 68327, балкарцев — 37406 чел. Однако мелкие бандгруппы продолжали свои террористические действия и в 1945 году.

Хрущев возвратил 9 января 1957 года чеченцев и ингушей на места их проживания и восстановил ЧИ АССР в составе РСФСР,

передав дополнительно в состав автономии Каргалинский, Наурский и Шелковской районы, извечно принадлежавшие русским поселенцам. Тем самым был создан новый потенциал межнациональной розни на Северном Кавказе.

В 1939 году возник новый очаг повстанческого движения на Украине после присоединения ее западных областей. Деятельностью этого движения руководила ОУН, имевшая в руководстве такую известную фигуру, как Степан Бандера. Движение негласно поддерживалось Германией. Не без помощи немцев ОУН создала собственную военную структуру в виде УПА и УНРА. Кроме того, 30 июня 1941 года во Львове было создано украинское правительство, существовавшее параллельно с оккупационным режимом. Борьба советской власти с националистическими повстанцами в Западной Украине продолжалась до 1955 года. Всего были убиты более 56 тысяч повстанцев, взяты в плен более 108 тысяч. Источником активности бандеровцев и их помощников был националистическо-религиозный духовный потенциал.

Перед лицом этих внутренних угроз и источников дестабилизации следовало иметь дополнительные гарантии лояльности населения. И Сталин, как великолепный политик-державник, принял решение сделать в этих условиях политическую ставку на русского человека.

Совершенно очевидно, что генсек не мог отказаться от идеологических установок о «выработке нового типа человека — гражданина Советского Союза». В этом он был абсолютно прав в том смысле, что положения его статьи 1913 года о национальном вопросе никогда им не подвергались идеологической ревизии, но лишь «совершенствовались» и «углублялись».

Но надо было готовить страну и народы СССР к тотальной мировой войне с империалистическими хищниками. Стадо быть, пора было начать отдавать должное великому русскому народу, составлявшему более двух третей всего населения страны. Главная угроза СССР исходила из лагеря империализма. К середине 30-х годов все виды местного национализма не представляли для советской власти опасности, если только не подпитывались и не взаимодействовали с зарубежными источниками.

Генеральная линия правящей партии исходила из необходимости тотальной подготовки к тотальной войне, что на практике озна-

чало создание на месте СССР неприступной крепости, лишенной внутреннего подрывного элемента. То, что это делалось на волне славянской солидарности, русского центризма и советской автаркии, диктовалось особенностями внешнеполитического положения СССР, не имевшего не только стратегического союзника, но и надежных внешнеполитических партнеров.

Именно геополитика 1930-х годов выдвигала те требования к руководству страны, которые могли обеспечить СССР достойный выход из мировой катастрофы. Эти требования переносились и в сферу национальных отношений, что совершенно неверно трактуется большинством современных историков как новая волна русификации. Кроме того, Сталин являлся великолепным геополитиком-практиком, отлично понимавшим дух времени. Что касается национальных отношений, то и они не избежали пресса целенаправленной политики ликвидации потенциальных центробежных сил. Однако речь шла исключительно о процессе консолидации и солидаризации единого советского народа, собираемого, конечно же, на основе самого крупного этнического элемента страны - русского народа и, разумеется, языка этой общности.

Исследования о движении населения некоторых регионов СССР показывают успехи этой политики к концу 1930-х годов. Так, в регионе Северного Кавказа стремительно с 1917 по 1939 год рос удельный вес русских, что происходило в основном за счет смены этнического самосознания и языка, а не миграционного движения.

Что касается практики депортаций населения, то они не были изобретением советской системы, были известны с древности, а в новейшее время производились и в так называемых демократических странах, включая США. Так, 19 февраля 1942 года президент США Ф. Рузвельт издал указ о поголовном переселении 110 тысяч этнических японцев, являющихся гражданами страны, в концентрационные лагеря. Не говоря уже о принудительных переселениях индейцев США в XIX веке. Принудительным переселением негров из Африки в США янки занимались десятки лет, вследствие чего пострадали миллионы людей: не менее трети из них умерли в пути через Атлантику в спертой атмосфере трюмов кораблей от жары и голода. Никаких убедительных доводов в пользу этих действий наподобие выживания нации не было. Подоплекой всему служил барыш, во имя получения которого миллионы людей Африки были

обречены на уничтожение американскими делегами. После Второй мировой войны союзники депортировали до 6 миллионов немцев из тех областей на Востоке Германии, что передавались Польше.

Действия советского правительства в 1936 и 1941 годах по переселению этнических корейцев и немцев Поволжья были продиктованы чисто военной опасностью, исходящей из недоверия к потенциальным внутренним врагам. Нельзя не отметить, что в отличие от американского варианта перемещенных лиц не отправляли в концлагеря.

Нацистская Германия в ходе войны переместила на восток, в Польшу и Прибалтику, миллионы немецких евреев, а Япония в качестве рабской рабочей силы в метрополию — около 2 миллионов корейцев.

Таким образом, в начальной фазе мирового конфликта мировые державы повсеместно использовали насильственные меры в отношении недоминирующих народов как инструмент обеспечения стратегической устойчивости. Если принять к сведению, что в последующей мировой бойне погибли более 50 миллионов человек, то излишнее привлечение внимания исключительно к советским мерам является скорее мерилom лицемерия, чем торжества демократического начала в современном мире.

В середине 1930-х годов в СССР реабилитируются понятия «Родина», «русская культура». При этом, конечно, полагали, что советская культура — это нечто более высокое. Поэтому для современных русских писателей, работающих в стиле социалистического реализма, вводился соответствующий термин: «русский советский писатель». И здесь была своя логика времени. Создание единой социалистической нации планировалось как развитие и закрепление лучших черт существовавших советских наций. Основой этого процесса являлся, по коллективной мысли партийного руководства, русский народ. Поэтому его культура должна была стать основой культуры социалистической нации будущего. В главном партийном органе газете «Правда» от 20 апреля 1935 года говорилось, что русский народ «вправе гордиться своей ролью в истории, своими писателями и поэтами».

В преддверии мирового конфликта время ускоряло свой темп, поэтому укрепление центристских тенденций во всех сферах нации, государства и общества могло восприниматься как некий ру-

сификаторский процесс. Но в основе всего лежали объективные вещи. Так, к середине 1937 года промышленность РСФСР обеспечивала выпуск 70% продукции всего СССР. На этой материальной базе предполагалось строить социалистическое общество, используя в начале строительства национально-патриотические идеи. Все это составляло острый контраст с культурно-идеологическими тенденциями 20-х годов, когда на волне «украинизации», «белорусизации» и других националистических уступок местным национализмам в СССР русский народ шельмовался как «бывшая угнетающая нация», являющаяся историческим навозом для расцвета маленьких советских наций, народов, народностей и племен.

Следует сказать, что запись о национальности появилась во внутренних паспортах также в этот период, в 1932 году.

Понятно, что культурно-идеологические аспекты партийной политики являлись тактическими приемами в духе того времени. Иначе трудно объяснить, почему в циркулярном письме Главного управления политической пропаганды Красной Армии в мае 1940 года наряду с пунктом «нашу армию необходимо воспитывать на ее героических традициях и на героическом прошлом русского народа» содержался и такой: «Красная Армия в любой войне выполняет интернациональные обязанности».

Посол США Аверелл Гарриман так вспоминал свой разговор со Сталиным 1 октября 1941 года. Генсек сказал ему тогда: «Мы знаем, народ не хочет сражаться за мировую революцию; не будет он сражаться и за советскую власть... может быть, будет сражаться за Россию». Все отмеченные особенности национальных отношений и культур в межвоенный период необходимо воспринимать только через призму этого мнения главы партийно-государственного руководства страны.

В этой связи интересны воспоминания известного писателя-фронтовика Льва Копелева. Он пишет, что в период между Сталинградской и Курской битвами широкую известность в армии и армейских органах партийной пропаганды получило следующее высказывание Сталина о войне и национальном вопросе: «Необходимо опять заняться проклятым вопросом, которым я занимался всю жизнь, но не могу сказать, что мы его всегда правильно решали. Это проклятый национальный вопрос... Некоторые товарищи еще недопонимают, что главная сила в нашей стране - великая великорус-

ская нация, а это надо понимать!.. Некоторые товарищи еврейского происхождения думают, что эта война ведется за спасение еврейской нации. Эти товарищи ошибаются. Великая Отечественная война ведется за спасение, за свободу и независимость нашей Родины во главе с великим русским народом».

Отметим, что, по переписи 1940 года, в СССР насчитывалось 4,8 миллиона евреев и около 130 миллионов русских.

В то же время было принято решение изменить гимн СССР. Впервые новый гимн прозвучал по радио в ночь на 1 января 1944 года. С этого момента «Интернационал» стал только партийным гимном.

Конечно, современные реалии определяли всю сферу общественной и государственной жизни. Но никогда на словах, тем более на деле, Сталин не ставил под сомнение необходимость формирования грядущей объективной реальности — единой социалистической нации — как окончательного решения национального вопроса в стране. Есть сведения, что Сталин провел в этом направлении теоретическую работу, где обозначил будущую новую историческую общность интернационалистов на территории СССР и мирового социалистического лагеря как «зональную общность» людей. И это не было чистой теорией, поскольку переход к коммунизму планировался в 1939 году. Как известно, согласно марксистской доктрине, коммунизм есть бесклассовое и безнациональное общество. Поэтому направленность национальной политики в СССР в 1930-х годах обуславливалась, с одной стороны, партийными установками на ускоренное (к 1939 году) формирование предкоммунистической социалистической нации, а с другой — совпадала с вызовами времени в преддверии глобальной войны.

Недавнее обнаружение стенограмм заседаний ПБ ВКП (б) в 1930-е годы показывает, что руководство страны занималось в основном вопросами развития экономики страны и повышения ее обороноспособности. Это указывает на предмет средоточения действительных проблем, стоящих перед обществом и государством.

Проводились и мероприятия по приведению революционной законности в гуманные рамки. Этому способствовала реализация инструкции ЦК ВКП (б) и СНК СССР партийным, государственным и судебным органам всех уровней от 8 мая 1933 года. Инструкция запрещала массовые выселения крестьян, производство арестов не уполномоченными на то лицами, а также применение такой меры

пресечения, как заключение под стражу до суда. Инструкция устанавливала предельный лимит заключенных в местах отбывания наказания Наркомюста, ОГПУ и Главного управления милиции в 800 тысяч человек. Это привело к освобождению с привлечением к принудительным работам по месту трудоустройства 403 тысяч человек к 10 июля 1933 года. Кроме того, «съезд победителей» в мае 1934 года провозгласил курс страны на приоритетное развитие отраслей группы «Б», то есть производства товаров народного потребления.

Все изменения во внутренней политике страны были замечены и за рубежом. Крупнейшая американская газета «Балтимор сан» так откликнулась 18 ноября 1934 года на эти факты: «Красная Россия становится розовой». То же писала и нью-йоркская газета «Форвертс»: надо «отметить еще одну черту, которая бросается в глаза: исчезновение страха. Прежнего кошмарного страха нет ни перед ГПУ, ни тем более перед милицией».

Действительно, в 1934 году был введен новый порядок судопроизводства, при котором, в частности, утверждены новые правила согласования приговоров к расстрелу, включая сложную систему их утверждения, в том числе комиссией Политбюро по судебным делам.

Отступлением от этого процесса был чрезвычайный акт, так называемый «закон от 1 декабря» 1934 года. Он предписывал заканчивать следствия по делам по терроризму в десятидневный срок, вручать заключение обвиняемым за сутки до рассмотрения дела в суде, слушать дела без участия сторон, не допускать кассационных обжалований и ходатайств о помиловании, приводить расстрельные приговоры в исполнение немедленно после их оглашения. Тем самым терроризм возводился не только в разряд тяжчайших государственных преступлений, но и объявлялся пределом нравственного падения человека.

Гуманизация правовой сферы продолжалась. Уже в следующем 1935 году в ряде постановлений партии и правительства содержались гарантии от массового произвола. Одно из них предписывало снятие судимости с колхозников, осужденных к лишению свободы на сроки не свыше 5 лет. Всего были освобождены до 1 марта 1936 года 769 тысяч человек.

Кампании по пересмотру дел свидетельствовали о желании советской власти восстановить согласие и солидарность в обществе, о примирении его с теми слоями, которые без разбору попали под удар

революционной законности 1920-х годов в силу всеобщности царившего тогда террора. Тогда же Сталин бросает свои крылатые слова: «Сын за отца не отвечает». В этой связи «дети нетрудящихся и лиц, лишенных избирательных прав» получили доступ в вузы и техникумы. В апреле 1936 года постановлением ПБ и ЦИК СССР были отменены ограничения на службу казачества Северо-Кавказского и Азово-Черноморского краев в Красной Армии.

Таким образом, ситуация в стране в первой половине 1930-х годов свидетельствовала о государственном курсе на создание «процветающего и демократического СССР». Понятно, что отмеченные особенности развития страны регулировали и национальные отношения. Всего же в течение 1935—1936 годов по делам, расследуемым НКВД, были осуждены 541 тысяча человек, что несовместимо с уровнем репрессий 1920-х годов. Вместе с тем набирал обороты маховик партийных чисток. Историки полагают, что «социально-политическую историю сталинского периода необходимо рассматривать как результат прежде всего противоречий, разрушавших руководящую систему «партия - государство», и полагают, что, укрепив свою монопольную власть при помощи создания мощного слоя чиновников-управленцев, руководители «партии - государства» столкнулись с проблемой активизации центробежных тенденций, подрывающих основы жесткой централизации». В таком случае ясно, почему в условиях надвигающегося мирового военно-политического кризиса власть боролась с подобными тенденциями. Надо отметить, что все расстрельные приговоры утверждались уже упомянутой Комиссией ПБ. Однако протоколы комиссии за 1937—1938 годы до сих пор недоступны. Ясно, что в этих условиях невозможно судить о невинности проходящих по ним многих тысяч руководящих партийных, советских, комсомольских, военных и хозяйственных работников. «Чистка 1937-1938 годов», по мнению большинства историков, мыслилась как «уничтожение в преддверии войны потенциальной «пятой колонны» и соответствующее повышение мобилизационной готовности общества и партийно-государственного аппарата».

Поэтому в «чуждые элементы» попадали и многочисленные представители тех народов, кто мог потенциально оказать поддержку милитаристским и фашистским режимам, то есть люди «подозрительной национальности»: немцы, поляки, корейцы, болгары, финны, румыны, китайцы и другие. Секретарь Московской партийной орга-

низации Н. Хрущев предлагал в 1937 году Москву в качестве «адреса» для проведения глубокой зачистки. В частности, он говорил, что сюда «пролезают» со всей страны множество людей», «пролезают не только люди меченые, но и те, до которых еще не добрались».

С пресловутой пятой колонной боролись не только в СССР. В предвоенное и военное время это поветрие охватило повсеместно страны антигитлеровской коалиции и их противников.

Одновременно в конце 1930-х годов намечается «перелив» власти из Политбюро в Совнарком. Создаются Комитет обороны СССР при СНК СССР, Экономический совет при СНК СССР, Бюро Совнаркома, которые имели в своем составе большинство членов ПБ, что позволяло решать все хозяйственно-экономические и оборонные задачи, не организуя дополнительно спецкомиссий ПБ. Количество вопросов повесток дня ПБ в это время значительно сократилось, что позволяет говорить о снижении роли ПБ и его влияния в конце 1930-х годов. 4 мая 1941 года было принято постановление ПБ о назначении И. Сталина председателем СНК СССР. Таким образом, перед войной была оформлена та система высшей политической власти, в которой высший исполнительный орган партии — его ПБ — был фактически ликвидирован. В системе «партия - государство» преобладание получило государственное, а не партийное начало. Подобный факт вполне согласуется с идеей Сталина об однородном унитарном государстве, которую он отстаивал с 1913 года, с момента публикации своей статьи о национальном вопросе. Кажется бы, достигнув вершины абсолютной власти, низвергнув Политбюро в лучшем случае на уровень совещательной инстанции при своей персоне, Сталин мог приступить к своей главной цели: созданию коммунистического общества социалистической нации. И в этом плане Сталин заслуживает приобщения к компании блестящих социалистов-утопистов, создавших свои учения о справедливом обществе людей будущего: Ш. Фурье, Р. Оуэн, Т. Мор, Э. Кабе, аббат Морелли, Т. Дезами и другие.

Как сказал до войны любимый всеми А. Эйнштейн, в России происходит великий социальный эксперимент, в ходе которого будут применяться в том числе и негуманные меры, но результат их будет стоить жертв.

Великая Отечественная война 1941-1945 годов занимает особое место не только в истории России, но и является нравственным ме-

рилом и продолжением тех событий, которые происходили в стране в предвоенное десятилетие. Что касается собственно армии, то за три предвоенных года численность Красной Армии увеличилась в шесть раз. При этом значительно выросло ее техническое оснащение в связи с увеличением авиационных, танковых и моторизованных соединений. Из-за необходимости назначать на вакантные должности большое число командиров, многие из них занимали посты, не имея военного образования. Однако это положение, как видно, никак не определялось «чистками» среди военных. В 1937—1940 годах были уволены и репрессированы около 40 тысяч командиров различных рангов, что составляло менее семи процентов всей численности командно-политического и технического состава Красной Армии. Значительное влияние на ход боевых действий в начале войны оказало то обстоятельство, что советские Вооруженные силы только начинали стратегическое развертывание. Это было то время, когда все мероприятия были начаты, но ни одно к моменту нападения Германии не завершилось. Своевременность и полнота проведения всего комплекса мероприятий по стратегическому развертыванию ВС обеспечивает успех их действий, особенно в начале войны. Только неимоверными усилиями советского руководства, массовым героизмом и отвагой воинов Красной Армии и ВМФ, напряженным и самоотверженным трудом советских людей был достигнут перелом в войне от тяжелейших неудач в первые годы войны к крупным победам и разгрому нацистской Германии.

Нацистский план «Ост», направленный на «колонизацию» восточных территорий», гласил: «Для нас, немцев, важно ослабить русский народ в такой степени, чтобы он не был в состоянии помешать нам установить господство в Европе». Таким образом, война, развязанная нацистами против СССР, была войной на истребление целых народов, в первую очередь славянского русского населения. Потери огромны. Ежедневные потери граждан нашей страны, погибших в боях на фронте, от бомб и снарядов в городах и селах прифронтной полосы, безжалостно уничтоженных в гитлеровских концлагерях в период Великой Отечественной войны, составили более 18700 человек.

На временно оккупированной территории СССР нацисты преднамеренно истребили 7 миллионов 420 тысяч человек, угнали в Германию 5 миллионов 269 тысяч человек, из которых погибли на

принудительных работах в гитлеровском рейхе 2 миллиона 164 тысяч человек. 451 тысяча оstarбайтеров не возвратились в СССР и стали эмигрантами. Общее число погибших за годы войны мирных граждан в результате нацистской оккупации СССР составило более половины всех людских потерь СССР: 13,7 миллиона человек из общего числа в 26,6 миллиона человек. При этом безвозвратные потери гражданского населения России составили 6,4 миллиона человек.

Вооруженные силы СССР за годы войны потеряли погибшими 8 миллионов 668 тысяч 400 военнослужащих. Две трети из них русские: 5 миллионов 756 тысяч человек. Чеченцев и ингушей в СССР за годы войны погибли 2300 человек, тогда как в ходе ликвидации бандформирований в то время на Северном Кавказе в десятки раз больше.

Среди пяти национальностей СССР, представители которых понесли наибольшие потери погибшими в войне, были: украинцы - 1 377 тысяч человек; белорусы — 252,9 тысячи человек; татары - 187,7 тысячи человек; евреи — 142,5 тысячи человек.

Всего за годы войны были мобилизованы в ВС 34 миллиона 476,7 тысячи человек. При этом в России было изъято наибольшее число трудоспособных граждан - 22,2%, тогда как на Украине - 12,2%. Таким образом, на долю России пришлось наибольшее число мобилизованных: были призваны 21 миллион 187,6 тысячи военнообязанных.

Верные своему патриотическому и военному долгу, воинской присяге, советские воины, солдаты, офицеры и генералы проявили в годы ВОВ массовый героизм, изгнали агрессора с родной земли, разгромили нацистскую Германию и принесли свободу народам Европы. Неся потери, советские воины в жестоких боях разбили 508 дивизий немцев и их союзников, приняли капитуляцию 87 вражеских дивизий и 9 бригад. Наши союзники разгромили 179 вражеских дивизий, и перед ними капитулировали 46 дивизий и 9 бригад. Таким образом, советские ВС уничтожили 72% всего суммарного количества соединений нацистской Германии и ее союзников. Советско-германский фронт был самым напряженным по ведению боевых действий во всей Второй мировой войне. Из 1418 дней его существования 1320 дней занимали ширококомасштабные операции с участием крупных группировок войск с обеих сторон. В этой связи, конечно, значение штрафных частей Красной Армии в войне было весьма незначительным. Эти части юридически существова-

ли с сентября 1942 по май 1945 года. За весь период в штрафные батальоны и роты были направлены 427910 человек, то есть менее 1,2% от общего числа мобилизованных. Среднемесячная численность всех штрафных частей не превышала 27400 человек, то есть была менее половины процента от состава действующей армии.

Жестокая судьба ждала советских военнопленных. По данным вермахта, к 1 мая 1944 года общее число истребленных советских военнопленных составило 3 миллиона 291 тысячу 157 человек, из них умер-

ли в лагерях 1981000 человек, расстреляны или убиты при попытке к бегству 1030157 человек, погибли «в пути» 280000 человек. Интересно, что по распоряжению Гитлера из числа советских военнопленных были освобождены 318770 человек, включая украинцев (277761 человек), белорусов, немцев Поволжья и прибалтов. Кроме того, немцы освободили дополнительно тех, кто вступал в добровольческие охранные и полицейские формирования: около 506 тысяч.

Всего в плен попали 4560 тысяч военнослужащих, из которых 1836,5 тысячи человек вернулись в СССР, 180 тысяч стали эмигрантами (менее 4%), около 2,5 миллиона погибли.

Среди тех, кто перешел на сторону нацистской Германии и выступил против СССР находились и бывшие граждане СССР, включая военнопленных. Всего в эти части входили менее 180 тысяч человек. Эти воинские формирования врага, создававшиеся из граждан СССР, включали в себя власовцев, а именно так называемую Русскую освободительную армию генерала Власова, и некоторые казачьи части, включавшие в себя и эмигрантов, руководимые немецким генералом фон Панвицем. Если учесть, что на оккупированной территории СССР остались примерно 75 миллионов человек, то число перешедших на сторону врага оказалось весьма незначительным - менее полпроцента.

Следует учесть, что, концентрируя государственную политику в сфере национальных отношений вокруг русского народа, Сталин, тем не менее, всегда с волнением наблюдал за развитием этого процесса. Военная обстановка как нельзя лучше способствовала проверке истинности этих усилий. Фельдмаршал фон Бок, главнокомандующий группой армий «Центр», наступавший с ней в 1941 году на Москву, оставил воспоминания о разговоре с пленным майором Я. И. Джугашвили. В частности, сын Сталина сказал, что сам Сталин боится русского национального движения и создания оппози-

ционного режиму национального русского правительства. Генсек считал развитие этой тенденции весьма опасным для хода событий в условиях, когда СССР подвергся массовой внешней агрессии. Согласно этим заметкам, Сталин не боялся оккупации страны чужеземными армиями, но боялся «внутреннего врага», русской национальной революции по мере продвижения немцев.

Сплочение страны вокруг русского народа в период внешней агрессии оказалось дальновидной мерой. Русские национальные формирования в вермахте как по абсолютным величинам, так и в сравнении с другими национальными формированиями из числа представителей народов СССР, перешедших на сторону нацистов, явились незначительным фактором в условиях войны. Если первые насчитывали около 180 тысяч, то вторые — более 600 тысяч. Причем если Гитлер вплоть до 1945 года всегда противился созданию русских национальных частей в Германии, то приказ о формировании так называемых тюркских и кавказских легионов он отдал еще осенью 1941 года, благо, недостатка в таких людях у нацистов не было.

Особый размах приняло формирование национальных полицейских отрядов, которые в феврале 1943 года стали полками полиции СС. Так, на Украине был создан 71 батальон СС из числа украинцев, насчитывающий 70 тысяч человек; в Латвии и Литве — 64 батальона СС, насчитывающих 28 тысяч человек; в маленькой Эстонии было 26 полков СС из эстонцев.

Кроме полицейских формирований СС, существовали военные формирования СС, или Ваффен-СС, которые включали в себя и добровольческие иностранные части. Эти иностранные легионы Гитлера являлись составными частями системы СС. Среди них следует назвать 14-ю гренадерскую дивизию СС полного состава (14 тысяч человек), также называемую 1-й украинской дивизией СС, или дивизией «Галичина»; 15-ю и 19-ю гренадерские дивизии Ваффен-СС (или соответственно 1-я и 2-я латышские дивизии СС) в составе 42 тысяч, 20-ю Ваффе — гренадерскую дивизию СС (или 1-я эстонская). Существовали также вспомогательные части нацистской военной машины, которые не входили в систему СС, но контролировались ею. Среди таких вспомогательных полицейских частей, взаимодействовавших с эйнзацкомандами, дурную славу стяжали украинские части. Они участвовали в ликвидации еврейского населения на Украине, а также помогали охранным отрядам СС в обеспечении

охраны концлагерей, где также участвовали в уничтожении советских военнопленных и других направленных туда оккупантами лиц. Именно украинские полиция сожгли белорусскую деревню Хатынь с ее населением.

Международный суд в Нюрнберге констатировал, что организация СС как в целом, так и такая ее часть, как Ваффен-СС, «несут прямую ответственность за убийства пленных и массовые казни на оккупированных территориях». Никто не может оправдать действия как организации СС, так и находившихся у нее на службе печально известных частей Ваффен-СС из добровольцев-мусульман и украинских вспомогательных частей, выполнявших функции карателей и охранявших концлагеря. В число последних входили такие формирования СС, как Кавказский легион СС, состоявший из азербайджанцев, армян, грузин, чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев и представителей других национальностей Кавказа, и среднеазиатский легион СС, состоявший из мусульман. Все эти формирования не представляли собой в военном отношении ценных боевых единиц.

В целом народы СССР в период ВОВ проявили стойкость и решительность, сплотившись в борьбе против внешнего врага вокруг русского народа. Таким образом, национальная политика Сталина в предвоенные годы заложила тот фундамент национальных отношений, на котором была выкована победа. Число отступников и предателей было весьма незначительным. В основном они происходили либо из деклассированных уголовных элементов, либо с территорий, которые отошли к СССР в период 1939—1940 годов. Это касается Западной Украины, прибалтийских государств, а также национальных регионов с влиянием традиционного исламского фундаментализма. Итоги ВОВ весьма убедительно показывают достижения советской системы в разработке и решении национального вопроса накануне глобального военного конфликта.

После войны тенденции к ускорению образования новой общности народов СССР сохранились. Ведется беспощадная борьба с национализмом всякого рода и племени, укрепляется стремление всемерно расширить влияние русского языка как единственного языка единой социалистической нации. Более того, в своей последней крупной работе «Экономические проблемы социализма в СССР» (1952 год) Сталин вообще не упоминает ни о дружбе народов, ни о самих народах. Он фокусирует внимание на проблеме

«человек с его потребностями, то есть удовлетворении его материальных и культурных потребностей». Сталин рассматривает и исходит в своих рассуждениях о человеке и социалистическом производстве из той реальности, что существует социалистическое общество. Для него как революционера и интернационалиста этот факт означает, что наций, народностей и так далее уже не существует. Социалистическое общество может состоять только из рабочих, крестьян и рабоче-крестьянской интеллигенции. Рассмотрение национального вопроса в этих условиях является контрпродуктивным делом, если не сказать, контрреволюционным. Любая постановка вопроса о нациях в условиях функционирования социалистической формации была идейно ретроградной и идеологически слепой. Конечно, эти положения не были закреплены в правовых нормах. Но любой член большевистской партии должен был это понимать. Однако среди них было много коммунистов. Поэтому в СССР на рубеже 1940-50-х годов наблюдается резкая идеологическая волна борьбы с космополитизмом. У большевика нет национальности, у коммуниста она есть. Недаром правые коммунисты в России основывали свое бытие на мелкобуржуазных ценностях, а фашизм и национал-социализм развились на слове и деле из доктрины коммунизма. Большевизм как самобытная идеологическая доктрина России был чем-то вроде модернистского советского православия всех советских людей. В общем, подобная уникальность и однородность служили главной цели советской власти: созданию крепкого и великого государства.

Характерный факт того времени: разгром Сталиным выдержанной в духе космополитического коммунизма оперы-балета Ванно Мурадели «Дружба народов». Понятно, когда генсек одновременно обрушивается на мелкобуржуазные духовные ценности, раскрытием которых в своих произведениях занимались М. Зощенко, А. Ахматова и ряд других крупнейших русских советских писателей и поэтов. За что же пострадал Мурадели? За то, что не читал как живших, так и живущих классиков. Такой высший авторитет был: не кто иной, как Ленин, предупреждал, что социализм есть гигантское ускорение сближения и слияния наций. При этом важно, что пролетариат «не только не берется отстоять национальное развитие каждой нации, а напротив, предостерегает массы от таких иллюзий». А Сталин всегда любил подчеркивать: «Против Ленина не пойдём».

Что, в общем, он и делает в своей последней большой работе, упомянутой выше. Здесь Сталин как раз и обращает внимание всех в стране, что в СССР уже существует социалистическая форма хозяйствования, которая определяет весь комплекс производственных и общественных отношений в стране. По словам генсека, эта связь носит статус объективного закона. Не пожалев Энгельса, жестко его раскритиковав за путаность и памятуя о своих более ранних замечаниях о нем как носителе мелкобуржуазного национализма, Сталин уже и к остальным, более мелким представителям этого уклона не может относиться иначе. Поэтому конец 40-х годов и характеризуется резким началом борьбы с космополитизмом, «иноземным идолопоклонством» и национализмом во всех сферах общественной жизни страны.

Постулировав наличие социалистического производства, Сталин указывает на существование и дальнейшее развитие на этой основе социалистического общества и даже социалистической страны как единой системы социалистическое «общество — государство». Но в данной системе нет наций, а есть рабочие, крестьяне и представители интеллигенции. Кому и зачем в таком случае надо ставить национальный вопрос на повестку дня, как не врагам советской власти и социализма? Отсюда вся мощь государственной реакции, которая обрушилась на проявления несоциалистических идей.

Характерно, что «Экономические проблемы социализма в СССР» имеют датировку 1 февраля — 28 сентября 1952 года. В это время с 8 мая по 18 июня 1952 года проходит закрытое судебное заседание Военной коллегии Верховного суда СССР по так называемому делу Еврейского антифашистского комитета (ЕАК). Как утверждалось в приговоре суда, обвиняемым вменялось командование «организацией ЕАК для объединения еврейских националистов на борьбу против национальной политики партии и советского государства», а также развертывание националистической деятельности «под прикрытием ЕАК». Далее в приговоре суда говорилось: «Руководители ЕАК в своих публичных устных выступлениях, в статьях газеты «Эйникайт» («Единство») и других литературных произведениях пропагандировали национальную ограниченность и обособленность евреев, лживый тезис об исключительности еврейского народа как народа, проявившего якобы исключительный героизм в борьбе с фашизмом и имеющего якобы исключительные заслуги в труде, и науке. Идеа-

лизируя далекое прошлое, они воспевали в националистическом духе библейские образы, пропагандировали идею внеклассового «братского» единения евреев всего мира только по признаку «одной крови», тем самым смыкались с буржуазными националистами США, Палестины и других государств. Своей пропагандой руководители ЕАК возбуждали среди еврейского населения националистические и сионистские настроения и распространяли клеветнические слухи о якобы процветающем в СССР антисемитизме. Ярким примером смыкания руководителей ЕАК в националистической деятельности с еврейскими националистами США является издание в 1946 году так называемой «Черной книги». В этой книге евреи обособляются в отдельную, противопоставляемую другим народам категорию, преувеличивается вклад евреев в мировую цивилизацию, концентрируется внимание на жертвах, понесенных евреями во Второй мировой войне, и протаскивается мысль, что фашизм представлял угрозу якобы только для евреев, а не для всех народов и мировой цивилизации».

В своем последнем слове все обвиняемые признали свою вину по предъявленным обвинениям. Характерна была фраза Лины Штерн, единственной из обвиняемых, пережившей процесс и дожившей до наших дней: «То, что мне вменяется в вину как космополитизм, с моей точки зрения, является интернационализмом». Налицо непонимание генеральной партийной установки, разделяющей космополитический коммунизм с его апофеозом наций и большевизма с его главной целью — созданием одной социалистической нации. Между тем Л. Штерн на время суда являлась действительным членом (академиком) Академии наук СССР. Другие обвиняемые не имели даже высшего образования, как, например, Соломон Лозовский, который был, однако, замнаркоминдел СССР и начальником Совинформбюро.

Весьма интересны ответы известного советского поэта-орденоносца Исаака Фефера на вопросы председательствующего в суде. Председательствующий спрашивает: «В вашей поэзии вы обращаетесь к каким-то древним образам, как «Волосы Самсона», «Мудрые морщины рабы Акви», «Мысль нашего чудесного Соломона мудрого» и т.д. Где тут культура советских людей?» Поэт Фефер отвечает: «...я не считаю, что нужно отказываться от Соломона... Я также приводил в пример Покрышкина ... Оно, конечно, неудачно, мож-

но было лучше сказать, ибо не он один в конечном счете отстаивал Москву».

Поэт Фефер был настоящим идеологическим бойцом партии, однако имел свойство на митингах призывать к строительству социализма, оставаясь вместе с тем дремучим националистом, который не понимает, что социализм и национализм — вещи несовместимые.

Когда произносились эти речи в суде, Сталин дописывал труд о социалистической формации и ее людях, которые изжили все националистические уклоны и старые предания. Может быть, после чтения свежих протоколов судебного заседания он пишет: «Я думаю, что ...должны покончить с этим несоответствием между старыми понятиями и новым положением вещей в нашей социалистической стране, заменив старые понятия новыми, соответствующими новому положению. Мы могли терпеть это несоответствие до известного времени, но теперь пришло время, когда мы должны, наконец, ликвидировать это несоответствие».

Можно понять генсека, поставившего перед собой цель - осуществить грандиозный социалистический проект и создать нового социалистического человека, но не встречающего понимание у самых образованных представителей своей страны: академика, члена-корреспондента, поэтов-орденоносцев, заместителя министра НКВД и директора главного информационного агентства страны, замминистра Госконтроля, заместителя редактора дипломатического словаря. Получается, что цвет советской интеллигенции только на словах выражает единство и любовь к линии партии, оставаясь в душе в лучшем случае ее попутчиками. Показания обвиняемых в суде могли убедить Сталина, что их позиция сложилась не в силу непонимания стратегических целей партии, но была их осознанным мировоззрением, исходящим из примитивного национал-шовинизма.

Поэтому Сталин обращается к детальному изучению социума при социализме. Он пишет о таких его категориях, как рабочий, директор, инженер, мастер и так далее, но подчеркивает, что на современном этапе такая детализация объективно исчезает. Генсек указывает, что при социалистическом строе имеются лишь члены единого производственного коллектива. И цель у них одна — кровная заинтересованность в преуспевании и улучшении производства. Национальному вопросу здесь нет места по объективным обстоятельствам, а его выпячивание - заблуждение, ошибка, которые необхо-

димо публично признать и искоренить. Далее Сталин настаивает, что данная проблема не ставилась классиками марксизма. «Это новая проблема, поставленная практикой нашего социалистического строительства. Эту проблему нельзя считать надуманной. Наоборот, она является для нас в высшей степени серьезной проблемой».

Не надо быть академиком и замминистра, чтобы понять, что, когда автор пишет о качественном развитии наследия классиков, он претендует на роль классика. Кроме того, он был еще и руководителем правящей партии и государства, а также признанным толкователем и продолжателем идей Ленина, Маркса и Энгельса. Порядок везде и всюду один: если работник получает зарплату от государства, то должен выполнять поручения руководителей и органов государства, даже если не понимает их сути. И один из категорических императивов той поры был следующий: всякая националистическая деятельность есть антисоветская деятельность, ибо препятствует претворению в жизнь главной цели - построению бесклассового общества.

Итак, национальная политика партии и правительства в послевоенный период состояла в полном искоренении национализма любого толка. Первые аресты по делу ЕАК состоялись в декабре 1947 года. Одновременно раскручивались и другие дела по обвинению в космополитизме и национализме. Страна встала перед необходимостью усилить внутреннее сплочение и солидарность общества и государства, партии и народа. Вновь набирала мощь глобальная конфронтация между двумя лагерями, возглавляемыми СССР и США. Поэтому на идейном фронте сплочение вылилось в борьбу с космополитизмом. Еще более серьезной была задача выявления руководящих элементов, засоренных космополитическими и националистическими тенденциями. Несомненно, замена Политбюро и Оргбюро Президиумом ЦК КПСС на XIX съезде партии в 1952 году означала в планах Сталина новый виток борьбы за главный приз — планету. В президиум входили 26 новых членов высшего руководства партии. Это были молодые люди. Кроме того, в президиум входили 10 старых членов Политбюро.

В этом отношении показательно «ленинградское дело», в центре которого по персональному составу стояла фигура члена Политбюро ЦК ВКП (б), первого заместителя председателя Совета Министров СССР, председателя Госплана СССР, академика Академии наук

СССР Н. А. Вознесенского, талантливого экономиста и государственного деятеля. Кроме того, по делу проходили А. А. Кузнецов, секретарь ЦК, отвечавший за кадры, в том числе и органов безопасности, М. И. Родионов, председатель Совмина РСФСР, П. С. Попков, первый секретарь Ленинградского обкома и горкома ВКП (б), а также другие ленинградские партийные и хозяйственные руководители - Я. Ф. Капустин, П. Г. Лазутин и другие. Все они были арестованы в 1949 году после смерти А. Жданова, последовавшей в августе 1948 года, и признаны 1 октября 1950 года виновными в том, что, «объединившись в 1938 году в антисоветскую группу, проводили подрывную деятельность в партии, направленную на отрыв Ленинградской партийной организации от ЦК ВКП (б) с целью превратить ее в опору для борьбы с партией и ее ЦК». Через час после оглашения приговора все были расстреляны.

В отличие от судебных протоколов по делу ЕАК, протоколы «ленинградского дела» закрыты до сих пор. Поэтому можно реконструировать события, полагая, что курс Сталина на изживание националистических уклонов одинаков для всех, будь то Михоэлс или Вознесенский. Оба — таланты в своей сфере, но в сфере национальной политики, когда решался вопрос о мировом господстве, оказались некомпетентными и пошли против точки зрения генсека. Пока Жданов оставался официальным идеологом партии и доверенным лицом Сталина, его сподвижников и выдвинутых из Ленинграда не беспокоили, но, как оказалось впоследствии, все их слова и поступки записывались и документировались. Даже одного документа, как, например, обращения М. И. Родионова лично к Сталину, было бы достаточно для смещения его, а также сопричастных лиц с должности и предания суду. В этом документе содержалось обоснование создания коммунистической партии РСФСР Сталину, который боролся с подобными явлениями в 1920-х годах на Украине, предлагается через 30 лет то, чего он категорически не переносил, считая идейной слепотой и мелкобуржуазным националистическим пережитком. После того как Л. Берия и Г. Маленков предоставили Сталину еще большее количество компрометирующего фигурантов в этом направлении материала, их судьба была решена.

Упомянутую уже книгу «Экономические проблемы социализма в СССР» следует также рассматривать как теоретический экскурс Сталина при подготовке им материалов к очередному съезду партии,

намеченному на октябрь 1952 года. Сталин прямо указывает, что в 1952 году сложились такие противоречия между капитализмом и социализмом, а также между капиталистическими странами, какие были только перед Второй мировой войной. Однако, «чтобы устранить неизбежность войн, нужно уничтожить империализм». И далее генсек говорит: «При известном стечении обстоятельств борьба за мир разовьется кое-где в борьбу за социализм, но это будет уже не современное движение за мир, а движение за свержение капитализма». Он поясняет, что нынешнее положение в мире является «всеобщим кризисом мировой системы капитализма, охватывающим как экономику, так и политику». Этот кризис произошел с началом Первой мировой войны и продолжается по настоящее (т. е. 1952 г.) время. При этом, когда имеет место усиливающееся разложение мировой системы капитализма, то «экономическая мощь отпавших от капитализма стран — СССР, Китая и других народно-демократических стран» - растет.

Что из этого следует, Сталин рассказал лишь 14 октября 1952 года, когда выступил с единственной речью на XIX съезде КПСС. Генсек вновь увязал вопросы мировой политики и войны с национальным вопросом, но уже как вопросом внешнеполитическим и партийным. В этом коротком публичном выступлении, как оказалось последнем, Сталин сказал: «...нашей партии присвоили звание «Ударной бригады» мирового революционного и рабочего движения. Этим... выражали надежду, что успехи «Ударной бригады» облегчат положение народам, томящимся под гнетом капитализма. Конечно, очень трудно было выполнять эту почетную роль, пока «Ударная бригада» была одна-единственная и пока приходилось ей выполнять эту передовую роль почти в одиночестве. Теперь совсем другое дело.... Знамя национальной независимости и национального суверенитета выброшено за борт (буржуазией Запада). Нет сомнения, что это знамя придется поднять вам, представителям коммунистических и демократических партий, и понести его вперед... Его некому больше поднять...»

Интересно, что Сталин вошел в верхи РСДРП (б) в том числе благодаря своей работе по национальному вопросу, которую отметил Ленин, и заканчивает свою публичную деятельность также акцентированием внимания на «проклятом» национальном вопросе. Однако диалектика его мысли здесь очевидна. Решив внутри

СССР национальный вопрос в пользу ускоренного слияния всех советских наций и народов в единую социалистическую нацию, он переносит выработанные и проверенные методы и средства «урегулирования» национальных отношений внутри страны в международное пространство. Надо полагать, он начал бы спланировать мировую общность людей вокруг русского народа, этого центра мировой «зональной общности». Со всеми уклоняющимися от этой генеральной линии поступали бы в соответствии с имеющимися прецедентами во внутренних национальных отношениях. Все это, безусловно, насторожило и напрягло мировых империалистических хищников, в первую очередь США.

Конечно, это экстраполяция его деятельности в сфере национальных отношений в межгосударственном масштабе. Однако полезно прислушаться к мнению Шарля де Голля, высказанному 6 марта 1953 года: «Сталин имел колоссальный авторитет, и не только в России. Он умел «приручать» своих врагов, не паниковать при проигрыше и не наслаждаться победами. А побед у него было больше, чем поражений».

Преемники Сталина в сфере национальных отношений не подтвердили его курс. Отличие состояло в том, что они «забыли» его слова на XIX партсъезде о переносе национального акцента во внешнеполитическую сферу. По существу, игнорирование указания Сталина означало политическое ренегатство. Последнее обстоятельство было связано с отступлением партийного руководства от имевшихся достижений в деле создания единой национальной общности. Так, при Н. Хрущеве стали придавать значительно больше значения несправедливостям, подчас надуманным, совершаемым с отдельными народами. Все это знаменовало ретроградное развитие событий на фронте национального строительства. Хрущев и его руководство посчитали за «дружбу народов» расцвет культурно-государственного строительства в СССР. По Сталину, это был прошедший этап внутригосударственной жизни, который требовалось мощью и влиянием СССР перенести вовне, в международную сферу.

Такой национальной политикой хрущевское руководство потаило руководителям советских национальных компартий. Немногие из них оказывались на высоте положения, что неизбежно возвращало СССР 1960-х годов в начало 1930-х. Тогда Сталин вел упорную борьбу с партийными вельможами, обраставшими как в цент-

ральных ведомствах, так и в национальных столицах «необходимыми» им людьми. Хрущевская «национальная» политика способствовала созданию национально-партийных клик, заправлявших союзно-республиканскими делами в своих личных интересах. В большой степени практика внедрения совнархозов при таком положении дел вела к хозяйственной независимости «партийно-национальных» вельмож. И даже упразднение совнархозов уже не смогло восстановить положение; значительная часть их экономики ушла «в тень». И начался стремительный рост «национальных элит», благо, а это общеизвестный мировой факт, что в 1960-1980 годах в СССР налицо был огромный рост числа специалистов с высшим образованием и национальным «душком». На национальных окраинах СССР без продолжения прежней национальной политики это означало рост окраинного «национального сознания» в ущерб советскому социалистическому сознанию. Создались условия для распада цельности и единства духовного пространства нации. Стали замечаться тенденции к ущемлению русского языка и росту значения местных языков. Национальный уклон на окраинах укреплялся за счет гипертрофированного внимания и придания значения проявлениям местного самосознания в виде публикаций на национальных языках материалов по истории, культуре, традициям народов СССР. Понятно, что не замедлил сказаться рост традиционного национализма в таких национальных регионах, как Украина, Казахстан, Узбекистан. Таким образом, вся работа по созданию действительно единой советской общности - плоды полувековой работы страны на национальном фронте - пошла впустую, благодаря, иначе не скажешь, волонтаристской политике Н. Хрущева. Понятно, что не остались вне этого националистического процесса советские евреи и прибалтийские республики.

На место конструктивного курса консолидации и солидаризации нации был поставлен деструктивный, разделяющий. Но даже если бы Хрущев и предлагал нечто новое, отличное от сталинского курса в сфере национальных отношений, необходимо было делать это постепенно. Ибо, как говорил Сталин: «Не забывайте принесенных вами жертв. Только тогда вы сможете смело смотреть в будущее».

Л. И. Брежнев и его преемник Ю. В. Андропов боролись с этими перегибами национальной политики государства по-разному. Если Брежнев пытался вернуться к проверенным методам сталинского

периода, то Андропов взял курс на прямое искоренение явлений, не соответствующих советскому образу жизни. Брежнев понимал, что национального единства можно достичь лишь на путях единения национальной общности. В условиях махрового постхрущевского расцвета «дружбы народов» генсек обращает особое внимание на формирование национального сознания общества на единой правовой основе. Можно констатировать, что закрепление в брежневской Конституции СССР 1977 года курса на формирование «новой исторической общности - советского народа» означало отход от политики «дружбы народов» к постепенному эволюционному движению в нужном направлении, укреплявшем государство. Можно даже утверждать, что принятие новой Конституции диктовалось именно ситуацией с национальным вопросом в стране, а точнее, его влиянием на ход развития и углубления социалистических отношений в обществе. Брежнев, как представитель старой партийной школы, получавший идейные откровения от самого классика марксизма-ленинизма, не мог не знать о важности и силе воздействия на умы людей правды жизни, содержащейся в партийных установках сталинского периода касательно национального вопроса. Отсюда его стремление обеспечить единство идеологии и практики на основе осознанных людьми необходимости и достаточности интересов общества. Это была стратегическая линия на изменение социального сознания.

Андропов выбрал тактическую линию действия. Его деятельность как генсека проходила под знаком укрепления дисциплины в среде представителей партийно-государственного аппарата, а также, конечно, в трудовых коллективах. Воздействуя на эту среду силовыми методами, Андропов делал ставку на охранительные социальные инстинкты, когда под угрозой лишения «тепленького» места начальник будет повышать производительность труда и иные экономические показатели во вверенной ему организации, избегать коррупции и бюрократической волокиты. В течение года он заменил до 20% союзных министров и первых секретарей обкомов, включая «национальные кадры».

Однако при Андропове и его преемниках К. Черненко и М. Горбачеве «новая историческая общность» выступала не в виде единого советского народа, но как простое механическое численное единство проживающих в СССР наций и народностей. Ни один партий-

ный документ того периода не содержит действительно реальных мер для создания консолидированной нации согласно Конституции СССР 1977 года. Те положения национальной политики, которые там есть, сводят ее к формированию конгломерата народов, материального фундамента и указующей партийной риторики.

Парадоксальным образом 10 апреля 1984 года К. Черненко на партийном пленуме утверждает, что окончательное слияние наций произойдет при коммунизме. Таким образом, генсек опровергает партийную установку XVIII съезда ВПК (б) (1939 г.), констатирующую формирование социалистической нации в СССР и ставящую задачу принятия мер к ее упрочению.

Дальнейшая дискуссия на пленуме указывает на то, что национальные отношения должны совершенствоваться на основе диалектического взаимодействия интернациональных и национально-специфических сторон жизни советских людей. Однако этот диалектический скачок, который приведет к синтезу советских народов в единую советскую нацию, оказывается, произойдет только тогда, когда каждая союзная республика будет развивать у себя региональную хозяйственную специализацию и кооперацию, развивать свой народно-хозяйственный комплекс. Вновь непонимание проблемы: двадцатью годами ранее были упразднены совнархозы, которым в том числе ставилось в вину косвенное распространение национального сепаратизма на основе автономности хозяйственной жизни.

Таким образом, при двух последних генсеках основная партийная установка по национальному вопросу сводилась к пассивному созерцанию национальной действительности в ожидании диалектического скачка, когда в результате откровения свыше или «согласно действию объективного общественного закона» все советские народы превратятся в мгновение ока в единую монолитную нацию. Однако в ожидании этого момента можно и позволительно было выступать с пространными, но совершенно пустыми партийными документами по национальному вопросу, включая особенности национально-специфических сторон духовной жизни советских народов. Указывалось также, что характерной чертой движения в нужном для сплочения направлении является фактор многонациональности состава населения СССР (!?). Сталин пятьюдесятью годами ранее говорил об обратном... Кстати, на последнем XXVI съезде КПСС, на котором еще председательствовал Л. И. Брежнев, о многонацио-

нальности состава населения говорили совершенно в другом контексте, а именно, что надо бы за этим делом наладить строгий партийный контроль и разобраться, отчего эта многонациональность происходит. То есть в том смысле, что надо совладать с этим явлением и пресечь его. Однако при Черненко и Горбачеве размножение количества наций, напротив, стало значимым партийным показателем. Так, на упомянутом пленуме горделиво приводились цифры по количеству национальностей в союзных республиках в сравнении с 1939 годом. Оказалось, что, например, в Узбекистане наблюдается желаемый рост в 2,5 раза: с 50 до 120 национальностей. Все присутствующие похвалили узбекского лидера за успехи на фронте национального строительства и расцвета национальных культур больших и малых народов. Между тем тремя годами ранее Брежнев на партсъезде буквально заклинал присутствующих обратить внимание на опасную динамику в развитии единства наций, когда речь идет о таком крупном многонациональном государстве, как СССР. И оказался прав. Сегодня, в 2003 году, можно констатировать, что многонациональность СССР и была одним из двух главных факторов, объективно способствовавших развалу СССР.

Разумеется, не обошлось и без субъективного фактора — человеческого. Однако второй главный фактор — экономический — был проведен заинтересованными лицами именно под прикрытием национального, точнее, многонационального фактора, с помощью которого начали развал страны, выдав его за объективный фактор «системного кризиса».

Умышленное ли, неумышленное ли попустительское центробежным тенденциям в национальной политике СССР, начатое Хрущевым и усилившееся при Черненко и особенно Горбачеве (исключая из этого ряда Л. Брежнева), привело к банкротству государственной политики по созданию одной и единой нации и послужило основой эскалации дальнейших событий, приведших к развалу СССР.

Вместе с темой о национальном вопросе в СССР нельзя не отметить использование его иностранными государствами в подрывных целях. Характерно, что все эти «институты», «общества» и «фонды» по изучению СССР в данной сфере стали возникать только после смерти Сталина. При нем в практическом плане этот вопрос было ставить нельзя. Любая причастность к таким планам отслеживалась точно и каралась жестко. Без нужных кадров особо не размахнешь-

ся, а кадров не было: «нет человека — нет проблемы». Ослабление внимания спецорганов государства и самого государства к подрывной стороне вопроса запустили те жернова истории, которые смолотили государство в пыль истории.

Как сказал в 1953 году один из основателей такого «изучения» СССР полковник Дж. Уилер: «Национальные проблемы являются ахиллесовой пятой коммунистической сверхдержавы». В эту пяту полковник с соратниками «по плащу и кинжалу», а это, напомним, были кадровые разведчики и контрразведчики, направляли болезненные для постсталинского руководства стрелы. Заметим, что при Сталине таких проблем не было. Когда руководители стран Запада осмыслили высказывание Сталина на партсъезде в октябре 1952 года о переносе национального строительства в международные сферы, они поняли, что при последовательности и неотвратимости принятых генсеком мер и его воли Западу наступит скоро конец. Это заставило западных демократов обратиться лицом к использованию подрывных операций против СССР. Чтобы раскрутить маховик в нужном направлении, западные теоретики «национального вопроса в СССР» доходили до удивительных вещей. Они утверждали: «Партия не принуждает русских изучать языки других советских народов, а обратное имеет место» и так далее.

Нельзя не отметить, что в эпоху Брежнева накал радикализации работы подобных «центров» спал. Более того, появлялись некоторые примирительные нотки: «Продолжительность жизни советских азиатов выросла с 40 до 70 лет» или «местные националы живут не хуже, а часто даже лучше, чем их русские колонизаторы» и так далее.

Сталина и Брежнева как закаленных историей людей трудно было «купить» на эти идеологические провокации. Они вели страну согласно собственному курсу, который был стратегическим. Андропов ограничивался тактическими целями. Однако деятельность других трех постсталинских генсеков иначе как подрывной, направленной против собственного государства не назовешь.

Так, в конце 1950-х - начале 1960-х годов Запад особенно сильно муссировал тезисы о «русификации» и «ассимиляции» нерусского населения СССР. Хрущев сразу попался на этот «подрывной» крючок и дал команду интенсифицировать расцвет «дружбы народов СССР». Стали быстро увеличиваться тиражи и количество газет, школ и театров на национальных языках. И все это сравнивалось с

1913 годом, когда существовало «только 13 национальных художественных литератур». При Хрущеве их количество резко подняли до 78. Доходило до абсурда, когда и без того малые материальные ресурсы страны направлялись на создание письменного языка и букваря «народов», численность которых не превосходила двух-трех человек. Тем не менее подобные факты приводились в качестве торжества советской национальной политики Хрущева-Черненко-Горбачева. С чувством глубокой гордости за сделанное центральная партийная печать приводит в 1985 году такую фразу: «Между тем о какой ассимиляции в СССР может идти речь, если в стране в тесном единстве живут 36 социалистических наций, 32 народности, 37 национальных и 18 этнических групп, четко сохраняющих свою определенность?» Абсурд фразы уже в том, что «единство» ставится синонимом «четкой определенности». Однако генсекам не было дела до филологического абсурда, задача стояла шире — возвести национальный абсурд в ранг закона страны и реализовать при этом определенные цели. Может быть, развал СССР?

Вполне определенным представляется то, что искусственно раздуваемые при попустительстве последнего генсека националистические настроения явились одним из факторов разрушения СССР. Важно здесь то, что в единодушном порыве свершить это соединились внешние империалистические силы и руководящая «пятая колонна» внутри страны. Национальные отношения стали «троянским конем», скрывающим истинные причины распада СССР.

Глава VII

Особенности советской национальной политики: ленинский и сталинский периоды

II Всероссийский съезд Советов состоялся 25—27 октября (7-9 ноября н. ст.) 1917 года в Петрограде, в Смольном. Опираясь на победу Октябрьского вооруженного восстания, съезд провозглашает в пять часов утра 25 октября 1917 года установление в стране советской власти. В 3 часа 10 минут на съезде была оглашена весть об аресте Временного правительства. Ключевым первым законодательным актом советской власти был документ, имевший название «Рабочим, солдатам и крестьянам!» Документ был принят 505 голосами, против выступили 165.

После низложения Временного правительства Россия была объявлена Лениным парламентской республикой, где вся полнота власти в стране принадлежит II съезду Советов, а на местах - местным Советам. На съезде присутствовали 670 делегатов, из которых около 200 представляли национальные территории, в том числе те, где впоследствии были организованы советские республики: Украина, Белоруссия, Эстония, Латвия, Литва, Закавказье, Туркестан, Молдавия, Крым и другие.

Съезд не провозгласил федеративного устройства государства, а содержание принятых документов указывает на фактически унитарный характер нового государства. В ряде документов съезда, в том числе и об образовании нового правительства - Совета народных комиссаров, отмечалось, что советская власть «обеспечит всем нациям, населяющим Россию, подлинное право на самоопределение». Кроме центральных органов советской власти, непосредственной работой по созданию национальной государственности должен был заниматься Наркомат по делам национальностей, созданный съездом 8 ноября. Вплоть до упразднения Наркомнаца в 1923 году его руководителем являлся И. Сталин.

Наркомнацу вменялось в обязанность исполнение основных функций по практическому осуществлению национальной политики советской власти: право народов России на самоопределение, равенство и суверенитет, свободное развитие. Кроме того, ведомство содействовало организации национальных республик, областей, вело работу с национальными кадрами, направляло усилия страны на преодоление экономической и культурной отсталости национальных окраин, стремилось к воссозданию на новых социалистических началах государственного единства страны. В структуре наркомата было 11 комиссариатов (польский, литовский, мусульманский, еврейский, армянский, белорусский, немцев Поволжья, горцев Кавказа, грузинский, латышский, чехословацкий) и 8 отделов (народов Поволжья, киргизский, марийский, народов Сибири, украинский, эстонский, волжский, чувашский), которые вели политическую, пропагандистскую, культурно-просветительную, информационную, организационную и иную работу.

Решения II съезда Советов по национальному вопросу в общем отражали позицию большевиков до 1917 года. Эта ленинская позиция состояла в сохранении крупного централизованного унитарного государства, где некоторые народы могли иметь национально-территориальную автономию. Ленин был категорически против государственной федерации, предпочитая ей единую Россию с областной (губернской), а затем национально-территориальной автономией. Эту точку зрения он высказал еще на совещании ЦК РСДРП 6 декабря 1913 года в Поронино: «Мы за демократический централизм. Мы за якобинцев против жирондистов. Мы в принципе против федерации — она ослабляет экономическую связь, она негодный тип единого государства. Хочешь отделиться? Проваливай к дьяволу, если ты можешь порвать экономическую связь. Автономия есть наш план устройства демократического государства».

На 7-й Всероссийской (Апрельской) конференции РСДРП (б) 1917 года лидер большевиков стойко выдерживал эту линию. Именно его вмешательство помогло отстоять включение формулировки о самоопределении наций в партийные документы в условиях, когда редакционная комиссия предложила документ, содержащий тезис о недопустимости изменения национальных границ и раздробления крупных государств на мелкие.

Однако ход мировых и внутренних событий побудил большевиков встать на позиции целесообразности федеративного устройства советского государства, дабы привлечь в него народы бывшей империи. Конституция РСФСР, принятая в июле 1918 года, была, по словам Сталина, переходной ступенью «от принудительного царистского унитаризма» к «братскому объединению трудовых масс всех наций и племен России» для достижения цели - «будущего социалистического унитаризма».

В современных международных условиях не существовало единой точки зрения на основы создания федеративных государств. Поэтому то обстоятельство, что Конституция 1918 года регламентировала разграничение компетенции между федеральными и местными органами в России на принципах исключительной компетенции центральных органов и остаточной - местных, явилось позитивным моментом развития национального вопроса. Нет причин говорить о категоричной приверженности большевиков принципу унитарности государства. Ленин писал об этом, рассматривая вопрос о типе государства: « До революции не было еще пролетарских республик. Когда они появились... мы смогли написать то, что мы тут написали: «федеральное объединение государств, организованных по советскому типу».

Только год спустя президент США В. Вильсон договорился до принципа самоопределения наций. На деле же политическая практика показывала иное. Так, в Америке действовали «летучие отряды» Гувера, терроризировавшие левых и социалистов, доходя до тайных их казней, либо устраивавшие судебный фарс, как по делу Сакко и Ванцетти. В другом оплоте «буржуазной демократии» — Британии - не только круто расправлялись с лидерами и активистами национально-освободительных движений в колониях, но и в самой метрополии подвергались травле ирландцы-католики. В отличие от юридической теории буржуазных государств того времени в России дело дошло до практики. Поэтому нет причин сегодня говорить об этих шагах как декларативных. Новое внедрялось в практику медленно, но внедрялось в отличие от Запада, где право наций на самоопределение было действительно декларативным. Примеры с государственно-территориальным разграничением в рамках Версальской системы не в счет, ибо мы говорим о внутреннем устройстве мировых держав, лидеры которых вещали о правах наций везде и всюду,

но только не у себя в стране. Однако необходимо понимать, что Ленин и Сталин ставили во главу решения национального вопроса императив пролетарского интернационализма. В буржуазном праве вообще не существовало соответствующего императива. Выступления глашатаев буржуазного лагеря по национальному вопросу были, по сути, спекулятивной риторикой, если не обманом.

Поэтому появление первых внутренних национальных границ в России еще при жизни Ленина было подтверждением на практике большевистских программных установок. Так, 30 апреля 1918 года была провозглашена Туркестанская советская федеративная республика в составе РСФСР в качестве первого советского государственного образования в Средней Азии; в феврале-марте 1918 года - Терская советская республика в составе кабардинского, балкарского, чеченского, осетинского и ингушского народов и терского казачества и Советская социалистическая республика Тавриды (территории Крымского полуострова). В конце 1918 - начале 1919 года появились Трудовая коммуна Области немцев Поволжья и Башкирская АССР. Всего же к концу 1922 года с помощью Наркомнаца в РСФСР организовано уже 19 автономных республик и областей и две трудовые коммуны, созданные по национальному признаку. Таким образом, центральное правительство гибко реагировало на запросы местных Советов, придавая народам России разные формы их государственности. Так, наряду с национально-государственными образованиями - республиками - имелись и административно-территориальные единицы (области и коммуны).

Большевики выполнили собственные обещания по вопросу национально-государственного строительства, изложенные в Декларации прав народов России, которая была утверждена СНК РСФСР 2(15) ноября 1917 года. В декабре 1917 года советское правительство признало право на отделение за Украиной, Финляндией и Турецкой Арменией, в августе 1918 года отказалось от договоров о разделах Польши, в декабре 1918 года признало независимость Эстонии, Латвии и Литвы, в январе 1919 года — Белоруссии.

Ленин неоднократно пересматривал свою точку зрения на государственное устройство России. Эту позицию он основывал на том, что несокрушимость федерации будет покоиться на добровольности вхождения в нее наций, «без лжи и железа», только в этом случае «будет расти эта федерация... Лучший залог ее несокрушимости — те законы, тот государственный строй, который мы творим у себя».

В первые месяцы существования советской власти большинство Советов через центральный свой орган - съезд - высказалось против новаций в этой сфере, за сохранение унитарности государства. Это понятно, поскольку распад и хаос требовали от народов и их выборных представителей исторической ответственности за судьбу государства. В этих условиях всем было ясно, что сохранение российской государственности могло идти лишь по пути создания унитарного государства, отличительный признак которого есть высокая степень его управляемости.

Дискуссия в правящей партии в начале 20-х годов XX века, отражавшая стремления ряда республик стать полноправными субъектами международных отношений, вызвала раскол партии на два лагеря. Сторонники Сталина стояли на позициях унитарного государства и прав автономии для национальных республик. «Национальные коммунисты» желали обеспечить республикам независимость во всех областях государственной жизни, кроме внешней политики и обороны. В последнем они явно расходились с основополагающим принципом Конституции РСФСР 1918 года - пролетарским интернационализмом. Конечно, и первая точка зрения косвенно порывала с ленинским принципом самоопределения наций.

Чутко уловив пульс народной жизни, большевики нашли именно жизненный путь - путь так называемой золотой середины. Победила федеративная точка зрения на будущий союз. Для этого были объективные обстоятельства: наличие централизованной партии, контролирующей неформальным образом всю полноту власти в стране. Именно она, партия, явилась гарантией федерации.

По всеобщему мнению, федеративные принципы построения СССР сводились к следующим положениям: СССР - федерация социалистическая на основе власти Советов; федерация, построенная по национальному признаку; союз государств, входящих в СССР, добровольный; все субъекты федерации равны между собой; федерация реализуется на основе принципа демократического централизма. Конституция СССР 1924 года в полной мере выстроена на этих принципах. Касаясь национального строительства, следует отметить вторичность в соответствии с принципом демократического централизма конституций республик, относительный рост количества и объема прерогатив союзных центральных органов управления перед субъектами федерации, ограничение прав респуб-

лик. Нельзя забывать, что основными задачами государства были завершение социалистической реконструкции народного хозяйства и укрепление обороны нового уклада государственной и общественной жизни от внешней угрозы. В этом плане централизация управления, дружба народов и власть Советов были необходимыми и достаточными условиями, которые гармонично действовали во благо всех «наций и племен» России. Вообще говоря, трудно понять лидеров республиканских компартий того времени, которые выступали против трансформации советского государства в унитарное социалистическое государство. Все они были членами правящей партии, исповедующей и ставящей во главу всякого угла принцип пролетарского интернационализма, ксенофобская позиция означала по меньшей мере завуалированное политическое ренегатство, а в действительности — буржуазный национализм. С высоты сегодняшнего понимания национальной проблемы вряд ли исторически корректно ставить вопрос об «опасных явлениях административного и формально-бюрократического подхода к решению проблем национально-государственного строительства» того периода. Критика национально-государственного строительства включает в себя объективные обстоятельства, в частности, мнение народа о происходивших событиях. Между тем все данные свидетельствуют о подавляющем одобрении проводимой на практике линии. Это понятно: в ходе национально-государственного строительства осуществлялось достижение не только юридического, но и фактического социально-экономического равенства национальных районов и республик, вошедших в единый союз. Объективно оно служило подавляющему большинству населения России, а потому одобрялось им. Большевикам удавалось отражать все современные чаяния народов России в сфере национально-государственного строительства. Выведение из нищеты громадного большинства населения России на приемлемый уровень жизни происходило именно в условиях социалистического строительства. Разумеется, в духе того времени он мог решаться только на основе классового подхода. Очевидно, что императив классового подхода не мог не регулировать и сферу национальных отношений, которая являлась составной частью общегосударственной жизни.

Партийная политика здесь следовала объективной тенденции, иначе трудно объяснить, почему самыми яркими сторонниками идеи создания федерации по образцу единого унитарного государ-

ства были многие «националы» из верхушки партийно-государственного руководства страны. Наряду со Сталиным можно указать на других ярких политиков того времени, как Ф. Э. Дзержинский, Г. К. Орджоникидзе, Д. З. Мануильский и другие.

Государственная позиция большевиков ясна и понятна, поскольку она исходила из уставных документов партии, чего не скажешь о другой группе партийцев, называемых коммунистами. Речь идет о постановлениях VIII съезда РКП (б), которые определили и решили вопрос об отказе от федеративного принципа построения партии при строгом подчинении центральному и партийному руководству. Отметим, что в то время — в 1919 году — еще существовали многие отдельные советские национальные республики, не объединенные в одно общее государство.

Поэтому процесс, который вел к созданию социалистического унитарного государства на интернациональной основе, был естественным и эволюционным. Не надо забывать, что задача его создания являлась для партии стратегической. Поэтому правоверные большевики все остальные задачи, не исключая национальный вопрос, рассматривали в качестве тактических, обеспечивающих достижение стратегической цели. Коммунисты, напротив, подчиняли решению национального вопроса всю деятельность партии, полагая, что он является главным вопросом программы партии. Сталин же прямо и открыто говорил таким членам партии: «Вся национальная политика, все наше советское правительство в межсоюзных отношениях для большинства у нас... понимались как известная стратегическая, дипломатическая игра».

В рамках единого экономического пространства реализация главной стратегической задачи происходит много быстрее, нежели достижение одинакового уровня экономики во всех независимых советских республиках. Равным образом интересы централизованного государства и его национальных районов могли учитываться и воплощаться лишь при одновременном для всех регионов подъеме экономики.

Курс на строительство унитарного социалистического государства был одобрен большинством народа и партии, включая руководство страны. Отдельные коммунисты, не согласные с большевизмом Сталина, такие как П. Мдивани, А. Сванидзе, Х. Раковский, К. Радек и другие, не могли сформировать конструктивную позицию. Ущерб-

ность их позиции заключалась в отстаивании идеи создания государства конфедеративного типа, в котором даже вопросы обороны и финансов решались бы в особом порядке, а не в общих интересах. Нельзя не отметить, что эта позиция противоречила партийным нормам, которые, казалось бы, эти коммунисты должны были соблюдать. Превалирование курса на создание унитарного государства облегчалось и сращиванием партии и государства при руководящей роли первой, где «унитаристы» занимали ключевые посты.

В некоторых национальных регионах, особенно на Украине, ЦК ВКП (б) в конце 1920-х годов пошел на смягчение «принципа демократического централизма». Так, например, политика украинизации коснулась всего партийного и советского аппарата на Украине. В итоге она привела к значительному росту украинского шовинизма и антисоветских, антирусских и антисемитских настроений. Появилось националистическое течение во главе с наркомом просвещения УССР О. Шумским, выступившим против ЦК и ПБ Украины. В дальнейшем национальная политика на Украине при Сталине жестко следовала принципу централизованного руководства из Москвы, отменяя любой крен в сторону партийно-государственного конфедерализма.

Все большевистское руководство, включая Ленина и Сталина, оставалось последовательным сторонником идеи формирования однородных социалистических наций. Вопрос заключался во времени осуществления. Сталин полагал, что процесс необходимо ускорять, используя административные и формально-правовые меры. Так, например, Красная Армия в то время стала эффективным государственным инструментом национальной политики, который ковал из поступающего национального призыва элементы истинного пролетарского интернационализма, чуждые всяким националистическим проявлениям.

Следует сказать, что и правые, и левые коммунисты разделяли позиции сталинского большевизма в части воплощения на деле во всех сферах государственной жизни принципа пролетарского интернационализма, но в более радикальной форме. Не кто иной, как «любимец партии» Н. Бухарин, еще в 1920 году подробно обосновал необходимость применения насилия для достижения нужных изменений в обществе. Так, он писал: «Пролетарское принуждение во всех формах, начиная от расстрелов и кончая трудовой повинно-

стью, является, как парадоксально это ни звучит, методом выработки коммунистического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи».

Позиция партии в целом, совпадающая со сталинской, так описана Сталиным в 1924 году: «Национальный вопрос есть часть общего вопроса о пролетарской революции, часть вопроса о диктатуре пролетариата». Необходимость как можно скорее упрочить диктатуру пролетариата, а значит, и создать сильное и централизованное социалистическое государство он видел в следующем: «При решении национального вопроса ленинизм исходит из... положений: а) мир разделен на два лагеря: на лагерь горстки цивилизованных наций, обладающих финансовым капиталом и эксплуатирующих громадное большинство населения земного шара, и лагерь угнетенных и эксплуатируемых народов и колоний, составляющих это большинство;... е) победа рабочего класса в развитых странах и освобождение угнетенных народов от ига империализма невозможны без образования и укрепления общего революционного фронта».

В 1927 году Сталин указывает на три стороны диктатуры пролетариата, среди которых «использование власти пролетариата для организации социализма, уничтожения классов, для перехода в общество без классов, в общество без государства». Далее там же он указывает: «Диктатура пролетариата имеет свои периоды, свои особые формы... В период гражданской войны особенно бьет в глаза насильственная сторона диктатуры... В период строительства социализма, наоборот, особенно бьет в глаза мирная, организаторская, культурная работа диктатуры, революционная законность и так далее. Органы подавления, армия и другие организации необходимы теперь, в момент строительства, так же как в период гражданской войны... Не следует забывать, что революция победила пока всего лишь в одной стране. Не следует забывать, что, пока есть капиталистическое окружение, будет и опасность интервенции со всеми вытекающими из этой опасности последствиями».

Конечно, возможность окончательной победы социализма основывалась на идеях Ленина. В частности, он писал следующее: «Мы живем не только в государстве, но и в системе государств, и существование Советской Республики рядом с империалистическими государствами продолжительное время немислимо. В конце концов, либо одно, либо другое победит. А пока этот конец наступит,

ряд самых ужасных столкновений между Советской Республикой и буржуазными государствами неизбежен».

Следуя канону, Сталин исходит из идеологической предпосылки, что Россия как страна «строящегося социализма» является базой мировой революции. Однако создание этой базы немыслимо без победы социалистического строительства в самой стране, включая создание мощных промышленности и сельского хозяйства.

Причем предполагалось в перспективе перевести сельское хозяйство на крупное товарное производство и социалистические отношения. Это положение исходило из ленинской оценки крестьянства как последнего капиталистического класса. Разъяснение позиции состояло в том, что современное крестьянство (то есть 20-е годы XX века)

являлось тем классом, хозяйство которого, основанное на частной собственности и мелкотоварном производстве, «не может не выделять из своей среды капиталистов постоянно и непрерывно».

Уже приведенные выдержки классиков большевизма позволяют сделать вывод, что главная стратегическая цель партийной программы - диктатура пролетариата — не могла быть достигнута без комплексного подхода, который предполагал цельное и одновременное решение задач государственно-национального, национального, экономического и военного строительства в стране, задач самого существования нового режима в мировой системе государств.

Однако не только программные цели лежали в основе этого строительства. В речи на пленуме ЦК ВКП (б) Сталин говорит: «Нельзя забывать, что мы представляем партию правящую, а не оппозиционную... Лозунги такой партии представляют не простые (агитационные) лозунги, а нечто гораздо большее, ибо они имеют силу практического решения, силу закона, которые нужно проводить теперь же. Наша партия не может дать практический лозунг и потом отложить его проведение в жизнь. Это было бы обманом масс».

Поглощенная решением захватывающих задач социалистического строительства, партийная элита, в частности Сталин, достаточно редко обращалась к теме национальных отношений в СССР за те десять лет, что предшествовали VIII Всесоюзному съезду Советов, который открылся 25 ноября 1936 года и рассмотрел проект Конституции Союза ССР.

К тому времени картина изменений в общественной жизни СССР

отношений. Согласно официальной точке зрения к 1934 году в стране насчитывалось около 60 наций, национальных групп и народностей. Сталин ставит в заслугу советской власти, что за 14 лет существования СССР преодолены многие центробежные силы, исчезли пережитки недоверия к великороссам, создано союзное многонациональное государство, возникшее на базе социализма, а также имеет место «расцвет национальной культуры народов СССР, национальной по форме, социалистической по содержанию». Проект новой Конституции должен был закрепить «итог пройденного пути». Генсек отмечал, что «буржуазные конституции молчаливо исходят из предпосылки о том, что общество состоит... из классов, владеющих богатством, и классов, не владеющих им, что какая бы партия ни пришла к власти, государственное руководство обществом (диктатура) должно принадлежать буржуазии, что конституция нужна для того, чтобы закрепить общественные порядки, угодные и выгодные имущим классам».

Особенность современных буржуазных конституций в их националистических тенденциях, в своей основе они представляли конституции господствующих наций. В этом отношении проект советской Конституции исходил из того, что все нации и расы независимо от их прошлого и настоящего положения, независимо от их силы или слабости должны пользоваться одинаковыми правами во всех сферах хозяйственной, общественной, государственной и культурной жизни общества. Интересно, что, обсуждая поправки и дополнения к проекту Конституции, генсек выступает против определения СССР как «государства всех рас и национальностей, населяющих территорию СССР», отдавая предпочтение определению его как «государства рабочих и крестьян». Он указывает, что права наций и рас, входящих в состав СССР, закреплены во второй, десятой и одиннадцатой главах проекта Конституции, которые прямо гласят о недопустимости в СССР ущемления национальных прав. Также Сталин высказался за сохранение в проекте 17-й статьи, говорящей о сохранении за союзными республиками права свободного выхода из СССР.

Сталин твердо поддерживает ленинские позиции о существовании национального вопроса. В дискуссии на съезде Советов по проекту Конституции он решительно выступает против введения новой статьи, содержание которой сводится к тому, что автономные советские республики при достижении соответствующего уровня хозяй-

ственного и культурного развития могут быть автоматически преобразованы в союзные советские республики. Сталин указывает, что подобная постановка вопроса свидетельствует об идейной ущербности. С его точки зрения, в данном вопросе, помимо политических мотивов, должны лежать логические обоснования, способствующие реализации этого факта. В частности, реально такое право может быть предоставлено лишь той автономной республике, которая может по факту реализовать право на выход из СССР, будучи уже союзной республикой. То есть такой вопрос может поставить лишь та республика, которая граничит с каким-либо иностранным государством. В этой связи, например, Башкирская и Татарская автономные республики не могли претендовать на право называться союзными, поскольку «им, собственно говоря, некуда выходить из состава СССР».

Кроме того, должно соблюдаться правило, чтобы национальность, давшая советской республике свое имя, представляла в республике компактное большинство. Так, в Крымской АССР это право не могло быть реализовано по той причине, что крымские татары представляли собой меньшинство в республике.

Интересно, что Сталин в обоснование права нации на союзную республику привносит и геополитический элемент. Он считает, что «маленькая советская республика, имеющая минимальное количество населения и незначительную армию», не может «рассчитывать на независимое государственное существование». Угроза исходит от империалистических хищников мира. Поэтому такое право может быть предоставлено республике, численность населения которой должна быть более миллиона человек.

Сталин считает, что все эти три признака носят объективный характер в настоящий исторический момент, когда возникает вопрос о переводе той или иной автономной республики в разряд союзных.

Другой характерной чертой в рассуждениях Сталина о национальных отношениях по существу проекта является его отрицательная позиция по поводу закрепления в статьях 22-29 проекта Конституции подробного перечисления административно-территориального деления союзных республик. Он считает, что перечисление всех этих национальных местных названий вносит разброд в умы людей и путаницу и неуверенность в их работе. Тогда как «требуется у нас атмосфера уверенности, требуется стабильность, ясность».

Этой же ясности и стабильности служит предложение генсека об осуществлении законодательной власти только одним органом — Верховным Советом СССР.

Он предлагает иметь заместителями председателя Президиума ВС СССР по одному представителю от каждой союзной республики. Кроме того, Сталин выступает против уничтожения Совета национальностей как верховного органа, представляющего особые, специфические интересы национальностей. Такой орган представляется необходимым, чтобы можно было управлять таким многонациональным государством, как СССР. Сталин указывает, что отрицательный опыт двухпалатных буржуазных парламентов происходит из неравноправия палат, одна из которых «организуется недемократическим путем, нередко путем назначения ее членов сверху». При этом она и становится «тормозом против движения вперед» и «вырождается обычно в центр реакции».

Сенсацией на съезде было выступление Сталина против поправки к статье 135 проекта Конституции. Эта поправка предлагала лишить избирательных прав служителей культа, бывших белогвардейцев и некоторых других категорий граждан. Сталин ссылается на силу советской власти и слова Ленина, что «недалеко то время, когда советская власть сочтет ввести всеобщее избирательное право без всяких ограничений». Он говорит: «С тех пор прошло 17 лет. Не пора ли, товарищи, выполнить указание Ленина? Я думаю, что пора».

Сталин также затронул вопрос о президенте СССР. Так, дополнение к статье 48 проекта требовало избрания председателя Президиума ВС СССР не Верховным Советом СССР, а всем населением страны. Об истинном мнении генсека поданному вопросу можно судить по следующей реплике: «... в СССР не должно быть единоличного президента, избираемого всем населением наравне с Верховным Советом и могущего противопоставлять себя Верховному Совету». Сталин ссылается на опыт истории, явно намекая на коллизии лета 1917 года, когда в России сложилась система двоевластия. Далее он говорит, что «президент в СССР коллегиальный - это Президиум Верховного Совета, включая и председателя Президиума Верховного Совета, избираемый не всем населением, а Верховным Советом и подотчетный Верховному Совету». Такое построение верховных органов власти представлялось ему «наиболее демократическим, гарантирующим страну от нежелательных случайностей».

Обсуждение поправок к Конституции СССР 1936 года показало, что генсек оказался на удивление прозорлив, отметив многие из тех «нежелательных случайностей», которые способствовали дестабилизации СССР в конце 1980-х годов.

Все отмеченные выше моменты, характеризующие процесс социалистического строительства, в первую очередь рассматриваемую тему национальных отношений, возникли как реакция нового общества и ее политической власти на угрозы извне. Интенсификация усилий в упрочении всех элементов, сложным образом определяющих социалистическое строительство, проистекала из обострения отношений между капиталистическими странами, а также необходимости избежать агрессии империалистических государств в отношении СССР.

Уже 26 января 1934 года Сталин в отчетном докладе XVII съезду ВКП (б) указывает, что дело идет ко «второй империалистической войне». Он говорит, что не только «некоторые военные круги в Японии» думают об организации войны против СССР, но «нам известно, что такие же планы вынашиваются в кругах политических руководителей некоторых государств Европы». В этой трудной и сложной обстановке генсек рассчитывает только на растущую хозяйственную и политическую мощь страны и «славную армию», поскольку «в наше время со слабыми не принято считаться — считаются только с сильными».

Характеризуя экономическое положение страны, Сталин наряду с другими достижениями указывает, что осуществлен «перевод всей надземной промышленности на семичасовой рабочий день». В культурном строительстве также достигнут ряд высоких показателей. Так, процент грамотности за прошедшие три года вырос в полтора раза и составил 90%; число учащихся — почти в два раза и составило 26,5 миллиона человек, в том числе по высшему образованию - 491 тысячу человек; число детей по дошкольному образованию - в семь раз (6 миллионов 917 тысяч); количество НИИ - более чем в два раза (840). Разовый тираж газет вырос в три раза и составил 36,5 миллиона экземпляров.

Сталин продолжает следовать генеральной линии своей политики — построение бесклассового социалистического общества. Для достижения этой цели надо употребить все средства и возможности, ибо «незачем было свергать капитализм в октябре 1917 года

и строить социализм на протяжении ряда лет, если не добьемся того, чтобы люди жили у нас в довольстве». Говоря о национальном вопросе, генсек отмечает, что «пережитки капитализма в сознании людей гораздо более живучи в области национального вопроса, чем в любой другой области». Они более живучи, так как имеют возможность хорошо маскироваться в национальном костюме. Сталин указывает, что «уклон к национализму есть приспособление интернационалистской политики рабочего класса к националистической политике буржуазии. Уклон к национализму отражает попытки «своей» «национальной» буржуазии подорвать советский строй и восстановить капитализм».

Таким образом, одобрение отчетного доклада съездом означало, что партийная установка в отношении национализма является жесткой и однозначной. Любое проявление национализма означает на деле борьбу с советской властью. В этом случае, какой уклон опаснее — великорусский национализм или местный национализм, — не имеет значения. Сталин указывает: «Главную опасность представляет тот уклон, против которого перестали бороться и которому дал и таким образом разрастись до государственной опасности». Он прямо называет, кроме социального, источник внешней опасности национализма — его сращивание с «интервенционистами». И приводит в пример украинский шовинизм с его материальной и вооруженной подпиткой из-за границы.

В своей речи 10 марта 1939 года на XVIII съезде ВКП (б) Сталин с удовлетворением отмечает, что в области общественно-политического развития страны за отчетный — пять лет — период «мы имеем полную устойчивость внутреннего положения и такую прочную власть в стране, которой могло бы позавидовать любое правительство в мире». Культурное развитие страны получило высокую оценку как культурной революции. Понятно, что впечатляющий рост культурного уровня народов СССР мог иметь место только из-за подъема материального положения населения.

Сталин указывает на такие движущие силы советского общества, как его морально-политическое единство, дружба народов СССР, советский патриотизм. Было отмечено, что на этой основе стало возможным принятие в декабре 1936 года Конституции СССР.

В качестве примера приближения повседневного руководства страной к низовой работе генсек указывает на увеличение — с 7 до

11 - количества союзных республик, краев и областей — с 70 до 110, а также — с 14 до 34 — наркоматов СССР. Такое разукрупнение организаций дало возможность привлечь к управлению государством многие тысячи людей. Как указывалось, это явилось наилучшим средством для облегчения партийным органам руководства советскими государственными учреждениями и организациями. Вывод был прост: «Кадры партии — это командный состав партии, а так как наша партия стоит у власти, они являются также командным составом руководящих государственных органов».

Характерной особенностью доклада Сталина на партийном съезде 1939 года является избегание им слов «национальный вопрос», «нации», «народности» и тому подобное. Напротив, он много говорит о пролетарской государственности, социалистическом государстве. Все существо национального вопроса достигает здесь своего апофеоза в виде перевоспитания как самих людей, так и наций в духе социализма. Отсюда — соответствующие замены в терминах. Отдавая дань старой фразеологии, но помня и свою речь о националистических уклонах на предыдущем съезде, Сталин предпочитает говорить о дружбе народов, если дело касается каких-то партикулярных интересов. Однако что касается стратегической цели национального вопроса, то он бескомпромиссен в акцентировании государственной политики в этой сфере на воспитании единой социалистической нации. Никаких национальных реверансов в докладе нет, нет также и никаких причин не принимать эту позицию в качестве официальной государственной политики в сфере национальных отношений. Сталин и его руководство продолжали следовать генеральной линии, что в ходе социалистической реконструкции союзные народы сами откажутся от своих национально-территориальных делений, чтобы слиться в единую социалистическую нацию советского унитарного государства.

Трудно согласиться с отдельными критиками сталинского периода советской истории, которые указывают на негативные стороны государственной политики в сфере национальных отношений в канун Великой Отечественной войны, не объясняя при этом, каким образом СССР не развалился под ударами нацистской военной машины.

Верным представляется другое. Курс Сталина на однородное, однородное общество с постепенным стиранием национального

фактора имел все же больше положительных, чем отрицательных моментов. Только в этом случае народы страны могли бы так дружно встать на защиту отечества.

Конечно, было и сотрудничество значительной части некоторых национальных групп и социальных когорт с нацистскими агрессорами. Однако факторы, способствовавшие тому, что представители этих групп сознавали себя отчужденными, были вполне понятны. Создававшаяся по замыслу Сталина новая социалистическая общность людей находилась в стадии консолидации. Фактически за довоенное время советской властью было воспитано одно поколение советских людей, тогда как нация как «союз одинаково мыслящих людей» складывается на протяжении не менее трех последовательных поколений. Причем это единственное поколение было полностью выбито на войне.

По известному сталинскому определению, «нация — это исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющаяся в общности культуры».

К началу войны не были, да и не могли быть за такой короткий срок ликвидированы отличия в языке и тем более в психическом складе. Поэтому общность культуры и национального самосознания была относительна, что объясняет переход на сторону врага многих представителей этнических групп. Но не стоит преувеличивать эти масштабы. По данным немецкого главнокомандования, в годы войны на стороне Германских вооруженных сил были около 230 тысяч бывших граждан СССР. С учетом всего призванного в Красную Армию контингента — 34 миллиона человек - это лишь 0,6%. Если же сравнить ее с численностью населения СССР, то это всего 0,1%. Надо полагать, что столь приятное западному европейцу определение Эрнеста Ренана нации как повседневного плебисцита в социуме вполне подходит к советскому обществу, если учитывать эти данные и вообще политические результаты Второй мировой войны. Не было бы этого ежедневного одобрения народом власти - не было бы и победы!

Эти же критики винят Сталина в отсутствии доктрины советской этики, подобной учению Вебера о капитализме, исходящего из традиционной религиозной матрицы и протестантской этики. Они даже пытались объяснить советский феномен, исходя из православ-

ной этики. Политическая интуиция генсека простиралась много дальше прописанных учеными догматов. Например, никто из этих ученых доктринеров не объяснил, почему Сталин на партийном съезде в 1934 году определил количество наций и народов СССР как 60, хотя широко известные результаты всероссийской переписи населения 1897 года определяют его как 123. Это указывает на глубокое и живое, недоктринерское знание национального вопроса в России. Сталин понимал, что непобедимость народа и государства в их слитности, единстве, унитарности. Провозглашение принципов пролетарского интернационализма и построение социалистического общества означало, что национальный вопрос мог включать в себя только один главный аспект: создание единой социалистической нации. У Вебера была своя доктрина капитализма, у Сталина — свое учение о социалистическом обществе. И тот и другой добились выдающихся результатов в своей области. Но учение Вебера ограничено, поскольку касается стран с протестантским населением, тогда как сталинское учение носит универсальный характер. В предвоенный период - до 1941 года — успешно происходил эксперимент по вовлечению в процесс консолидации социалистической нации в СССР значительного количества мусульманских и буддийских народов, не говоря уже о православных славянских народах — русских, украинцах и белорусах. После войны эксперимент был распространен на католические (хорваты, литовцы, поляки, венгры, чехи) и протестантские (восточные немцы, латыши, эстонцы) народы. Политика этносоветизации народов социалистического лагеря начала принимать свои масштабные очертания лишь в послевоенный период. Именно успешность этого процесса привела к созданию ЦРУ и глобальной системы средств информационной войны против СССР. Война в Корее в начале 1950-х годов показала, что два мощных военно-политических блока антагонистических государств достигли военного паритета. Эскалация отношений в этом направлении неминуемо приведет к глобальной катастрофе, к которой, кстати говоря, Сталин был готов, но не были готовы западные демократии. У Сталина не было необходимого запаса атомных и ядерных бомб, количество которых у США было в десятки раз больше. Необходимо было время для накопления ядерного арсенала, но, как оказалось, времени у Сталина не было: 5 марта 1953 года генеральный секретарь умер.

Началась эпоха наследников генсека, которые не только не довели до конца решение национального вопроса, согласно Сталину, но и пустили на самотек всю сферу национальных отношений, что привело к распаду СССР.

Характерной особенностью государственной политики в сфере национальных отношений, проводимой партийно-государственным руководством СССР во главе со Сталиным, была ее преемственность. Как известно, консолидация древнерусской народности и русского народа проходила естественно-эволюционным путем; отслеживался как сам процесс, так и его последствия — сначала великими князьями киевскими и владимирскими, а затем московскими царями.

Сталин, развивавший идею о создании одной социалистической нации в СССР, тем самым является не просто формальным продолжателем российской государственности, но и делает это, исходя из национального опыта. Однако формирование народа заняло на первой стадии (Древнерусское государство) примерно 400 лет, а на второй — 250 лет. Улучшение коммуникационных связей ускорило процесс создания нации. Однако в Петровский период было приостановлено дальнейшее сплочение народов в единую общность. Петровская империя, пришедшая на смену Московскому государству, предопределила тем самым свой конец. Конгломерат народов и территорий, стянутый воедино военно-бюрократическим управлением, не мог стать приемлемой формой развития российской государственности. По мере расширения границ империи, увеличения количества народов и этнотерриториальных образований, усложнения социальных процессов в государстве управляемость этого механического соединения разнородных элементов социума резко падала. Мировая война лишь ускорила его распад, распад империи. В частности, национальные элементы социума сыграли выдающуюся роль в низвержении имперского режима, крахе империи. Хаотические децентрализованные попытки унификации национальных окраин империи дали прямо противоположный желаемому результат: создали дополнительный революционный потенциал в виде национальных движений России. Результаты этой печальной национальной политики империи еще долго давали о себе знать, вплоть до Великой Отечественной войны. К примеру, внук имама Шамиля Саид-Бек вступил в прямой военный сговор с гитлеровской Германией против СССР. Его в этом поддержала значительная часть духовно-

светских руководителей и населения Чечни и Нагорного Дагестана. То же можно сказать о движениях украинских и татарских националистов, широком распространении шовинизма в казахском народе и так далее.

Таким образом, отказ правителей России имперского периода от проверенного временем курса на консолидацию народов страны в единую нацию привел к крайне отрицательным последствиям, вплоть до потери национальной государственности. Лишь большевики смогли поднять решение национального вопроса на должную, адекватную времени высоту, сохранив при этом историческую преемственность. Лучшего решения, чем курс национальной консолидации в одну социалистическую нацию, на то время не существовало. Более того, оно было в духе западного менталитета, по Ренану, одобрялось повсеместно в СССР.

Послевоенные правители СССР, не поняв исторической преемственности курса Сталина в национальном вопросе, перешли к тактике Петра I, воссоздав его конгломерат народов и территорий уже в виде партийно-государственного управления на военно-полицейской основе и отказавшись от унитарности государства и нации. Воистину именно Хрущев и К° создали «советскую империю». Лишь Л. Брежнев в 1970-е годы перешел к практической реализации сталинского замысла и осуществил принятие новой Конституции СССР 1977 года, содержащей директивные нормы о необходимости упрочения и развития единой общенародной общности - советского народа. И вновь любимый образ российской интеллигенции всех времен — так называемые темные силы - не дали проекту завершиться - генсек умер 10 ноября 1982 года. Наступала эпоха хаоса и развала...

Можно лишь представить рамки того национально-государственного проекта, который мог быть реализован с использованием абсолютных возможностей российской монархии, если бы Петр I пошел с 1717 года не курсом создания империи, а путем создания унитарного государства на основе однородности народонаселения, то есть создания единой нации.

Глава VIII

От Февраля до Октября и потом

Революционный взрыв, происшедший 23 февраля 1917 года и положивший начало Февральской революции, свержению самодержавия и крушению империи, был стихийным явлением. «Разве за неделю до Февральской революции кто-либо знал, что она разразится?» Это слова Ленина, лидера той партии, которой суждено было управлять Россией 74 года. По его же словам, значение второй русской революции в том, что царская монархия была побеждена за несколько дней «простым взрывом народного возмущения». Но именно в стихийности массовых движений он и усматривал «признак его глубины в массах, прочности его корней, его неустрашимости».

Февральская революция носила буржуазно-демократический характер, следовательно, перед ней стояли коренные задачи демократического преобразования страны. Среди них решение проблем национальных движений и национального строительства в стране в целом. Зарубежная и отечественная историография отмечает, что в России в 1917 году имелась возможность буржуазно-реформистского развития страны. Соответственно, стоял и вопрос: социалистическая революция или буржуазно-реформистское преобразование? Февральская революция, свергнув царизм, фактически не решила стоявших перед страной насущных задач. Продолжалась империалистическая война, оставался нерешенным вопрос о земле, натолкнулись на сопротивление правительства и буржуазии основные требования рабочего класса (восьмичасовой рабочий день, повышение заработной платы и другие), оставался крайне острым и национальный вопрос.

Правящая буржуазная партия - кадеты - была согласна на те реформы, которые не затрагивали бы коренные интересы и привилегии капиталистов и помещиков. Кадеты были экономически заинтересованы в сохранении помещичьего землевладения, но также

возражали и по идейным соображениям: были против экспроприации одной из основных форм частной собственности.

Точно так же правящая буржуазия не могла отказаться от продолжения войны, которая давала громадные барыши на военных поставках в армию. Таким образом, правительство лишалось поддержки широких масс населения, включая крестьянство и пролетариат. Кроме того, Временное правительство могло управлять страной лишь до созыва Учредительного собрания, поэтому оно всячески саботировало его созыв, заняв в условиях «полевения» общества однозначную позицию: «сначала успокоение, потом реформы».

С 5 мая 1917 года в состав Временного правительства вошли меньшевики и эсеры, главенствовавшие в нем до осени. Эти партии пытались проводить курс «средней линии» в революции, реформистскими методами решить назревшие задачи и обеспечить ее развитие по рутинному буржуазно-демократическому пути. Меньшевики исходили из иллюзии, что Россия из-за ее отсталости еще не созрела для движения по социалистическому пути. Стоявший тогда на крайне правом фланге меньшевизма Г. В. Плеханов заявил в газете «Единство»: «Русская история еще не смолола той муки, из которой будет испечен пшеничный пирог социализма».

Эсеро-меньшевистский правительственный блок возлагал надежды на созидательно-организационные потенции российской буржуазии, которые, правильно употребленные, могли бы помочь справиться с хозяйственной разрухой, бедствиями и страданиями народа в условиях продолжавшейся крайне непопулярной в обществе войны. Однако сформировавшаяся в условиях имперского самодержавия российская буржуазия была политически малоопытной, консервативной и экономически исключительно узкокорыстной. Через 80 лет мы увидим то же самое! Кроме того, она была лишена в отличие от западноевропейской буржуазии какого бы то ни было престижа в глазах народных масс. Ее несостоятельность в политической сфере заключалась как в отсутствии у нее тех социальных черт, что могли бы нести реформистский потенциал, так и в исторической запоздалости и отсталости российского капитализма.

В течение нескольких месяцев эсеровское Министерство земледелия «разрабатывало» законопроект о земельной реформе, который так и не появился на свет. Все другие робкие попытки реформы, предлагаемой эсеро-меньшевистским блоком, тормозились

в правительстве как кадетами, так и другими силами этого «блока». В итоге от программы социальных реформ, могущих удовлетворить массы, правящим «демократическим» партиям пришлось отказаться. За восемь месяцев пребывания буржуазии у власти ни одной сколько-нибудь существенной реформы в интересах народных масс, включая уже обещанные, не было проведено. Не следует забывать, что именно массы, особенно крестьяне и солдаты, в первые месяцы революции поддерживали эсеров и меньшевиков, поверив им, что все вопросы российской действительности можно решить к всеобщему благу реформами.

Эсеровский официоз «Дело народа» писал 14 октября 1917 года (то есть за десять дней до революционного переворота): «Нужно дать, наконец, массам почувствовать осязательные результаты революции, ибо семь месяцев революционного бесплодия привели к разрухе, к анархии, к голоду». Это было обращение в адрес Временного правительства.

Кроме того, из-за военных поражений и политической нестабильности внутри страны резко ослабли международные позиции России; она, по сути, перестала быть великой державой. Более того, ей угрожало территориальное расчленение со стороны воюющих держав, причем как союзников, так и врагов.

Трезвая оценка катастрофического положения страны и ее объективных потребностей указывала на единственный выход для спасения страны от национальной катастрофы и обеспечения национальных прав народов России. Этот путь заключался в условиях невиданного разграбления и разорения страны при переходе к социализму.

Поэтому намеченный Лениным переход к социализму был не «прыжком в неведомое», а практическим выходом из кризиса буржуазно-помещичьего строя. Кроме того, осенью 1917 года российская буржуазия окончательно отказывается от буржуазной демократии и связанных с нею либеральных иллюзий и ведет курс на политический союз с военными, ведущий к военной диктатуре. Народ, образно говоря словами большевистского лидера, был поставлен в условия, когда «выхода нет, объективно нет, не может быть, кроме диктатуры корниловцев или диктатуры пролетариата». Существовала некоторая вероятность осуществления анархистского бунта, который в перспективе должен был завершиться буржуазной рестав-

рацией. В этих условиях императив истории выразился в социалистическом выходе из национального тупика: Россия осталась Россией, но Россией социалистической. Российская буржуазия в ходе развития буржуазно-демократической революции не смогла обеспечить реформистскими методами решение назревших общественных задач и разрядить социальную и политическую напряженность в обществе.

Гражданская война, принявшая с лета 1918 года масштабные и жестокие формы, по сути, стала логическим продолжением как русских революций XX столетия, так и разрешением противостояния корниловцев и власти Советов. Борьба за радикальное перераспределение власти и собственности в пользу народных низов, продолжавшаяся почти всю первую четверть XX века, оканчивалась социальной войной, войной общественных классов и слоев, одни из которых потеряли былую власть и право на собственность, а другие обретали. Российская буржуазия проиграла борьбу за власть рабочему классу и его социалистическим партиям, не сумела и не смогла провести необходимые обществу социально-экономические реформы ввиду своей экономической и политической слабости и неспособности к глубокому историческому творчеству. В противостоянии буржуазии большевики в ходе развития Октябрьской революции реализовали общедемократические ожидания общества в борьбе за прекращение империалистической войны, за землю, национальное равноправие.

Временное правительство не могло также решить проблемы окраинного национализма, совместившегося с аграрным вопросом, что придало крестьянскому движению радикальные формы.

Принятие закона от 20 марта (2 апреля) 1917 года «Об отмене вероисповедных и национальных ограничений» не привело к решению национального вопроса. Отсутствие денежных средств не позволило приступить к национально-культурному строительству и функционированию местного самоуправления. По сути, основные социальные вопросы нерусских народов закон не затронул, а потому обещание национальных свобод и устранения национального неравенства на практике осталось нереализованным. Так, в отношении народов Туркестана Временное правительство решительно высказалось против предоставления им национального равноправия. Оно отказало в автономии Украине, разогнало финляндский сейм.

Половинчатость национальной политики центрального правительства привела к формированию двух тенденций в национальном движении народов России: буржуазной и революционной. Национальная буржуазия на окраинах страны пыталась превратить свои политические организации (например, украинскую Центральную раду, Белорусскую раду, молдавскую «Сфантул цэрий» и другие) в национальные правительства, играющие роль областных автономных органов власти. Реализация этих планов имела свойственную этим окраинам политическую и социальную окраску.

Так, идеологи украинского националистического движения уверяли массы, что на Украине нет своей национальной буржуазии, и потому предлагали «дружно» объединиться под единым национальным знаменем. Мусульманские националисты отрицали наличие классовой борьбы среди многомиллионного мусульманского населения России. Эти процессы характеризовались и одной общей чертой: национальная буржуазия, олигархия и местная аристократия активно содействовали формированию национальных военизированных частей. Для захвата власти на национальных окраинах создаются украинские, молдавские, эстонские, польские, латышские, мусульманские и другие национальные воинские части.

С другой стороны, существовала революционно-интернационалистическая тенденция, берущая свое начало в программе решения национального вопроса, принятой в 1903 году II съездом РСДРП. Рассматривая национальный вопрос как важную часть вопроса о победе социалистической революции, программа предусматривала равноправие наций, право народов на самоопределение и образование национальных государств.

РСДРП (б) выступала за предоставление права широкой областной, национально-территориальной автономии тем народам страны, которые после буржуазно-демократического переворота не желают от нее отделиться, настаивала на отмене обязательного государственного языка, справедливом определении границ самоуправляющихся автономных областей на основе учета хозяйственных и бытовых условий, национального состава населения. С весны 1917 года большевики начали активно проводить политику классового размежевания внутри национальных движений страны, ориентировать его на борьбу за прекращение войны, ликвидацию помещичьего землевладения, национального гнета, свободное развитие родного языка.

В отличие от других политических партий большевики последовательно проводили и развивали программные установки партии по национальному вопросу. Так, уже на I Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов (3—24 июля ст. ст. 1917 года) Ленин заявил о необходимости превращения многонациональной России в Союз добровольно объединившихся республик: «Пусть Россия будет Союзом свободных республик». Необходимо отметить, что большевики всегда и везде увязывали решение национального вопроса с борьбой за диктатуру пролетариата, за республику Советов. Эта политика дала должные и заметные результаты. Так, в Латвии, Эстонии, Белоруссии, Украине, на Кавказе, в Средней Азии и Казахстане, национальных районах Поволжья, Урала и Сибири проходило масштабное становление советской власти и единства действий по большинству вопросов политической действительности РСДРП (б) и национальных движений.

Практические формы работы РСДРП (б) возникли во время первой русской революции 1905—1907 годов в виде национальных секций партий, являвшихся составными частями единых местных парторганизаций и объединявших трудящихся, не владевших или слабо владевших русским языком. Во время Первой мировой войны секции оживили свою деятельность в связи с эвакуацией оборонных предприятий из Польши и Прибалтики. После Февральской революции национальные секции в большевистской партии значительно умножаются как в численности, так и в количестве. Летом 1917 года около 100 тысяч членов национальных секций вели партийную работу от Камчатки до Одессы, Минска и Киева.

Последовательное разрешение буржуазно-демократических задач в их направленности на социалистическую революцию помогало большевикам убедительно излагать связность, цельность и взаимность своей платформы по национальному вопросу. Так, уже 27 февраля (12 марта) 1917 года большевики в манифесте РСДРП «Ко всем гражданам России» заявили, что революция, свергнув самодержавие, ставит на повестку дня утверждение демократической республики, призванной реализовать назревшие решения.

Однако буржуазное Временное правительство в своей программе действий, обнародованной в официальной декларации 3(16) марта, умолчало о форме правления. Эсеро-меньшевистский правящий блок также откладывал решение, совмещая его с созывом Учреди-

тельного собрания. Фактически после Февраля государство не имело государственного флага, герба и гимна. Лишь после ликвидации корниловского мятежа Временное правительство 1 (14) сентября 1917 года официально провозгласило Российскую республику и объявило об учреждении Директории (так называемого Совета пяти), коллегии пяти министров Временного правительства во главе с министром-председателем А. Ф. Керенским, на которую было возложено до формирования кабинета управление делами государства для поисков выхода из правительственного кризиса, возникшего в связи с мятежом генерала Л. Г. Корнилова. В сентябре на деньгах, так называемых думских, появляется новый государственный герб в виде двуглавого орла с опущенными крыльями и изображением Таврического дворца. Пришедшее на смену Директории 3-е коалиционное Временное правительство просуществовало ровно месяц (с 25 сентября) и не могло вывести страну из государственного и национального кризиса иначе, как взяв курс на введение военной диктатуры. Однако Октябрьская революция как историческая реальность положила конец этому политическому сценарию. В новых исторических условиях национальное движение России пошло по пути создания советской национальной государственности. Советы, ставшие государственной формой диктатуры пролетариата, реализовывали партийные установки большевистской национальной программы.

II Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов (7—9 ноября н. ст. 1917 года), имевший представительство от всех национальных окраин России, не согласился на провозглашение федеративного устройства государства. Таким образом, в первые месяцы после Октября Российская советская республика являлась единым многонациональным государством и включала в себя территорию всей бывшей Российской империи. Принятая на съезде «Декларация прав народов России», обращение «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» нашли свое практическое подтверждение в декрете о признании государственной независимости Финляндии, декрете о Турецкой Армении и Манифесте к украинскому народу с ультимативными заявлениями к Украинской раде.

В поражении буржуазно-националистической тенденции в осуществлении национальной политики России в 1917—1918 годах сыграло свою роль триумфальное шествие советской власти. Оно

сопровождалось процессом образования и подготовки к образованию национальной государственности на базе «вертикали власти» в виде Советов всех уровней. Так создавались советские национальные республики. Одновременно шел процесс формирования их союза в качестве союза «освобожденных народов».

III Всероссийский съезд Советов открылся 10 (23) января 1918 года

спустя пять дней после разгона Учредительного собрания в Таврическом дворце в составе 1647 депутатов с решающим голосом, из которых 233 делегата были от нерусских народов, принял «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа». В ней говорилось: «Советская Российская Республика учреждается на основе свободного союза свободных наций как федерация Советских национальных республик». Съезд принял постановления «О федеральных учреждениях Российской Республики» и «О политике Совета народных комиссаров по национальному вопросу».

Эти документы определяли основные принципы складывающейся советской федерации: добровольность вступления в нее, равноправие наций, революционный интернационализм, демократический централизм, национально-территориальный принцип образования. На этой основе советская власть начала проводить политику создания национально-территориальной автономии. Этому принципу соответствовала Туркестанская советская республика, провозглашенная 30 апреля 1918 года в Ташкенте 5-м краевым съездом Советов.

Расширение и обобщение опыта советского национально-государственного строительства было юридически закреплено в Конституции РСФСР 1918 года, где в качестве первого раздела включена указанная выше декларация. Необходимо отметить, что III съезд Советов сыграл историческую роль в законодательном оформлении и укреплении советского государственного строя, что и обеспечило широкомасштабный мирный переход государственной власти к Советам на всей территории страны. Такой поворот событий произошел из-за присоединения 13 (26) января к съезду участников III Всероссийского съезда Советов крестьянских депутатов. Ранее съезды крестьянских Советов проходили отдельно. Кроме того, на объединенном съезде Советов присутствовало в два раза больше полномочных депутатов, чем в составе Учредительного собрания. В состав ВЦИК, избранного съездом, вошли 360 человек, представляв-

Всякая попытка представить горстку революционеров, «вождей мирового пролетариата», способными в одиночку столкнуть колоссальную страну с «прогрессивного» пути буржуазного строительства, является политической спекуляцией. Наивно полагать, что какие-то отечественные заговорщики вкупе с международными авантюристами могли бы за какие-то 20 лет организовать в стране три революции, не будь на то кардинальных исторических причин. Большевики смогли объединить недовольство оппозиционных и революционных настроений всех слоев и классов русского общества, включая национальные и племенные особенности, в единый поток революционного настроения, направленный против самодержавной, а затем и буржуазной власти. Особенно надо отметить настроения в крестьянской среде, которые определяли весь ход политического процесса. По сути, после крушения империи в этой среде зреют мессианские настроения, обусловленные уровнем образования, культуры и религиозности. Но ведь и большевики руководствовались в своих действиях именно мессианскими побуждениями, что делало их политический союз с крестьянством не просто неизбежным, но и победоносным. Мессианские настроения народа, по сути, крестьянства, находили свое отражение и в большевистской концепции общенародного государства. Идея государства как большого дома народа России являлась в действительности русским архетипом и поэтому не нуждалась в пропаганде. Достаточно было обратиться к чувству народа, чтобы из области коллективного бессознательного эта идея стала политически эффективной. Вся история российской государственности начиная с IX века основана на практической реализации этой идеи. В условиях мировой войны, воскресившей апокалиптические настроения, большевистский мессианизм и явился той консолидирующей силой общества, которая смогла преодолеть нормы буржуазной демократии и сломать институты и органы ее исполнительной власти. Ни рациональные рассуждения эсеров о земле, ни меньшевистские идеалистические лозунги буржуазной свободы и прав, ни кадетские доводы об императивности права собственности не смогли устоять перед мессианскими побуждениями народа и большевиков. Именно они, получив в конечном счете поддержку большинства народа, оказались победителями над своими раздробленными и не имевшими притягательных для народа лозунгов противниками из лагеря буржуазных и мелкобур-

жуазных партий. В отличие от своих политических оппонентов Ленин хорошо представлял себе настроения в обществе. Помимо социальных причин, он также отмечал и чисто психологические черты зреющего перелома в настроениях. Так, он говорит о необходимости использования в политической борьбе «инстинктивного влечения пролетарской массы к социализму». Он также указывает на почти полную нерасчлененность понятий идеологии и психологии в народе: «Эта психология и идеология (стихийности), как бы она ни была смутна, почти у всякого рабочего и крестьянина заложена необыкновенно глубоко». Лидер большевиков указывает на необходимость срочно расширять партийную деятельность в структурном плане, чтобы «хоть сколько-нибудь идти в ногу с возросшим во сто раз потоком народной революционной энергии».

Партия, по Ленину, является ценностью не сама по себе, а по ее позиции в отношении творца и решающей силы истории — народной трудящейся массы. Его мнение в этом вопросе весьма отличается от мнения многих либеральных идеологов буржуазного толка того времени.

Как известно, партии и вожди II Интернационала разделяли точку зрения о незрелости народных масс и, следовательно, о необходимости всестороннего коммунистического воспитания масс. По Ленину, это было излишним. Как он отмечал в своих статьях еще начала XX века, «представитель угнетенного класса, хотя бы из хорошо оплачиваемых и вполне интеллигентных рабочих, с той удивительной простотой и прямоотой, с той поразительной ясностью взгляда, до которой нашему брату интеллигенту, как до звезды небесной, далеко, делит весь мир на два лагеря: мы, трудящиеся, и они, эксплуататоры». Поэтому неудовлетворение общественных потребностей, остроконфликтное противостояние богатых и бедных, абсолютистско-бюрократической власти и бесправного народа могли только лишь усилить раскол общества и его революционные ожидания.

Архетипическое представление самодержавия как большого государственного дома было в общественном сознании вытоптано имперской политикой. Этот коллективный архетип бытовал в народных эмоциях и чувствах и продолжает бытовать до сих пор. Можно считать, что кризис самодержавия, а затем его крах вновь обратили глубинные чувства народа к реальной жизни, что и было замечено Лениным, облекшим их в политическую плоть и действия.

Рационализм западного толка, процветавший тогда во всех российских социалистических и буржуазных партиях, не позволил им принять в качестве политической реальности мессианские и архетипические настроения и представления народных масс.

Октябрьский переворот потому и является революцией, что смог в своих рамках удержать стремительное возрастание объема активной народной массы и силы ее активности в общем политическом процессе. «Революция не заказывается; революция является как следствие взрыва негодования народных масс». Империалистическая война породила величайшее недовольство, брожение и озлобление масс. Овладение этим потоком, его усиление становятся главной практической задачей политических партий в России. Особенно это стало актуально после февраля 1917 года.

Ход событий в 1917 году более уместно характеризовать взаимосвязью психологии и революции. Если социальные проблемы, нерешенность которых определила крах самодержавной власти и власти либеральной буржуазии в России, вполне понятны, то психологическая сторона и основанные на ней мессианско-апокалиптические настроения масс менее отчетливы. Для партийной работы социалистов того периода общим местом является работа с классовой, профессиональной, этнической и всякой иной общностью в плане установления наиболее полного контакта по использованию особенностей психологического склада или характера. Другая часть социально-психологической сферы, которая обуславливает не устойчивые черты, то есть характер, а динамику, является наиболее сложной для партийного контроля. Она, как правило, не входила в повестку дня политической работы партий. Не так обстояло дело с большевиками, которые в лице своего вождя имели уникальный случай совместить стихийность в проявлении общественного настроения с правильно поставленной партийной работой. Причем в его политической публицистике можно зафиксировать внимание не только к психологии трудящихся масс, но и к психологическим наблюдениям, касающимся таких общественных слоев, как служащие (чиновничество), военные и духовенство, не говоря уже о крупной и мелкой буржуазии, дворянстве и российской интеллигенции. Своеобразие политического момента, который привел страну к Октябрю, в том, что правительство (царское, а затем буржуазное) подняло на уровень гражданской ответственности самых отсталых, са-

мых невежественных, политически неграмотных крестьян, ставя их под ружье и задавая определенные социальные цели: победа над внешним врагом, борьба с внутренней революцией. Понимание опасности этого положения появилось к осени 1917 года, когда, говоря словами классика, власти поняли: «теперь надо бояться человека с ружьем».

Особенно в этом отношении интересен учет в февральско-октябрьской политической ситуации национального вопроса. Если буржуазные и социалистические лидеры России не выделяли здесь каких-либо особенностей и призывали прямо копировать опыт западных европейцев, то интересно высказывание Ленина о психологии русского народа: «Я лично не решился бы этого (то есть знания психологии) утверждать о русском народе...» Более того, он задается мыслью, как обойти ради общерусского дела ту узость, «которая заставляет питерца забывать о Москве, москвича о Питере, киевлянина обо всем, кроме Киева...»

Ленин высоко оценивал способность русского народа к самопожертвованию ради защиты высоких духовных ценностей. Выходя за рамки национального, они равнозначны мессианским настроениям устройства «нового» мира». «Мы наш, мы новый мир построим». За ними пошли на эту борьбу и другие нации, которые видели в мире избавление от чувства ущемленного национального достоинства, обиды угнетенной нации на, так сказать, титульную нацию, а также на угнетателей, которые ассоциировались с государственной машиной власти. Вождь мирового пролетариата откровенно писал о значении национального вопроса для партии большевиков. Он видел его в вовлечении крестьянства как наиболее многочисленного и наиболее «тяжелого на подъем слоя населения» в борьбу за политическую свободу вообще и за права национальностей в частности. Следовательно, любая партия должна, помимо настроения масс, видеть главную цель своего существования. Для Ленина этой целью был социализм, а значит, и все действия партии должны быть сообразны ей. Он вовсе не считал, что необходимо следовать за каждым изгибом настроений масс. Другие социалистические и буржуазные партии не так ясно осознавали свои цели, более всего ценя свою самодостаточность вне связи с подлинными интересами народа, либо слишком уж превознося абстрактные буржуазные свободы, которые мало интересовали массовое сознание.

Большевики более умело использовали психологию масс для достижения своих целей, прежде всего для самой радикальной ломки прежних общественных отношений и порядков. Отдавая должное важности подобной ломки в психологии масс, большевистский лидер указывал на первостепенное значение избавления от того в психологии, что тормозит ход истории. Этого подлинного ощущения историзма и непреходящего значения всего 1917 года в мировой истории не было ни у кого из значимых политиков того времени, кроме лидера большевиков. Так, у крестьян как класса, показывал Ленин, налицо особая психология: крестьяне — труженики и собственники, крестьяне — трудовые деловые люди, люди практической жизни. Психику этой массы, как и всякой иной, надо уметь привлечь, завоевать, переделать. «Не смей командовать!» — предупреждая Ленин в отношении крестьянства. Ему была понятна та позиция, когда нет места идеализации или возведению в абсолютный закон стихии, инстинктов и стратегий масс, чем руководствовались другие социалистические и буржуазные лидеры. Задача состояла как раз в том, чтобы считаться с объективными условиями, преобразующими психологию борющейся массы, а не наблюдать самодовлеющую психологию забитой массы. Ленинское понимание социально-психологической динамики российского общества оказалось верным. Поэтому большевики уверенно контролировали социально-политическую ситуацию в российском обществе в 1917 году, что определило переход власти в их руки.

Кроме того, отождествление партийных и народных интересов, что практически реализовали большевики, было сделано благодаря правильной философской позиции. Недаром материалистическая антропология Людвиг Фейербаха так высоко оценивалась Лениным. Но главным моментом ее было дистанцирование от буржуазной концепции категории «я» как субъекта познания. Фейербах заявил и доказал, что нет никакого «я», субъекта познания, до отношений между людьми: каждый из них становится субъектом только в этом взаимном отношении. Как, например, можно говорить о морали, имея в виду одного лишь человека: ясно, что мораль возникает, когда речь идет об отношении одного человека к другому или другим. Первичное отношение «мы и они», поскольку оно входит в коллективное бессознательное на уровне архетипа, явственно определяло социальное действие масс. Поскольку идеология и есть

определенная система взглядов и идей, в которых оцениваются отношения людей к действительности и друг к другу, то она и предоставляет действующему политику механизм и инструмент выявления групповых отношений в обществе по принципу «мы и они». Отмеченная летом 1917 года глубокая поляризация общества, как нельзя лучше отвечала практике тех партий, которые хорошо представляли себе истинную психологию и настроение широких народных масс.

Исторический материал всех времен и народов, начиная с истории первобытного общества, указывает, что в психологической плоскости категория или понятие «они» первичнее понятия «мы». Отсюда в известных интересах можно развить на этой архетипической основе ненависть к какому-либо общественному институту или явлению, а затем обособиться от «них» в качестве «мы», то есть самоопределившись по отношению к «ним». История коммунизма как раз и начиналась с заявления о классовой ненависти в известном манифесте и определения «того», что же противостоит буржуазии в реальном мире. Этот факт полностью соответствует психологии: только ощущение, что есть буржуазия, рождает выраженное сознание того, что есть «не буржуазия». Однако западноевропейский коммунизм, основанный на рациональном объяснении классовой ненависти, отличен от русского большевизма, заключающего в себе значительные эсхатологические проекты и мессианское отношение к возникающей социально-политической действительности. Надо сказать, что последнее представление, связанное с решающей ролью бессознательного в определении отношения «мы — они» утвердилось в мировой психологической науке лишь во второй половине XX века. Однако, как мы видим, большевики успешно реализовали его в кардинальный момент истории России, когда решался вопрос о власти. Масштабность накопленных обществом проблем заставляла партийных идеологов задолго до профессиональных психологов включать в круг практических проблем вопросы, не только касающиеся социальных классов, слоев и национальных групп. Это предполагало вести партийную работу по линии международных объединений по тому или иному признаку (классовому, профессиональному, научному, политическому), а также не исключать мировые религии. Кроме того, большевики в рамках своей партийной идеологии прямо ставили вопросы будущности всего человечества. Да и женское международное движение постоянно находилось

в поле зрения их практической работы, конечно, в прямой связи с вопросом о власти. Такой широкий спектр охвата вопросов социально-политической жизни стал неперенной сферой действий политиков лишь к концу XX столетия, если говорить о буржуазных государствах. Однако российская практика опередила их на добрых три четверти века. В этой связи не стоит удивляться тому факту, что большевики исходили в своей политической практике из ясного понимания российской действительности, основанного на вполне объективных закономерностях социально-политической и экономической жизни страны. Их политические оппоненты не смогли продемонстрировать адекватный уровень политического универсализма.

Большевицкая революция закончилась на берегах Вислы, где объединенные силы буржуазной Европы остановили натиск пролетарских армий в их походе за правду и справедливость. В дальнейшем экзистенциальный порыв народа был сбит мором в Поволжье, экономическим крахом политики военного коммунизма, ослабившим как крестьянство, так и промышленный пролетариат. Экзистенция в массах пошла на убыль.

Ленин долго сопротивлялся этой тенденции, нашедшей своих приверженцев в партийном руководстве. На нэп он согласился под мощным давлением партийной гвардии профессиональных революционеров, не понявших духовные основы русской революции, но слепо приверженных социалистическому доктринерству западных европейцев. Эти люди и установили на многие годы диктатуру коммунистической партии, ничего общего не имевшую ни с большевизмом как духовно-революционным движением, ни диктатурой пролетариата.

Сталин также обращался к этой теме в плане ее реставрации. Знаменитый диалог в фильме «Чапаев»: «Ты за кого, за большевиков или коммунистов? — За Ленина» показывает, что лидер СССР вновь попытался организовать условия для возникновения экзистенциального порыва в народе. По его мысли, борьба за земной шар, за мир продолжалась. Сталин солидарен с Чапаевым из кинофильма в том, что большевики ратуют за продолжение преодоления старого, строительство нового, а коммунистам была нужна одна власть для своей сытой жизни. Сталин до октября 1952 года противился устранению слова «большевики» из названия правящей партии.

Засилие коммунистическо-бюрократической системы, пришедшей к власти после иссякания экзистенциально-большевистского импульса в народной массе, привело к пессимистическим мотивам в обществе. Мессианские чаяния народа были принесены в жертву мещанскому процветанию партийной аристократии и олигархии. Система загнала народную свободу в богемную, катакомбную среду. Заметим, что следствием этого явилось многообразие литературных стилей в стране в 20-е годы.

Подлинная свобода была заменена ее художественным эрзацем: футуристы, презентисты, ничевоки, люминисты, эвфуисты, имажинисты и другие. Дух времени, конец героического периода выразил поэт Есенин. Сергей Есенин — плоть от плоти народной. В своем творчестве он как раз и отражал народные думы о существующем и о том, что же произошло. Не хочется верить Есенину, что революция, мощная буря очищения, завершена без достижения тех великих целей, которые понятны всем и каждому, — свободы и справедливости. На их место пришли обывательщина и мещанство:

*Тот ураган прошел.
Нас мало уцелело
На перемычке дружбы многих лет.*

И далее:

*Мы многое еще не сознаем,
Питомцы ленинской победы,
И песни новые
По-старому поем,
Как нас учили бабушки и деды.*

*Но все же я счастлив.
В сонме бури
Неповторимые я вынес впечатленья.
Вихрь нарядил мою судьбу
В золотканое цветенье.*

Поэт чувствует замедляющийся ход истории, когда мировой процесс идет на убыль: уже в мавзолее Ленин, который «открыл для мира наконец никем не виданную Сушу». Все ширится тот уклад жизни, пошлость, герои которой — комиссары — чувствуют себя центрами этого рутинного существования:

*Все доступно в мире,
Петя комиссаром
На своей квартире
С толстым самоваром.*

В октябре 1925 года после празднования Октября поэт пишет: «Теперь октябрь не тот, не тот октябрь теперь...»

До этого, пространствовав два года по Старому и Новому Свету, он оставляет свои впечатления в письмах.

«Что сказать мне об этом ужаснейшем царстве мещанства, которое граничит с идиотизмом? Кроме фокстрота, здесь почти ничего нет, здесь жрут и пьют и опять фокстрот. Человека я пока еще не встречал и не знаю, где им пахнет. В страшной моде Господин доллар, а на искусство начихать, самое высшее — мюзикхолль». И про Америку: «Мы взглянули на статую Свободы и прыснули со смеху: бедная старая девушка! Ты поставлена здесь ради курьеза!»

Даже тяжело заболев в 1925 году, Есенин отказывается выехать для лечения в Баден-Баден: «Был я за границей — тошнит меня от заграницы». Но в России народ уже не тот и власть уже не та.

*О чем крестьянская судачит голь...
Как мало надо этим брадачам,
Чья жизнь в сплошном
Картофеле и хлебе.
Чего же я ругаюсь по ночам
На неудачный, горький жребий.*

Уход Есенина - это конечная точка развития революции в России; революция завершилась.

Сталин десять лет спустя попытается вернуть революционный пафос в государственную и общественную жизнь страны. Международная обстановка способствовала претворению самых великих замыслов в судьбах народов. Он предпринял определенные усилия убрать из сферы государственной жизни коммунистическую аристократию, этот омещанившийся слой западнофилов, а также воспитать и привести к власти новую плеяду большевиков, «сталинских дворян». Этим планам не суждено было сбыться, ибо и выпестованное поколение новых большевиков, и духовный подъем были исчерпаны в кровавом хаосе Второй мировой войны.

Глава IX

Филофей, самодержавие и третий Рим

Обзорение древней и московско-императорской России дает основания полагать, что их частная и государственная общественная жизнь была воздвигнута на простейших и в то же время значимых основаниях оседлого общежития: двор или дом.

Западноевропейский образец несет нечто иное: местное население завоевывалось силой и управлялось чужеземной аристократией и олигархией.

Московская Русь зачиналась со двора. Ведь основной проблемой первых удельных князей московских была малочисленность народонаселения. Отсюда своеобразие великорусской жизни. Однако лишь историки XIX—XX веков, среди которых были не только славянофилы, постепенно пришли к мысли об особенностях великорусского типа социальной формации.

Развитие древнерусского и московского общества и государства представляет собой выделение и самостоятельное развитие зачатков общественных отношений, зарождающихся в домострое. Политическая организация удельных княжеств, одним из которых был Московский удел младшего сына Александра Невского - Даниила, вернулась к тем же основам, как только варяжское дружинное начало было исчерпано ходом русской жизни и вконец забылось. Этот тип получил свое развитие в Московском государстве. Царский дом, или двор, состоит из членов царского семейства. Слуги царя, окружающие правителя государства, нисходят по степени от высших, приближенных, до низших. Однако в силу расширения и роста Московского удела элементы двора разделяются: появляется народ, «сироты царские», то есть состоящие под защитой, охраной и попечением государя. Рост и развитие Московского удельного княжества в Великорусское государство было процессом государственно-го единения в государственной сфере по первоначальному типу дво-

ра или дома. В этой связи после Куликовской битвы в правительстве начинает вырабатываться ясное представление о государственном единстве и единстве государственной власти. С этого времени в государственной жизни Великороссии начальный тип дома или двора восстанавливается во всей своей полноте. Самый тип власти остается, в сущности, таким, каким он был, базируясь на основах великорусской жизни. Из жизни восточнославянских племен он перешел в общественный строй древнерусских княжеств, однако смог остаться чистым лишь в государственном и общественном быту великороссов. Украинцы и белорусы не смогли разрешить проблему собственной самостоятельности в условиях столкновения интересов сфер западноевропейского и татаромонгольского влияния, имевших границу контактов на территории Западной Руси.

Разумеется, говоря о домостроительных принципах в государственной сфере, нельзя пройти мимо крепостного права, которое проистекало из этих основ великорусской жизни. Однако в древнерусской жизни оно носило лишь властный характер юридического права на человека и никогда не было правом собственности на человека.

Крепостное право Древней Руси было основано на патриархальных отношениях, связанных с великорусским бытом - дом или двор. Оно напрямую вменяло владельцу попечительство о людях, справедливость в обращении с ними, правильное определение их обязанностей и повинностей. (Вырождение крепостного права в эксплуатацию людей ради барыша и обращение юридического права на людей в капитал с целью извлечения наибольшего процента стало характерно в России с началом реформ Петра I и петербургского (имперского) периода российской государственности.) Можно сказать, что крепостное право развилось из домашней власти по образцу жизни дома, двора. Поэтому на Руси оно не было ни строго юридическим, ни экономическим явлением. Иностранцы наблюдатели Московской Руси и России вплоть до XIX века немало удивлялись тому факту, что, несмотря на крепостную зависимость (в течение трех веков), великорусский крестьянин нисколько не походил на раба. В основании этих наблюдений лежит правда, которую иностранцы не поняли, потому что она лежала совершенно вне круга их понятий. Но кто вник в характер и внутренний смысл крепостных отношений, тот найдет эти наблюдения очень понятными и е-

тественными. Крепостное право было основой общественной жизни, которая определялась первообразом великорусского быта — двор или дом. Из этого начала произошла и государственная жизнь Руси, возводимая во всей сложности и полноте государственного дома. Крепостное право, введенное в рамки частного права, лишь ускорило крушение империи. В московский период оно имело вид общественного договора правителя и всего общества, то есть являлось сферой государственного права и определяло всю общественную и государственную жизнь во всех мельчайших подробностях. Все Московское государство представляло собой колоссальный дом, подвластный московскому царю, который управляет им посредством своих слуг. Как был устроен частный быт, точно так же было устроено и все государственное здание.

Домашняя дисциплина послужила образцом для дисциплины общественной и государственной. В царской власти, сложившейся по типу власти домовладыки, русскому народу представилась в идеальном виде та же самая власть, которую он знал из своего ежедневного быта. Царь есть воплощение государства и государственной власти — таково было представление великорусского народа. Потому он превыше всех, он вне всех споров и сомнений, он неприкосновенен. Это положение царя делает всех равными перед ним, хотя и неравными между собой.

Совершенно понятно недоумение западных европейцев перед таким типом государственной власти, ключ к которому у них потеряян. Не зная, что она собой выражает, такие наблюдатели были готовы подвести ее под известный шаблон восточных деспотий. Ведь русский царь — не начальник войска, не избранник народа, не глава государства или представитель административной власти, он даже не отец народа. Однако же иностранец видел, что власть царя есть и она всемогуща и лежит вне сферы деспотического насилия. Народ и царская власть сжились у нас, как Англия со своим парламентом, до тех пор пока оба учреждения носили национальный характер. Как только государственный институт утрачивал представление о национальных интересах, реакция общества в обеих странах следовала незамедлительно. В Англии этот институт показал более глубокую национальную природу.

В способности создать себе идеал государства в народных формах и потому доступных и понятных каждому, а также в умении со-

хранить и поддерживать его заключается историческое значение самого народа; великорусский народ создал отличную от других единойдержавную форму государства, отвечавшую его понятиям, в виде самодержавия. Прочие славяне этого сделать не смогли, утратив на значительный период времени свою политическую самостоятельность. Народный характер царской власти был поколеблен самой властью в значительно более поздние времена и оказался связан с насаждением сверху общинного быта.

Термин «самодержавие» является византийским заимствованием, потребовалась значительная работа для его московской адаптации. Наиболее известными писателями, работавшими над идеологической обработкой термина, соответствующей московским условиям, были старец Филофей и царь Иван IV Грозный. Определенные мысли по данному вопросу высказывал и дед Ивана Грозного - московский царь Иван III Грозный. Именно при нем политические реалии и проблема преемственности Византийской империи стали актуальными для Руси.

Власть и государство при Иване III уже приняли единойдержавную форму. В связи с женитьбой царя на византийской принцессе в страну хлынул поток западных европейцев, которые принесли с собой новые идеи, породившие в столкновениях со старыми, местными различные отношения к единойдержавной власти, народу и церкви перед актуальной перспективой, открывшейся после падения мировой империи и образования политического вакуума в мировом раскладе сил.

Осмысление процессов, замещающих влияние и присутствие Византии в мировых делах, было катализировано в России вторым браком московского царя с Софьей Палеолог, племянницей последнего византийского императора, погибшего на крепостных стенах Константинополя при штурме турками-османами Царьграда.

Идеологические основы московского самодержавия, понятные всему кругу цивилизованных государств того времени, стали во главе творческих усилий русских правителей, богословов и философских мыслителей.

Первым моментом этих усилий было сохранение православия во всей его чистоте. И сто лет спустя Иван IV на вопрос папского легата Поссевина, какую веру исповедует Московия, отвечал, что «мы веруем не в греческую веру, а в истинную христианскую, принесен-

ную Андреем Первозванным», то есть учеником Ионна Крестителя и первым из двенадцати избранных учеников (апостолов) Божиих, брата Симона Петра. И далее царь московский показывает папскому посланнику крест, водруженный апостолом на горах Киевских, с пророческим предсказанием его: «Видите ли горы эти? Поверьте мне, на них возсияет благодать Божия». Легат стушевался после такого ответа и более не предлагал царю обратиться в лоно Римско-католической церкви. Понятно почему: римский папа ведет свое духовное превосходство от апостола Петра, а царь указывает, что русское первородство выше, оно от Андрея, который призвал этого Петра.

Между тем этот факт указывает на то обстоятельство, что московские цари уделяли много внимания укреплению роли Руси в современной системе геополитических координат, среди которых важнейшими были государство, государственная власть, их отношения с народом, церковью и олигархией. Внутреннее единство позволяло России выступать державной силой и в международных отношениях, где происходило замещение выдающейся роли Византии для современного мира. В первую очередь это касалось идеологической составляющей государственной политики Руси, ибо необходимо было закрепить на этой почве духовный союз государства, а точнее, государственной власти и православной церкви. Миропонимание великорусского человека того времени вне зависимости от сословной принадлежности заключалось в видении государства и власти как сферы деяний большого российского, тогда великорусского, дома-двора. Следовательно, государственная политика Великорусского государства XV—XVI веков должна была по необходимости с учетом геополитических реалий включать в себя понятную всем слоям московского общества идеологию, обосновывающую значение и величие этого государства.

Такая общественная позиция была не нова для Русского государства. И в более ранние времена, в период удельных княжеств, политические споры часто носили религиозно-идеологический характер, а участники этих споров — князья — постоянно ссылались на церковные авторитеты, дабы упрочить обоснование своей позиции. Но авторитет Константинополя в религиозных делах был незыблем. Так, в XIV веке шведы предложили новгородцам устроить религиозный диспут между католиками и православными, но были отосланы ими непосредственно к патриарху в Царьград. Флорен-

тийская уния, принятая на вселенском соборе в 1439 году при одном голосе — православного священника Марка Эфесского — против, также не была признана действительной в Москве.

Погибая от турок, греческие власти готовы были на любые уступки. Император и патриарх константинопольский искали унии в надежде на крестовый поход против иноверцев, который объявит глава Римской церкви. Поэтому уния была устроена таким образом, что сохраняла греческий церковный обряд, но признавала главенство папы и католические догматы. Кроме того, после признания константинопольским патриархом главой Русской церкви не московского, а западнорусского митрополита, великий князь Московский объявил православных греков «изрушившими». Упомянутый митрополит Руси, ученый грек Исидор так преуспел в своей склонности к унии, что папой римским был облечен в 1440 году дополнительно саном кардинала и «званием легата от ребра Апостольского для всех стран северных». В первой своей литургии по возвращении весной 1441 года

в Москву Исидор произнес имя папы римского Евгения и прочел определение Флорентийского (Феррарского) VIII вселенского собора о соединении западной и восточной церквей под верховенством папы римского с сохранением права преимуществ четырех Восточных патриархов так, что они занимают первые места непосредственно после папы. Все эти новости сильно изумили в Москве и духовенство, и мирян. Однако Василий II, великий князь Московский, находившийся при оглашении в храме, не растерялся и обличил Исидора как лжепастыря, губителя душ и еретика и велел низвести изменника с престола, посадить под стражу и созвать собор русских епископов для рассмотрения постановления Флорентийского собора.

Собор епископов в Москве признал унию противоречащей православному учению. Сам Исидор ухитрился бежать из-под стражи, «изшел бездверием» и оказался в Литве, а оттуда перебрался в Италию. В качестве папского легата он был пленен турками в Константинополе в 1453 году. После этих событий собор русских пастырей 5 декабря 1448 года избрал нового митрополита всея Руси, воспользовавшись первым правилом апостольским и 4-м правилом I Вселенского собора, которые давали право епископам каждой области избирать и посвящать старшего епископа. Исполнением этих правил были возведены в митрополиты всея Руси первые русские люди

Москве в этом столкновении интересов удалось предотвратить вмешательство в свои внутренние дела, используя международные инструменты вмешательства по религиозным основаниям, а Русская церковь получила реальную возможность стать автокефальной.

Преемником Василия II Темного был его старший сын Иван Васильевич, которого слепой отец сделал своим соправителем и еще при своей жизни - великим князем. Современники называли Ивана III Васильевича «русский Макиавелли» за его ум, сильную волю и великие государственные способности, идущие на пользу стране. Они же указывали на то, что царь московский в связи с браком на византийской принцессе сформулировал особое представление о своей власти, основываясь на преемственности исчезнувших греческих императоров. Царь показал это на деле, венчав своего внука Дмитрия на царство, а не на великое княжение. Однако осознание московским царем себя в качестве единого государя могучей великорусской народности и соседа мощных европейских государств пока не находило точного словесного выражения в этой новой обстановке. Иван III в этом направлении лишь предпринял меры для выработки нового церемониала («чина») для приема гостей и послов при московском дворе. Он сильно отличался от предшествующего протокола. Одновременно царь отказал римскому (германскому) императору в принятии от него титула короля и настоял, чтобы в сношениях с ним иностранные государи именовали его титулами «кайзер» или «император». Кроме того, Иван III начал в 1484/85 году войну с Литвой, разгневанный на зятя, наследного великого князя Литовского и избранного короля Польши Александра, нарушившего договор о недопущении силой обращать православных к папизму. Война при жизни царя не была завершена, но при нем многие литовско-русские земли и правившие на них князья перешли на московскую службу от католического государя к православному.

Таким образом, национально-государственная политика Ивана III была направлена на воссоединение русских земель в общее государство — дом на основе единства веры, народности и старой династии Владимира Святого. Однако в делах церковных первый самодержец на Руси не присваивал себе власть, ограничиваясь утверждением соборных решений и содействием исполнению приговоров своей властью.

Именно ближайший сотрудник Ивана III митрополит всея Руси Зосима выдвинул в начале 90-х годов XV века геополитическую идею «Москва - новый град Константина», ставшую идеологической основой того государственного дома, который московский царь укреплял своими делами. Зосима смело соотносил новозаветные пророчества с современными греко-русскими реалиями, обосновывая преемственность русских и ставя под сомнение систему поставления иерархов, принятую греками. Иван III поддерживал митрополита в построении национально-государственной идеологии, проникнутой духовно-религиозным содержанием, для обоснования роли и положения царя во всех сферах государственной и общественной жизни. Когда митрополит пришел к заключению, что для полноты реализации идеологии необходимо секуляризировать церковные земли, то царь в этом вопросе не пошел на обострение отношений с церковью, выступившей против Зосимы.

В 1494 году Зосима был вынужден оставить московскую кафедру по причине (в чем Иван III был убежден) его пороков и пьянства. Зосима удалился в Симонов монастырь, а оттуда в Троице-Сергиеву лавру. Между тем собор 1503 года выявил в концепции Зосимы, кроме нужной идеологической составляющей, некоторые другие моменты, связанные с рационалистическими идеями, которые развивали сугубо учения западноевропейской секты пассажиров и по сути являлись антихристианскими. Реакция Ивана III была немедленной и жесткой: внук царя Дмитрий и его мать (невестка царя) Елена были заточены как главная опора этой секты. Сын царя от второго брака Василий был объявлен наследником престола. Таким образом, династия продолжилась от брака византийского. Члены секты претерпели значительные гонения и исчезли без следа.

Концепция Зосимы носила эсхатологический характер, а потому была поддержана московским царем. Внешним источником ее было падение Константинополя, а богословским — наступление судного дня в 1492 году, который, согласно «Толковой Палее», совпал с 7000 годом со дня сотворения мира. От византийцев это убеждение перешло к московским книжникам, вызвав в обществе и клире сомнительные толкования.

Иван III, заострив внимание на национально-государственном аспекте царской власти, обоснованной Зосимовой концепцией, не заметил иных выводов. И лишь обличение антитринитариев блес-

тящим оратором игуменом Иосифом Волоцким помогло понять ее антихристианскую суть.

Однако игумен, разбираясь в системе защиты монашества от антиринитариетов, побочно разработал еще политическую теорию, обосновавшую право московских князей на абсолютное «самодержавство». Фактически он сделал шаг вперед по сравнению с концепцией Зосимы, поскольку объяснил, почему московскому государю должны подчиняться все христиане, включая духовенство. Царь, писал игумен, лишь «естеством» подобен человеку, властью же сана яко от бога». Главное слово принадлежит самодержцу и в делах церковного управления, ибо он «первый отмститель Христу на еретики». Бог вручил ему все высшее — «милость и суд, и церковное, и монастырское, и всего православного христианства власти и попечения». Значит, «царский суд святительским судом не посужается ни от кого». Более того, доказывал Иосиф (в миру Иван Санин), московский государь является главой «всех русския государем», и удельным князьям подлежит оказывать ему «должные покорения и послушания», «работать ему по всей воли его и повелению его, яко господеви работающе, а не человеком».

Начатое Иосифом идеологическое возвышение единодержавной власти стало нормой русской философско-политической мысли XVI—XVII веков. Разработка идеологии русской государственной власти была поддержана авторами церковно-ортодоксального направления. Выход Московского государства на уровень общеевропейской и восточной мировой политики побуждал и московских государей лично уделять внимание этой теме. Решительным деятелем в этой сфере был царь Иван IV Грозный. Поддержанный в своих начинаниях церковными идеологами, он бесповоротно встал на позиции Зосимы, Иосифа и старца Филофея, обосновывавших и развивавших концепцию московского единодержавства, которая имела прогрессивное значение и соответствовала новому положению объединяющегося государства. Кроме того, светская централизация страны под единой властью одного государя открывала путь к сохранению церкви и окончательному преодолению смут, раздоров и распрей в идеологической сфере, которые будоражили не только церковное сознание обывателя, но и воздействовали на его общественное поведение и отношение к системе власти.

Идеологический союз единодержавной власти и церкви поднимал и решал центральные вопросы о статусе государя, его правах

и обязанностях в контексте поддержания общего внутреннего мира и благоденствия. События в России конца XV—XVII веков показывают, что под прикрытием антицерковной оппозиции свои династические права пытались заполучить многие боярские фамилии из родов Гедиминовичей и Рюриковичей: крупнейшим «делом» здесь было вышеупомянутое дело невестки царя и его внука, наследника царевича Дмитрия Ивановича, а также ближайшего родственника царей Ивана III и Василия III Вассиана Патрикеева. Обнаружившиеся под покровом церковного спора об антитринитариях действительные династические распри вынудили принять срочные меры, дабы упорядочить нормы, составляющие идеологическую основу государства. Что касается государственных преступлений, имеющих целью свержение царя или ставивших вопрос о престолонаследии вообще, то в указанное время уже были подготовлены «инструкции» по добыванию соответствующих вещественных доказательств и утвердилось само понятие «государственное преступление».

В этой связи в начале XVI века появляются одно или несколько посланий старца Псковского Елизарьева монастыря Филофея, представляющие дальнейшее развитие идей о «Москве — третьем Риме». Несколько позже — в первой четверти того же века — бывший иерарх тверской Спиридон пишет свое «Послание о Мономаховом венце» о происхождении русских государей от «сродника Августа — кесаря» легендарного Пруса. Положения последнего послания многократно приводились царем Иваном IV в его переписке с Курбским, который отстаивал позиции боярской олигархии в ее борьбе с единой державой московским.

Старец Филофей в своих посланиях, адресованных царю Василию III и дьяку Мунехину, возводит положение об особой роли России и ее государей на более высокий идеологический уровень. Старец указывает не только на преемственность Москвы Константинополю, «Москва — новый град Константина», но и обосновывает периодизацию мировой истории, на современном этапе которой Москва является подлинным и безусловным центром мира. Это положение подводило его автора к мысли об особом, своеобразном пути строительства нового русского государства, поскольку в условиях, когда окружающий мир духовно «изрушился», опора на чужой опыт должна быть ограниченной — только как на опыт отрицательный. Величие и ответственность России за ход дел в мире, в пер-

вую очередь сохранение и поддержание истинно правой веры, в действительности была направлена на укрепление российской государственности, идеологическое обоснование московского единодержавия в его союзе с церковью как действенного средства возвеличивания Москвы в качестве мирового оплота истинного христианства на основе внутригосударственного и национального единства, то есть самодержавной власти. Так, мы читаем у Филофея: «Блюди и внемли, благочестивый царю, яко вся христианская царства преидоша в конец и спадошася во едино царство нашего государя по пророческим книгам; яко два убо Рима падоша, а третей (то есть Москва) стоит, а четвертому не быти». Старец развивает мысль о падении и Рима, и Константинополя вследствие ереси, и осталась одна Москва, которой, чтобы назначенное пророчество осуществить, необходимо быть сильной и единой, поскольку пророчества говорят, что четвертого Рима не будет. Его предшественники осифляне лишь указывают на необходимость укоренения византийской традиции гармонии церкви и государства на Русской земле применительно к новой международной ситуации. Филофей же строит глобальную историософскую концепцию первородства Москвы в современном мире по отношению к иным странам и государствам. Он возводит роль Москвы до преобразования ее в третий Рим в политическом и религиозном смыслах. Кроме того, как известно, Руси были переданы из Византии царские регалии, что символизировало передачу имперских полномочий. Так поступил в 476 году военачальник Одоакр, происходивший из германского племени скиров, когда лишил престола малолетнего римского императора Ромула Августула. Он отослал знаки императорского достоинства в Константинополь восточноримскому императору. Западноримская империя перестала существовать. Таким образом, Русь получала с концом Византии глобальные полномочия от обеих империй в виде императорских регалий.

Отсюда следовала важность идеологического обоснования факта передачи регалий. Такой подход требовал определенной адаптации к современным условиям. Государственная идея единодержавия, как уже говорилось, была народной, или национальной, идеей, ибо была построена на всем понятной идее государства как большого дома с домовладыкой во главе. Однако выход Руси на мировую авансцену, где сталкивается множество иноплеменных и иноверных интересов, требовал от книжников и властей более пол-

ной, разработанной идеологии. Например, византийская преемственность требовала титулатур «царя» и «патриарха», которых на Руси не было. Не было и первенства русской церкви среди других православных церквей.

Византийская традиция верховной власти, принадлежащей императору, заключалась в принципе «то, что угодно императору, имеет силу закона», сформулированном в III веке. С признанием христианства в IV веке при Константине I официальной религией церковь стала считать императора помазанником божьим. Византийский император был неограниченным правителем — автократом (т. е. самодержцем). Его власть не была наследственной; императора избирали синклит олигархов (сенат, иногда димы, то есть спортивные организации, руководимые враждующими между собой группировками знати) и войско. Расположенный близ дворца ипподром (цирк) — место конных и иных состязаний — был нередко ареной бурных выступлений народных масс, инспирированных олигархией для решения собственных политических задач.

Старец Филофей уже называет Василия III царем: «Вся царства православныя христианския веры снидошася в твое едино царство: един ты во всей поднебесной христианам царь». Для титулатуры еще Иван III требовал называть себя в международной переписке царем, однако не поощрял того при своем дворе. И понятно почему: царь в соответствии с канонами византийским должен получить поддержку церкви и патриарха, которого не было еще на Руси, как помазанника Божьего.

Официально утвердительная грамота восточных патриархов о возложении на московского государя титула царя была прислана в Москву в 1561 году. Учреждение патриаршества на Руси состоялось позже, при Федоре I на соборе греческих иерархов в 1589 году.

Поэтому усилия ортодоксальных церковных идеологов в обосновании «вселенских настроений» Москвы как «третьего Рима» увенчались достижением византийского государственного образца: во главе державы православный царь, подле которого патриарх. Особенно этому процессу содействовал Иван IV Грозный после своего венчания в 1547 году на царство. При его царствовании претворялись в жизнь меры по приведению Руси к единомыслию и единоумудрию. В это время возникли два крупнейших литературных памятника - Четьи-Минеи и «Книга Степенная царского родословия».

В первом содержалась систематизация и обработка всех читаемых книг, которые «обретались» в Русской земле. Расположенные по месяцам, они должны были дать целую энциклопедию знаний, способных остановить «шатания» нравов и утвердить народ в истинной вере.

«Степенная книга» объясняла, как объединялись русские земли в единое централизованное государство, утверждала и возвеличивала институт самодержавия. Вся история России излагалась в форме княжеских житий, каждое представлялось в виде ступени восходящей на небо лестницы. Основываясь на идеях русских книжников о богоутвержденности царской власти, составители «Степенной книги» приравнивали московский царей к апостолам. Отсюда вытекала необходимость «исправления» русской истории, которое было под стать их святому лику. В целом «Степенная книга» являлась обобщением большой идеологической работы, проведенной богословами и книжниками почти за сто лет — со времени Ивана II до Ивана IV — и направленной на укрепление русского централизованного государства.

В результате этой работы удалось обосновать и сформулировать концепцию самодержавия как синтеза институтов византийского православного императора и московского единодержавия как владыки государственного дома.

Византийская традиция, рассматривающая императора как выражение высшей власти в государстве и посланника божьего, была соединена на Руси с московской традицией единодержавной наследственной власти в государстве - доме. Эти длительные усилия московских государей и книжников увенчались успехом в царствование Ивана IV Грозного, принявшего высокую титулатуру: «боговенчанный царь, самодержавный государь».

Своеобразие этой идеологической позиции, упрочившейся окончательно при Иване IV, в том, что идея нового государства, воплощающего правую веру, «изрушившуюся» во всем остальном мире, освобождалась от социально-реформаторских черт и становилась официальной идеологией уже существующего «православного истинного христианского самодержавства». Главной задачей становились поэтому не реформы в государстве, а защита его от всех антигосударственных сил, которые «растлевают» страну «настроением и междуособными бранями». Царь уделял особое внимание самодержавной власти и стремился заменить негодных и «изменных» бояр но-

выми людьми. Бояре как сословие и общественная группа выступали в общегосударственном доме с собственными интересами, что не могло быть принято новой государственной идеологией и, соответственно, политикой московских государей, выработавших идеологическое обоснование самодержавия. Интересно, что даже такой сторонник сословно-представительской монархии, как князь А. Курбский, в существе своего идеологического спора с царем Иваном IV Грозным не возражал против государственной политики царя. Он изобличал «опасный и губительный «культ личности», который, по мнению князя, окружает царя и «вдохновлен им».

В оригинальной форме государственной власти, какой было оформление самодержавия, Россия указала свой путь развития, малопохожий на социальный путь западных европейцев, предъявивших свое понимание мира посредством капиталистического способа производства и буржуазного общества. Не поняв сути самодержавия и его экономической стороны, западные европейцы отнесли его чохом к «азиатскому способу».

Концепция самодержавия или самодержавной власти носила в России характер внутрицерковных мотивов во имя искания освященности исторического бытия. Им был придан светский характер, когда в целях государственного строительства и утверждения единовластия в едином государстве потребовалась соответствующая времени политическая идеология. Придание московскому единодержавию священного смысла в качестве царской власти и самодержавия явилось исключительно результатом работы церковных русских людей. Усвоение этой концепции в виде «Москва — третий Рим» на века определило государственную и национальную политику Московского государства.

Важнейшей особенностью самодержавия является усвоение государственной властью ее священной миссии. Миссия государственной власти заключается в ее священном воздействии на ход истории. Самодержец потому помазанник божий, что вершит историю не в силу проявления своей свободы воли, но благодаря связанности своей с мистической сферой высшего промысла. И церковь идет навстречу такой власти, ибо вносит в нее благодатную силу освящения. Более того, власть и церковь не могут существовать отдельно друг от друга из-за разноплановости божественных задач, им вменяемых. Церковь, будучи пастырем, пасет народ, государственная

власть контролирует ход истории с помощью народов, подчиненных ей Божьим промыслом. Вспомним христианскую норму, что «всякая власть от Бога». Поэтому разработанная церковными кругами идеологическая доктрина самодержавия есть в том числе и национальная идеология. Поскольку эта идеология применяется и на практике, то самодержавие выступает как материальный фактор истории в виде реализованной национальной политики. Но кроме того, самодержавие есть и откровение, поскольку выражает собой и в своих действиях замысел сакральной истории.

Вот почему религиозный провиденциализм и светская концепция «Москва - третий Рим» отвечали всем запросам, могущим возникнуть в государственной, церковной и общественной сферах Московской Руси. Из общих положений провиденциализма, которые не вступали в противоречие с возможным непознаванием путей промысла в истории, старец Филофей делает вывод, что конечные судьбы мира связаны лишь с тем, что совершается в христианских народах. Он говорит, что историческое движение там, где очевидны взаимоотношения Бога и «избранного народа». Не все христианские народы избранные, и, по мысли старца, в определении этого избрания идея «христианского царя» играла решающую роль, ибо только ему открывалось «священное» в истории мира. Только подлинно христианский царь видит пути осуществления промысла в исторической конкретности, которая делает недоступным понимание обыденного человека безошибочное познание этого промысла.

Русская богословская и философская мысль признала третьим Римом Москву, поскольку в сознании русских людей живет убеждение, что только в России хранилась в чистоте христианская вера, идущая рука об руку со справедливым русским царем во исполнение эсхатологических ожиданий высшего откровения. Отсюда возникает идея об особой миссии русского народа, русского царства, кристаллизующаяся в учении о «святой Руси», то есть об универсальном всемирном значении России. Таким образом, церковно-политическая идеология, известная как самодержавие, охватывает гармонический спектр богословских учений об отношении церкви и государства, церкви и народа, идею священной миссии царской власти и русского народа, основанную на авторитете Священного Писания и отцов церкви.

Особый момент этой концепции сакральной власти - то обстоятельство, что царская власть, хотя и имеет отношение к земной жизни людей, является в действительности фактом внутрицерковного порядка. Церковь имеет обязанность помогать царю в этом, осуществляя, будучи пастырем, принцип заступничества перед царем. Повторяясь, отметим, что возвеличивание царской власти было выражением сакрального (священного) понимания мировой истории. Таким образом, царская власть есть та точка, в которой происходит встреча исторического бытия народа с волей Божией. Отсюда прямой вывод русской государственно-церковной мысли: неправедный царь — «не Божий слуга, но диавол». В царе утверждается откровение, или мистическая тайна, недоступная рациональному осознанию, сочетание начала божественного и человеческого; в нем освящается историческое бытие. Русское осознание царя выражается — в отличие от западного кесарева начала — в историческом преображении царя в священника, точнее, в первосвященника, наподобие библейского Мелхиседека — царя Салимского (Иерусалимского), священника Бога Всевышнего. Образ Мелхиседека, царя правды, отражен и в Ветхом, и в Новом Завете. Псалом СІХ пророчесствует о Мессии, что «Он священник во век по чину Мелхиседекову». Более того, Писание (Зах. VI, 12, 13) указывает, что «как и Мелхиседек, Господь Иисус Христос есть Царь и Первосвященник»; подобно Мелхиседеку «Он несравненно и выше Авраама или его потомков» (Евр. VII, 3).

Загадочен образ Мелхиседека, о котором святой апостол Павел заключает, что «Уподобляясь Сыну Божию, он пребывает священником навсегда». Именно ему Авраам по прибытии в Ханаан вручает десятую часть своей поклажи. Мелхиседек является первым историческим лицом, который упоминается как царь Иерусалима (Салима). Концепция самодержавия, в которой центральную роль играет царь правды и справедливости, предполагает оцерковление земной власти: «царь» и есть «церковный чин», в своем идеале - первосвященник по чину священника-царя Мелхиседека, государя Города — мира (Иерусалима) и первосвященника Бога Всевышнего. Эта идеология связана с принципиальным сближением государственного бытия и церковного, ибо «священное» понимание истории указывает, что царь брэнного мира преобразуется в «священника Бога навсегда». Но ведь это преобразование судьбоносно не толь-

ко для царя как человеческого существа. Царь завершает замысел Божий и открывает тем самым тайну судьбы, предначертанную свыше народу, над которым осуществляется самодержавная власть царя. Так история (людей и народов) приходит к своему божественному заключению.

Великой — перед народом и государством — заслугой русских царей Великорусского государства является претворение в государственной и национальной (государственно-национальной) политике державы на практике перспектив апокалиптических беспокойств и эсхатологических ожиданий в реальное предчувствие предстоящей жизни Русской державы. Ортодоксальные церковники и книжники дали концепцию бытия Русского государства, выдержанную в строго эсхатологических тонах и категориях апокалиптического минора. Она существенно отличается от аналогичной западной католической концепции хилястического мажора, где реально-символической фигурой заместителя Бога на земле выступает римский папа, символизирующий своим земным бытием действительность наступления царства Божия на земле.

Протестанты, напротив, впоследствии впали в материализм, приняв на веру принцип предопределенности, который показывает человеку степень его богоугодности, богоизбранности почему-то через степень его материального благополучия. На этой в полном смысле слова ереси выстроено все здание буржуазного общества.

Не так думали русские книжники и поступали русские цари. Если Москва есть третий Рим, то и последний: наступила эпоха, последнее земное «царство», то царство, что реализует сакральные заветы и ценности на земле в отведенный краткий срок его существования.

Именно как царь-священник Мелхиседек, московский царь есть последний и единственный, так как он — всемирный царь, поскольку содержит и совмещает под своей самодержавной властью все истинно христианские, то есть православные, царства.

Провиденциальное значение Москвы, находящее подтверждение в авторитете Священного Писания, в том и заключается, что она заменяет, а не продолжает второй Рим — Константинополь. Священная задача Москвы не в том, чтобы продолжить и сохранить непрерывность византийских традиций, но в том, чтобы заменить или как-то повторить Византию, — построить новый Рим взамен прежнего, павшего и падшего. Таким образом, вселенское церковно-истори-

ческое предание становится явью, переносясь в национальные пределы Великорусского государства. Однако эта явь требует и преобразования национального Великорусского государства во всемирную империю для претворения божественного замысла. Окажутся ли следующие государи России ответственны этому замыслу? История человеческая и промысел Божий все расставили на свои места, чему мы все свидетели.

Политическая доктрина «Москва — третий Рим» позволила государственной власти России и народу распространить свое влияние и свою землю на одну шестую часть мира, в то время как просвещенный Запад, унаследовав Западную Римскую империю и церковный институт папства, только и делал что дробился на крохотные «передовые государства», пораженные нравственным и политическим маразмом. В качестве национальной идеологии эта доктрина породила государственно-этический императив «народу принадлежит сила мнения, а царю — сила власти». Согласно ему три силы — царь, народ и церковь — стали рядом и составили органический монолит русской мысли, русского чувства, русской воли и православной совести. При этом земские соборы никогда не претендовали на власть, а цари московские никогда не шли против мнения земли Русской.

В укладе государственной мысли и жизни русского народа не было разделения службы своей родине — государева дела, но царь, церковь и народ выступали с совокупным делом, сторонами одного целого: самодержавной власти Московского государства. Не было разделения по удельным, областным интересам, не было государственных задач, отличных от разрешения поставленных целей народа. Сила авторитета и власти московских царей в слитности их с «гласом народа», ибо в мнении народа своего видели они единственно верный и единственно крепкую основу своего государственного правления. Церковь освящала эти две силы мудростью и авторитетом христианского слова, являя собой Христа, ибо, согласно св. ап. Павлу, она «есть тело Его, полнота Наполняющего все во всем» (Ефес., 1, 23). Церковь наделена задачами духовного управления: «Истинно говорю вам: что вы свяжете на земле, то будет связано на небе; и что разрешите на земле, то будет разрешено на небе» (Матф., 18, 18). Церкви заповедана одна цель: всех привести к единству веры и познания Сына Божия (Ефес., 4, 11 — 13), неизменно про-

должать сие дело (Марк, 16, 20), пока, наконец, не скончаются времена язычников (Лука, 21,24) и все враги Христовы будут низложены (1 Кор., 15, 25) и будет едино стадо и один пастырь и будут упразднены всякое начальство и всякая власть и сила (1 Кор., 15, 24).

И церковный авторитет утверждает на земле и среди народа пророчества Священного Писания о том, что Бог владычествует над царством человеческим и дает его кому хочет (Дан. 2, 21) и «Нет власти не от Бога; существующие власти от Бога установлены» (Рим. 13,1). Отсюда все предержавшие власти, как от Бога имеющие власть свою, суть Его представители и поверенные. Но истинный царь избирается Богом, или через пророка, или по наследию, а не по самовластному присвоению себе царской власти и не по слепому произволу народа. Царя, говорит Священное Писание, надобно поставлять из своих братьев, из своего народа, а не из иноземцев. Царь должен следовать постановлениям Священного Писания и церкви, не отступая от них ни на шаг направо, ни на шаг налево, тогда царствие его будет благословенным. Как державный правитель народа, царь имел право утверждать и предписывать все то, что, по его благоусмотрению, может содействовать достижению конечной цели общества. Отсюда он имеет право издавать законы и постановления во имя общественного блага, руководствуясь законом Божиим; учреждать низших, подчиненных себе правителей, которые должны быть его представителями и исполнителями воли его; не только наблюдать за исполнением его законов, но и производить суд над их нарушителями, употребляя для сего награды и наказания и в крайних случаях обладая правом жизни и смерти, если другие меры оказываются недостаточными к сохранению спокойствия и безопасности в обществе от людей злонамеренных и беспокойных. Вообще, царь как глава и представитель государства, блюститель и защитник его прав и преимуществ, державный правитель народа имеет право употреблять все законные средства к утверждению безопасности и возвышению благосостояния своих подданных. Царская власть даже в своем высшем проявлении — самодержавии - не изъята из повиновения законам Божиим. Отсюда следует, что предержавшие власти свято и ненарушимо должны исполнять волю Божию о конечной цели народа и свои великие обязанности, служа примером для своих подданных.

И вот в посланиях «Москва — третий Рим» великому князю московскому, венчанному на царство Василию III старец Филофей

предостерегает государя о наступлении последней эпохи, о последнем земном царстве. Старец грозит царю, но не славословит, ибо решаются судьбы мира. Тем более с еще большим смирением и «с великим опасением» подобает блюсти и хранить чистоту веры и творить заповеди Божии, потому что московский царь и есть тот последний и единственный, а значит, всемирный царь, то есть самодержец.

И здесь мы видим апофеоз развития церковно-государственной доктрины власти. Русская мысль выходит из национальных представлений о московском единодержавии, переводя его во всемирное, вселенское представление о Царе Мира, то есть о самодержавце, священном посланнике Бога Всевышнего — царе-первосвященнике. Таким образом, всемирная роль «Москвы — третьего Рима» заключается в исполнении пророчеств Священного Писания, напроць исключая всякие мнения западных европейцев о деспотической власти, вызываемых у них этим вселенским символом. Не следует забывать, что священный символ дается не в мнении, но в откровении, которое в первом приближении есть чувство. И сам этот символ, связанный с существованием на земле помазанного самодержца, по сути своей так глубоко национален, что является, по Филофею, всемирным символом священного выражения величавой мысли о царе как носителе права и справедливости, правды и милости, свободы, силы и славы. Поэтому самодержавие является не только нормальным, свыше установленным порядком, оно является исконным фактом русской и мировой истории. Самодержавная власть имеет божественное происхождение с назначением своим явить миру политическое и религиозно-нравственное совершенство, при котором исчезнут всякая власть и всякое насилие.

Не столько мирским делом защиты низов и опоры на низы самодержавие оправдывает себя на земле. Хотя и здесь мы видим жертвенные судьбы Алексея, сына Петра I, Павла I, Александра II, павших во исполнение этих принципов от рук олигархов и аристократов. Царь всегда имеет средства и сам является средством реализации «священной» истории, то есть замыслов Божьих на земле. Так выразил это чувство царь Иван IV Васильевич Грозный 23 февраля 1551 года в Кремлевском дворце по случаю съезда членов «Собора Божьих слуг»: «От вас, пастыри христиан, учителя царей и вельмож, достойные святители Церкви, требую нравственного наставления.

Не щадите меня в преступлениях. Смело укоряйте мою слабость. Гремите словом Божиим — да жива будет душа моя!».

Этот союз сыграл свою знаменательную роль в завершении Смуты, которая возникла в результате политических устремлений ничтожного, но влиятельного меньшинства — московской олигархии, - в корне противоречащих национальным и государственным интересам России. И лишь позиция Патриарха всея Руси Гермогена, отказавшегося освятить «избрание» тушинскими боярами на московский престол чужеземца Владислава, сына польского короля Сигизмунда, изменила ситуацию. Действия Гермогена полностью определялись теми священными нормами, по которым претендент на царство мог стать самодержцем. Гермоген на практике ценой своей земной жизни (уморен голодом чужеземными интервентами в Кремле) выполнил свою пастырскую обязанность: через протопопа Савву и нижегородского земского старосту Козьму Минина-Сухорукова сформировал народное ополчение, чтобы можно было созвать земский собор и доверить ему верховное управление всей Русской землей и всем русским войском, которое поручено было князю Дмитрию Пожарскому.

Именно князь Дмитрий Пожарский 6 февраля 1613 года на заседании Великого земского собора спросил у собрания ответа на кардинальный «священный» вопрос: «Теперь у нас в Москве Благодать Божия воссияла, мир и тишину Бог даровал. Станем у Всевышнего милости просить, дабы дал нам самодержителя всей России. Подайте нам совет благий. Есть ли у нас Царское прирождение?».

Как известно, на следующий день собор дал ответ народу, кто на Руси царского происхождения. Поскольку избрание происходило при полном соблюдении правил Священного Писания, то приобретение самодержавной власти династией Романовых следует признать освященной авторитетом Божьих законов, что и было подтверждено церковью. И надо сказать, что дед и отец Петра I вполне точно проводили идеи и замыслы учения Филофея о «Москве — третьем Риме», синтезировавшего в единое целое государственный опыт московских царей Ивана III, Василия III, Ивана IV и Феодора I и пророчества Божьи о самодержце, цели его призвания и данной ему самодержавной власти для осуществления этого замысла Божия.

Глава X

Национальная политика Великорусского государства и империи

Период российской государственности, известный как Киевская Русь, с последующей удельной раздробленностью государства и татаромонгольским сюзеренитетом сменился периодом Московского государства, продолжавшимся до возникновения Российской империи.

В связи с формированием и развитием в этот период великорусского народа некоторые историки называют его эпохой Великорусского государства, или Московского государства. В указанный период национальная политика носила эпохальный характер, поскольку способствовала становлению народа, а именно великорусского народа.

Истоки возникновения Великорусского государства следует искать в особенностях колонизации и становления в качестве государственного образования Суздальско-Владимирской Руси.

В XII веке усилился отток населения Киевской Руси в северо-восточном и юго-западном направлениях. Начался удельный период с его неурядицами и сложностями ввиду общего упадка государственности.

На северо-востоке переселенцы попадали в страну с иными, чем в Поднепровье, географическими условиями и характером. Между тем существовавшие здесь города Ростов, Суздаль и Муром известны с глубокой древности и возникли ранее VIII века. Викинги в VI и VII веках обследовали побережье Финского залива и поднялись вверх по Двине, достигнув русской «Месопотамии» — района Верхней Волги и Оки. К 700 году викинги (варяги) обосновались здесь и установили контроль над Ярославлем, Ростовом и Суздалем и прилегающей округой. Отсюда обеспечивался контроль над торговыми путями с Балтики в Византию через течение Донца и Дона и с Багдадским халифатом, где зарегистрировано появление в IX веке русских купцов. Торговля через этот регион прекратилась в середине

IX века, когда византийцы и хазары заперли торговые пути, построив у нынешней станицы Цимлянской мощную крепость Саркел (Белый дом). И лишь знаменитый искатель приключений Рюрик восстановил торговое сообщение через русские земли, взяв под свой контроль в 856 году Киев. При его преемниках - норвежце Олеге и других — в Киеве возникло независимое правление, положившее начало новому государству, так называемой Киевской Руси.

В период удельного передела страны, усилившегося после смерти в 1125 году Владимира Мономаха, внука Ярослава Мудрого, сложилось несколько ведущих локальных центров, среди которых было и Владимиро-Суздальское княжество. Основной поток местных колонистов составляли выходцы из земель кривичей, вятичей, а позднее новгородцы. С упадком в XII веке Киева главные массы колонистов двигались оттуда, с юга. В результате смешения, в том числе и с местным финским населением, народонаселение княжества приобрело некоторые особенности, выделившие его в самостоятельную великорусскую народность. Среди этих особенностей: изменение говора и физиологического типа, умственного и нравственного склада поселенцев.

Любечский съезд князей 1097 года закрепил Суздальский край за родом Мономаха. Из Ростова и Суздаля образуется особое княжество, первым самостоятельным князем которого стал сын Мономаха Юрий Долгорукий, основатель Москвы. Это новое положение создает новую ситуацию. В разрез со старым порядком вещей, когда в старинные города приходили пришельцы-князья, здесь первым владельцем земли был князь, а пришельцем оказалось население. В лице князя произошло соединение двух категорий права на землю: прав политического владельца и прав частного собственника. Поэтому власть князя в Суздальско-Владимирской Руси более напоминала монархическую.

С середины XII века важным южным форпостом Суздальско-Владимирского княжества становится Москва. Она контролировала перекресток торговой дороги из Чернигова в Ростов, на север, и во Владимир, на северо-восток. Таким образом, основные внутренние пути княжества сходились в Москве в один, шедший на юг, в Черниговское княжество. Кроме того, Москва являлась важной крепостью против Рязани. Москва стала стольным городом особого княжества довольно поздно. Около 1279 года в Москве сел на княжение Даниил,

сын Александра Невского, который и стал родоначальником московского княжеского дома. Однако лишь в 1328 году князь Иван Данилович Калита победил в многолетней кровавой расправе тверского князя и утвердился с помощью Орды на великокняжеском престоле.

Срединное положение Москвы на пути между Киевской и Суздальско-Владимирской землями повлияло на рост народонаселения княжества. Люди стремились найти на северо-востоке покой от княжеских междоусобиц и татаромонгольских притеснений. Население приносило князю доход. Эти средства употреблялись на выкуп у Орды пленных, которых затем расселяли в Московском княжестве. Московские князья поставили благоприятные условия расположения княжества на службу интересам общества и самого княжества, что способствовало усилению его мощи. Полнота власти московского князя была причиной отсутствия междоусобиц в княжестве, содействовавшей оседанию здесь пришлого населения. Хозяйственная деятельность московской власти также привлекала сюда мастеровитых ремесленников. Однако доминирующим свойством этого процесса было сочувствие народа, уставшего от лишений татаромонгольского нашествия, власти и ее начинаниям. Неслучайно историки отметили перемещение населения даже в самой Суздальской земле: с востока на запад - в Москву.

Таким образом, национальная политика московских князей даже удельного периода способствовала защите населения от татаромонгольских погромов, притоку людей в Московское княжество, включая и знатных бояр с толпами челяди. Кроме того, в Москву была перенесена кафедра русского митрополита, что явилось следствием дальновидной политики московской власти. Важность этого события ясна: в одно и то же время в Москве образовалось средоточие и политической, и церковной власти, и, следовательно, Москва стала центром «всёя Руси».

Политика московских князей на этапе удельной системы отличалась стратегическим содержанием, в полной мере достойным названия национальной политики. Так, опираясь на свою силу и богатство, имея поддержку в Орде, московские князья всемерно способствовали поддержанию порядка и «тишины» не только в своем уделе, но и во всей Суздальско-Владимирской земле. Народ охотно шел под власть Москвы и поддерживал эту власть. На московскую службу поступали и знатные слуги, которые усиливали своей дея-

тельностью московскую рать и администрацию. Последствия такой национальной политики имели и еще одну положительную сторону: бояре московские были верными слугами своих князей даже тогда, когда последние были слабы или же недееспособны (по малолетству или душевному нездоровью).

Духовенство поощряло такую политику. Не следует забывать, что Русская церковь следовала византийской традиции богоустановленности власти и необходимости правильного государственного устройства.

За боярами и духовенством обустроивались на новых местах и переселенцы из простого народа. Народ шел в Москву под ее защиту, и, надо сказать, московские князья давали значительные средства на строительство новых городов, слобод и сел. Они покупали у обедневших уездных князей их уделы, мелкие села - у простых владельцев. Обычными стал выкуп московской властью русского «полона» в Орде и заселение этими бывшими пленниками, «ордынцами», целых слобод. В результате этих мер население Московского княжества непрерывно увеличивалось. Московские князья становились национальными государями благодаря своей проводимой ими национальной и государственной политике.

К этому ряду событий принадлежит Куликовская битва, национальное значение которой ясно как из предыстории Московского княжества, так и из того толчка, который дал начало решительному народному объединению под властью одного государя — московского князя. Другой прецедент этой национально-государственной политики случился во время княжения великого князя Василия II Васильевича. Его дядя Юрий Дмитриевич, удельный князь Галича Мерского, попытался возродить старый киевский принцип родового наследия и старшинства дядей над племянниками. Однако народ уже оценил преимущество семейного наследования власти, ведущего к установлению единовластия, и оказал всеобщее сочувствие московскому обычаю вотчинного наследования от отца к сыну. Во время этой последней московской усобицы, длившейся более 20 лет, Галичский удел был «взят» на великого князя. Галичские князья и их союзники бежали из Московского государства. Василий II, памятуя о пережитом, вовсе лишил в своем завещании своих младших сыновей всяких державных прав, подчинив их великому князю в качестве простых служебных князей.

Новая мысль о народном единомудержавном государе выражала новый курс национальной политики: вместе с объединением Северной Руси совершалось превращение московского удельного князя в государя-самодержца всей Руси. Такая национальная политика проявилась и во внешних отношениях Руси. Так, Иван III Васильевич заявил притязания на те русские области, которые еще находились под властью Литвы, — на Южную и Западную Русь.

Длительный период становления и развития Древнерусского государства в XI-XV веках закончился при Иване III созданием Великорусского (Московского) государства. При нем к Москве был окончательно присоединен Новгород, лишенный автономии. Следует сказать, что при этом положение меньших людей новгородских значительно улучшилось, они были избавлены от боярского гнета. Новгородским людям (народу) позволили образовать крестьянские податные общины на московский образец. Современники засвидетельствовали, что они не имели побуждения жалеть о новгородской старине.

Однако боярская «фронда» и во время Московского государства давала о себе знать, приняв форму местничества, то есть унаследованных от предков отношений служилого лица и рода по службе к другим лицам и родам. Помня свое происхождение, зная, что они — потомки прямых правителей Русской земли, бояре считали себя хозяевами Русской земли с той только разницей, что их предки правили Русской землей поодиночке, по частям, а они, собравшись в одном месте, около московского князя, должны править вместе всей этой землей.

Таким образом, уже в начале существования Московского государства противостояли друг другу государь, стремившийся к полноте власти, и боярство. Великий князь чутко следовал ходу исторического развития, боярство же действовало во имя отживших политических форм. Национальный характер власти московского великого князя проявлялся в симпатиях к нему всего населения, а также в формах и складе государственной жизни, следующих из самого хода событий. Боярство не имело ни союзников, ни влияния в народе.

Становление Великорусского государства также выдвинуло на первый план проблему межнациональных отношений. Включение в его состав инородческих и инорелигиозных племен и народностей уже на первых порах создало ряд проблем для правящего режима.

Такое положение вело к формированию национальной политики государства, определявшей межнациональные отношения в Российской державе XVI-XIX веков.

Значительный период с начала XV века до начала XX века является временем, когда Российская империя складывалась как мощная держава в ряду других межнациональных империй. В этом плане, по свидетельству многочисленных разноплеменных историков, Россия ни в чем не была исключением из общего правила. Политика колонизации вновь приобретенных территорий являлась прямой обязанностью главы государства, то есть, по принятым в то время представлениям, монарха страны — государя общества и государства.

Однако русская колонизация в отличие от колонизации, проводимой империями Запада, носила характер мирной крестьянской колонизации и добровольного присоединения к ней инородных племен. В этом процессе мы не найдем правовых, кастовых или иных преград, отделявших титульный народ от присоединенных народов и племен. Тем более не было места истреблению местной аристократии, столь характерному для истории народов Западной Европы, начиная со времен распада Западнофранкской империи и до создания колониальных империй.

Русская завоевательная политика этого периода идет как бы двумя волнами. Поначалу мирная территориальная экспансия ведется вооруженными отрядами государственных людей: стрельцами, казаками, регулярной армией. Имелись и факты добровольного присоединения народов к России. Однако особенность национальной политики заключалась в обеспечении равных прав пришлого господствующего народа и местного населения. Ничего подобного при западной модели колонизации не наблюдалось. Западные колонизаторы ставили себя в положение расы господ по отношению к туземному населению.

За волной милитаризованной экспансии (мирной, полумирной или немирной) двигалась волна крестьянской экспансии, уже мирным порядком колонизирующей новые территории.

Колониальная политика государственной власти России обычно приносила в присоединенные культуры политический и экономический порядок, русскую систему управления. В этом смысле национальную политику Великорусского государства можно охарактеризовать позитивной направленностью. Действительно, вводятся рав-

ные для всех законы, исчезают рабство и расовая дискриминация, порядок сочетается со строгостью и справедливостью в исполнении закона. В отношении управленческих кадров также проявляется определенная избирательность, где такие личностные качества, как честолюбие и справедливость, должны превалировать над алчностью.

Безусловно, основные достижения периода колонизации новых земель выпали на долю казачества, военной силой которого раздвигались пределы Московского государства и империи. Казаки были первыми представителями страны, вступавшими в экономические, культурные и иные отношения с местным населением. Но существовал также мощный поток крестьянских переселенцев на окраинные земли.

Громадные размеры новых земель позволяли избегать конфликтов между переселенцами и коренными жителями. Земли хватало всем, причем крестьянин не мог брать ее больше, чем мог обработать. Повсеместно существовал обычай, особенно на землях кочевых народов, когда крестьяне выплачивали им ежегодную определенную сумму за присвоенную землю.

Следует отметить, что царская администрация на новых территориях руководствовалась в отношениях с коренным населением местными обычаями и правом, либо русским крестьянским правом, имевшим давнюю историю. Так, Судебник 1550 года уже определял правоотношения, связанные с использованием земли в экономических целях. Такой характер русской колонизации — казаками или крестьянами — сохранялся неизменным на протяжении XVI—XIX веков. Его важнейшая черта — направленность миграционных потоков в неосвоенные земли. Русские крестьяне, поднимая целину, распространили границы Великорусского государства на три континента — Европу, Азию и Северную Америку. От Вислы на западе до берегов Тихого океана на востоке. Именно они сделали Тихий океан *mare nostrum* (нашим, то есть внутренним, морем): впервые пшеницу на Тихоокеанском побережье Америки посадили русские переселенцы из Форт-Росса (Калифорния) и Ново-Архангельска (Аляска). Именно русское крестьянство продвинуло границы империи в Арктику, на побережье Арктического океана — на севере, и придвинуло ее к естественным границам на юге — к подножью Тянь-Шаня и Каракорума, включив в ее состав мирным путем огромные центральноазиатские территории.

Мирный характер этой колонизации подчеркнут неоднократно теми фактами, что ни один оседлый народ, занимающийся земледелием, не потерял своих земель. Русское крестьянское право и врожденная справедливость русского земледельца были краеугольным камнем великорусской национальной политики этого периода. В этом смысле выстраивание империи было прямым продолжением и воспроизведением процесса образования в «Русской Месопотамии» ядра Великорусского государства — Московского княжества.

История освоения гигантских пространств показала, что не было материальных причин, которые вели бы к враждебным отношениям между русскими колонизаторами - казаками и крестьянами — и нерусскими народами. Не было и комплекса «народа-господина», могущего вызвать лютую ненависть. Везде русский землепашец, казак органично врастает в чужую, иноплеменную среду, завязывает с ней хозяйственные, дружеские и родственные связи.

Другой отличительной чертой государственной политики межнациональных отношений России являлось добровольное вхождение в состав Великорусского государства народов, населявших огромные области: Кабарду, Украину, Грузию, Армению, Белоруссию, Молдавию, Казахстан. Мировая история не знает такого рода примеров. Ни в Белый дом, ни в Вестминстерский дворец или Версаль не приходили посольства с просьбой включить в состав этих империй другие страны и народы.

Еще одной важной чертой национальной политики являлась сравнительно большая для того времени религиозная терпимость великорусского режима. Ведь феодальная или капиталистическая эксплуатация покоренных народов усугублялась религиозным антагонизмом победителей и побежденных. Конечно, можно было ожидать в рамках единой религиозной общины некоторого облегчения этой эксплуатации ввиду ограничения ее моральными нормами, действующими в рамках одной конфессии. Однако в отношении иноверцев администрации колониальных империй проводили курс неприкрытого насилия, произвола и массового террора.

Поэтому нельзя пройти мимо того факта, что колонизационная и национальная политика Великорусского государства и империи отличалась существенной веротерпимостью. Разумеется, все указанные черты способствовали крупнейшему успеху империи в деле русской колонизации трех частей света.

Объединение нерусских земель в пределах многонациональной России всегда сопровождалось одновременным действием центростремительных и центробежных тенденций. Следует подчеркнуть, это были объективные явления, вовсе не связанные со слепой ненавистью. Они были следствием того, что к великорусскому домену присоединялись нерусские области с уже установившимися традициями, обычаями, верованиями и другим языком общения без каких бы то ни было изменений последних. Эти области представляли влиятельные персоны из числа местной аристократии и духовенства. Преодолев очередной внешнеполитический или внутренний кризис с помощью Москвы, эти люди или местные элиты уже искали предлоги для освобождения от политической зависимости от России. Как правило, они шли на союз с прежними своими врагами в своем стремлении восстановить домосковский статус-кво.

Лавирование правителей Кахетии и Украины в их отношениях с Россией - наглядный пример этой политики местных правящих кругов, чуждых интересам народных масс. Неспроста после ряда лет такой противоречивой интеграции обе области вошли в состав России на условиях безусловного подчинения. Поэтому нельзя было тогда серьезно воспринимать требования украинцев о возврате к статьям Переяславской рады в части гарантий самоуправления для украинских городов на основе Магдебургского права. Путь неоднократного клятвопреступления самими украинцами сделал их недействительными.

Своеобразие русской национальной (колониальной) политики описал в свое время такой крупнейший специалист по межнациональным отношениям, как вице-король Индии лорд Керзон, который сказал, что это был «третий путь» национальной экспансии. По его словам, он не был ни крестовым походом против неверных или иноплеменников, ни вытеснением более благородным элементом более низкого национального элемента. Таким образом, этот высокопоставленный британский расист признал, что Россия в своей национальной политике не прибегла к методам вытеснения туземцев с родных земель. Можно точно сказать, что в отличие от западных образцов колонизации русская национальная политика того времени не вела к физическому и культурному уничтожению местного населения. Россия была и остается самобытным миром, распространяющим свои границы во все стороны, оставаясь самой собой, крепко

сцепленной с собственной землей. Это и был тот третий путь, который смог разглядеть Керзон, адепт британской колонизаторской политики, поощрявшей истребление сотен тысяч людей, принадлежащих к «низшим» народам: «азиатам, африканцам, краснокожим».

Более того, историки отмечают увеличение общей численности нерусского населения на национальных окраинах России с XVI по XX век. Этого достаточно, чтобы сделать вывод о неантагонизме социальных отношений русского и местного населения.

Многоукладность экономического быта пришлого русского населения, крестьянско-казачий характер колонизации, последовательно охранительная политика царской администрации создавали социально-политическую базу совместной жизни русского и нерусских народов в рамках единой государственности. Формула царских грамот и наказов, касающихся правоотношений с народами Сибири, всегда содержала указание действовать с ясачными людьми «лаской, а не жесточью».

Колониальная политика Англии и США содержала иные установки. Так, за триста лет господства англосаксов в Северной Америке численность индейцев там сократилось к концу XX века с двух миллионов до 200 тысяч. Общее число негров, погибших при облавах на родине, во время переправки в Северную Америку для использования в экономических целях, составляет, по оценкам специалистов, до восьми миллионов человек.

Особенности великорусской национальной политики следуют из психологического склада характера восточных славян, особенно кривичей и вятичей, мирно осваивавших Волжско-Окское междуречье с населявшими его угро-финскими племенами. В дальнейшем, в татаромонгольский период, это чувство бережного отношения к соседям закрепилось на управленческом уровне, когда по примеру татаромонголов русские правители стремились не вытеснить, а привлечь к себе на службу людские ресурсы побежденного противника. Эти отношения, закрепленные как в народном сознании, так и в административном управлении, не позволяли Великорусскому государству даже в условиях отражения внешней агрессии вести войну на истребление.

Малоизвестным фактом является деятельное участие в Куликовской битве на стороне русских, литовско-русских дружин и командования полностью погибшего Сторожевого полка татарского мурзы Мелика.

Создание многонациональной державы, вобравшей в себя народы различных культур, верований и традиций, предполагает наличие обоюдных потребностей в этом начинании. Подобное положение имеет стремление к долгосрочной стабильности лишь в том случае, когда правительство многонациональной Российской державы исходит в своей внутренней политике из общегосударственных интересов. При этом, конечно, нельзя не отметить того факта, что московское правительство рассылает в окраины служивых московских людей, чтобы они вместе с местными князьями и служивым людом на равных основаниях несли государеву службу «головой и копьем». А избранная тысяча новых московских дворян, поселенных Иваном IV Грозным в вотчинах вокруг Москвы, в действительности состояла из выходцев из всех русских земель.

Известный русский историк Ключевский писал, что родословная русского боярства производила на него впечатление «этнографического музея». Тонкое знание человеческой природы, ее стремлений и качеств помогало русским царям вести взвешенную национальную политику. Поэтому касимовские, ногайские и казанские татары поддерживали русского царя в борьбе против Запада, а пленные европейцы — в продвижении русских на восток. Так, в боевых действиях против хана Кучума большая часть русских войск состояла из плененных литовцев, поляков и немцев. Лорд Керзон все-таки отдал должное русской национальной политике: «Россия бесспорно обладает замечательным даром добиваться верности и даже дружбы тех, кого она подчинила силой... Русский братается в полном смысле слова. Он совершенно свободен от того преднамеренного вида превосходства и мрачного высокомерия, который воспламеняет злобу больше, чем сама жестокость. Он не уклоняется от социального и семейного общения с чуждыми и низшими расами. Англичане никогда не были способны так вести себя с недавними врагами».

Действительно, Россия росла сплочением народов, где русский элемент играл роль цемента, соединяющего самые разнообразные этнические элементы в политическую общность. Поэтому Российская держава обладала перед лицом внешних угроз твердостью монолита.

В процессе своего развития Великорусское государство с его активной политикой присоединения регионов, населенных нерусскими народами, превратилось в Российскую многонациональную им-

перию, представлявшую собой совокупность владений, сплоченных подданством императору, но различавшихся между собой по статусу. Уже в середине XV века после переселения касимовских татар в Рязанское воеводство и взятия под контроль Казанского ханства Россия присоединяет к себе национальные окраины. Специалисты определяют их статус в виде особенностей в управлении и в отношениях с центральным правительством ввиду довлеющих местных административных традиций или особенностей процесса присоединения. Так, разделенные временным отрезком более чем в 360 лет, вхождение и Касимовской орды, и Урянхайского края в состав России в формальном плане было тождественным, поскольку обе территории контролировались только внешнеполитическим ведомством страны, соответственно Посольским приказом и МИД России.

Другим важным механизмом налаживания центростремительных отношений с окраинами была присяга на верность «Белому царю». Ее давали местные правители, князья и родовая знать в виде заключения «шертных» договоров с царской администрацией. Такого рода отношениями была охвачена громадная территория от Урала до Тихого океана по обе стороны последнего, то есть это касалось и Русской Америки, населенной новыми ясашными народами.

В отношении оседлых народов центральное правительство проводило осторожную политику, сохраняя у кормила региональной власти местную верхушку, традиционную элиту. Эти правоотношения закреплялись в особом рода нормативных документах типа конституционного акта для Финляндии, договоров о протекторатах с Бухарой и Хивой, договора о принятии в подданство империи актов с острова Хоккайдо и других.

Под сенью закона проходили обычные для мирной колонизации постепенные процессы русификации, связанные с наплывом русского населения и культурной трансформацией местного общества. Важнейшим моментом этих процессов явилась объективная тенденция к унификации управления, являющаяся элементом политики центрального правительства, которая достигла своего апогея в советское время в виде фактически унитарного государственного образования - СССР. Тенденция к унификации была вызвана развитием общества. Однако линия на унификацию в условиях государственного кризиса в России в начале XX века вступила в противоречие с тенденциями оформления национального самоуправления

у народов страны. Фактически национальная интеллигенция, в особенности тюркских регионов, выступила активным противником линии развития империи к созданию общего для всего населения России стандарта подданства и управления. Культурный ренессанс нерусских народов в их стремлении к этнокультурной идентичности и административной автономии народов стал принимать на окраинах организованные формы политической деятельности партий, национальных СМИ и так далее. В итоге ослабла связывающая империю в единый монолит сила русского народа, что привело к существованию государства в виде неоднородного этнополитического комплекса.

Развитие капитализма в России в конце XIX - начале XX века породило новые вещественные отношения в обществе и соответствующие правоотношения. Если ранее общество мало внимания обращало на первенство в правах, то тому было реальное объяснение. Московская держава, как и современные ей страны, была неправовым государством, требовавшим от своих подданных военной службы и выполнения других повинностей, но не предоставлявшим им взамен прав. Правящий класс в России - дворянство — имел определенные права, но в численном отношении представлял незначительную часть населения. Капиталистические отношения выводят права личности в первый ряд социальных правоотношений. Экономическая активность населения, национально-культурное возрождение народов, немецко-лифляндская администрация на национальных окраинах усугубили положение с неравенством прав, что привело к развитию негативных тенденций в сфере межнациональных отношений. Среди этих моментов следует указать на запрет изданий на национальных языках, грубое ведение политики русификации, преследование деятелей национальных культур, рост коррупции среди регионального чиновничества. Увеличение населения империи привело к сокращению земельных участков, приходящихся на представителя сельскохозяйственного населения, что породило земельный вопрос. В самой гуще русской народной среды также зрели гроздь гнева. Династия Романовых сделала крепостное право достоянием только русских людей, то есть великоросов, украинцев и белорусов. Все вело к тому, что империя становилась «тюрьмой народов», где русский народ был заключенным, а не тюремщиком.

Питательной средой для националистических предрассудков, пронизывавших все сферы социальной и политической жизни капиталистических государств, являлся империализм, военно-экономическое превосходство одного или нескольких государств в мире. Всем своим развитием капитализм создавал империалистическую пропасть отношений между господствующими нациями и подчиненными народами. Однако этот ход событий необратимо вел к конфликтам уже в стане империалистических держав, подпитываемых милитаристско-шовинистическим угаром. Все эти коллизии закончились Первой мировой войной, или войной наций, как ее еще называют. Было и другое название: империалистическая.

Весь ход российской государственности показал, что национальная политика, имевшая две составляющие — официальную и народную, привела к отчуждению правящей верхушки империи от народа, который выступил как многонациональный народ. Русский народ никогда не чувствовал себя господином других народов, никогда не стремился отгородиться от иноплеменников. И во всех трех русских революциях XX века судьба русского народа была неотделима от судеб других народов империи.

Поскольку все великие державы столкнулись в начале XX века в своей внутренней политике с национальным вопросом, то следует говорить о мировой тенденции национализма. Одни государства справились с негативным ее развитием, другие претерпели распад. И перед Россией возник общий ряд явлений, связанных с многонациональными отношениями. Следовательно, правильно будет поставить вопрос: что помешало империи выйти из «войны наций» победителем и сохраниться, имея в виду проблему национальных отношений?

В среде историков бытует мнение, что колонизационные процессы в России, ее внешняя экспансия вели к отсталости населения и экономики, к консервации средневековых социальных отношений и политических структур. Действительно, включение в состав Великорусского государства и империи других народов замедляло хозяйственные, политические и культурные процессы в обществе и стране. Чем более расширялся этот инонациональный поток, тем мельче становилось российское цивилизационное русло. Эти ограничения возможностей русской цивилизации ограничивали соприкосновение общества с мировым опытом создания цивилизацион-

ного пространства, особенно важного для многонационального и многоконфессионального государства.

Крах национальной политики как составной части внутренней политики империи обострился во второй половине XIX века, когда обнаружилось несовпадение династических и бюрократических интересов с общегосударственными. В условиях отсутствия общественных структур, исключая дворянские, которые охватывали весьма малую часть населения, проблема государственных интересов трактовалась келейно правительственно-бюрократическим аппаратом с учетом собственного интереса. Это положение наметило двусмысленность официальной позиции, поскольку династический интерес, тождественный общегосударственному, стал отходить на второй план. Поддержка династии дворянством в ее столкновении с бюрократией, как показал XIX век, не была верно истолкована российскими самодержцами. Приоритет остался за буржуазией, которая и экономически, и политически была незрелым общественным сословием. Все столкновения власти и общества в это время были, по сути, столкновением национальных (общественных) интересов с чиновничье-бюрократическими, ложно трактуемыми самодержавием как государственные.

Когда общество обманулось в своих надеждах на делегирование части властных функций, что могло привести к разделению власти между династией, бюрократией и общественными институтами, активизировались попытки национальной интеллигенции найти компромисс на уровне региональных, национальных властей. Такое положение было еще менее понятно центральному правительству, точнее государственной бюрократии. Репрессии и русификация в национальных окраинах получили новый мощный импульс, что в условиях империалистической войны придало национальным движениям самостоятельный характер, а их взаимоусиливающемуся совместному действию - статус основной причины свержения самодержавия.

Ставка самодержавного режима на лояльность нерусских элит императору и на сотрудничество правительства с этими элитами была построена на нормах взаимоотношений периода Великорусского государства, что в эпоху империализма, роста общественного сознания и национального самосознания являлось анахронизмом. Действительно, эти отношения строились на основах, не учитывавших сам факт существования наций и их зрелость. Это было опас-

ное упущение режима, поскольку идея нации неразрывно связана с идеями суверенности народа, а значит, и делегированием ему части прав на политическую самостоятельность. Разумеется, оно не могло не привести к тому, что этнические признаки получили в России в начале XX века политическое звучание, довольно скоро они перешли не только в разряд причин межэтнических конфликтов, но и стали запалом трех социальных революций. Так, например, самодержавный режим не признавал культуры и языка таких национальных сообществ, как белорусы, литовцы, латыши и эстонцы, на том основании, что они состояли в основном из зависимых крестьян, то есть имели низкий социальный статус, исключавший их близкое сотрудничество с центральным правительством. Между тем элита лютеранских немцев Прибалтики была включена в российское дворянство, то есть была социально близкой династии.

Непоследовательность царской администрации в реализации единой для всех регионов национальной политики могла стать преходящим явлением. Однако на фоне многочисленных проблем, связанных с задержкой отмены крепостного права и поздней индустриализацией, эта непоследовательность оказалась фатальной для режима.

Вспомним, что весь XIX век правительство заигрывало с польскими националистами, чтобы пресечь их курс на политическое возрождение Речи Посполитой. Предлагались даже такие меры, как автономия края с собственной конституцией. Подобные меры были предприняты в отношении Финляндии, где объединились шведскоязычная правящая элита и низший класс, в своей этнической основе представленный финским населением. Все заигрывания царской администрации как с высшими слоями, так с и низшими, а также попытки вбить клин между ними путем предоставления селективных привилегий привели к общей консолидации в польском и финском обществах и завоевания обоими международного авторитета и сочувствия. Политика «замирения» грузинской элиты и мусульманской элиты Азербайджана, Крыма и Средней Азии также привела к противоположным результатам, поспособствовав сплочению этих народов в единые нации. Более того, правительство обратило во врагов режима православных автокефальных армян.

Заигрывание царской администрации с народами Среднего Поволжья, Урала, Средней Азии привело к тому, что благая идея использовать так называемую систему Ильминского в местных шко-

лах для преподавания на родных языках с целью обращения мусульман в христианство обернулась появлением национальных литературных языков и национальной интеллигенции у этих этнических групп. Естественно, все это быстро привело к развитию национальных движений. Сами русские, в основном на 90% крестьяне, не пользовались никакими привилегиями со стороны режима. А элита царской империи утратила русские корни, превратившись в космополитическую. Поэтому великорусская нация была расколота на два лагеря, и эту пропасть так никогда и не удалось преодолеть.

Национальная политика России при Александре III перешла в более агрессивную фазу: началась русификация национальных окраин. Выше уже было сказано, что время для этого было упущено. Национальные движения нерусских народов и разночинское движение в Великороссии стали уже влиятельными факторами общественных отношений. Более того, в начале XX века заметно ослабло влияние туземных элит на местные общества, которые консолидировали все слои в борьбе против иноверного и иноземного самодержавия. И уже в 1905 году правительство отказалось от политики русификации, в том числе вернула владения многим польским магнатам. Однако стабильность империи была поколеблена. Национальные отношения вошли в политизированную фазу и стали инструментом предстоящей социальной революции.

Таким образом, национальная политика во времена империи отошла от иерархической простоты Великорусского государства, стала в значительной степени непоследовательной. Уже с начала XIX века она перестала отвечать вызовам времени, а коалиция Центра с местными элитами в попытках сохранить империю в духе самодержавия Московского государства была абсолютно непригодной. К концу XIX столетия Россия представляла собой самое крупное по территории государство со множеством региональных и национальных особенностей, требовавших умелого и тонкого сочетания централизованного начала и местной специфики. И если в период Великорусского государства цари и царская администрация учитывали местные особенности в течение определенного периода, после чего на данной территории распространялось общероссийское законодательство, то имперский период характеризовался упором на лояльные местные элиты. Тем самым имперская бюрократия создавала условия для консервации архаичных отношений, пронизываю-

щих всю структуру власти державы. Такое положение неминуемо вело на деле к этнополитическим конфликтам и революционным ситуациям. Русские цари московского периода вели политику на создание единого управленческого организма сверху донизу, создавали жесткую иерархию управления. Эта политика вела к унификации правового и административного управления. Поводов для самостоятельного прочтения государственных актов на местах не существовало, поскольку за соблюдением законов наблюдала Москва и жестоко карала отступников.

В великорусской части империи царская администрация отошла от национальной политики первых русских царей, учитывавших народные интересы. В угоду ста тысячам бывших душевладельцев императоры слишком задержали отмену крепостного права. Так, к концу XIX века в России среди титулованных дворянских фамилий было 288 князей, 213 графов, 251 барон, два маркиза и два герцога. Причем дворяне пользовались преимуществом при поступлении на государственную службу и при чиновничестве. Поэтому земельная аристократия составляла основной и руководящий контингент бюрократии (чиновничества), что способствовало реализации политики в интересах дворянства. Кроме того, акт об отмене крепостничества также привел к расколу общества на несколько враждебных друг другу социальных слоев: земельную аристократию (дворянство), капиталистов и крестьян. И все считали виновником своих невзгод центральное правительство. Однако именно капитализм привел к развалу империи, породив мощную волну политизированных национальных движений. Развитие капитализма в России в отличие от европейского опыта противодействовало формированию нации. Особенностью психологии капиталиста на рубеже XX века было отсутствие представлений о чести, гордости и благе нации. Российский капиталист был в подлинном смысле космополитом. Впрочем, этим же свойством отличался и тот слой российского общества, который олицетворял собой единство и цельность империи: представители династии и высшего управленческого аппарата. Фактически только народ оставался в империи носителем идеи нации, родины и государства. Таким образом, в имперский период была полностью свернута государственная политика, поддерживавшая правителя государства (царя) в качестве государственного и национального символа и центра единения народа, элиты и страны (до-

бавим — и веры). Имперская внутренняя (национальная) политика опиралась на иные идеи, нежели реализация непосредственного единения царя и народа и жесткой иерархии государственного управления. В итоге столица империи Санкт-Петербург стал рассматриваться как символ социального и национального гнета и обмана со стороны властей. Реакция общества на отсутствие государственных мер, могущих в духе Великорусского государства осуществить идеалы справедливости, равноправия и порядка, привела к актуализации всевозможных типов врагов, главным из которых было самодержавие имперского образца.

В обуржуазивавшейся России общероссийские партии складывались сначала в левой части общественного спектра, далее принимая сугубо российский социал-националистический характер: Дашнакцутюн, Гичак, так называемые финляндские активисты, Бунд, ППС, Шура-и-Ислам, украинские прогрессисты, Милли-Фирка, Харби Шура, Муссават и другие. Причем зарождение общероссийских партий происходило не на пустом месте, а как правило, из местных националистических организаций. Именно кризис имперской национальной политики, возникший из-за заигрывания с верхушкой местной знати, обусловил бурное развитие социально-националистических инстинктов, инспирируемых маргинальными интеллигентами националистической среды. То, что это были психопатологические личности, говорит факт приверженности этих людей суицидальным наклонностям во имя реализации политических идей.

Имперское правительство, пытаясь заполучить поддержку этнических вассалов, боролось с их врагами как с врагами самодержавия. Между тем более простая задача состояла в расколе националистических движений на более мелкие составные части. Появление таких неупорядоченных маленьких национализмов всегда на руку Центру, поскольку сопровождается местным этническим антагонизмом и политической борьбой местного масштаба. В таком случае центробежные тенденции большого национализма непременно сменяются центростремительным движением мелких форм окраинных национализмов, вынужденных в борьбе между собой сотрудничать с Центром.

Парадоксальный курс национальной политики империи в последней фазе существования привел к абсурду: все российские народы накануне русских революций вдруг почувствовали себя нациями в европейском понимании.

Понятно, что душитель и враг этих наций один — самодержавие и его верный слуга - великорусский шовинизм. Но великорусскому шовинизму неоткуда было взяться, космополитизм высшей бюрократии и отчуждение русского народа от власти делали его невозможным. Черносотенные партии не являлись представителями народа. При выборах в первые четыре Думы за них голосовал электорат, никак не соответствовавший проценту великорусского населения в составе народонаселения империи (соответственно 6 и 53%). Российские социалистические и националистические движения, точнее их лидеры, поднимали на свои знамена понятный символ врага: царь и русский шовинизм. При этом истинные цели движений оставались на втором плане. Интересно отметить, что российские националисты и социалисты всех мастей одной из своих задач считали освобождение и дальнейшее сплочение российских народов в соответствующие суверенные нации. Причем националисты вкладывали в понятие нации этнократический смысл, тогда как социалисты — гражданско-правовой. Важно понять, что и столетие спустя российское общество не определилось с этим понятием, его смыслом и сущностью. Отсюда многие современные проблемы страны.

Повсеместно начало XX века ознаменовалось требованиями националистических движений организовать культурные автономии невеликорусских народов и местное самоуправление. Нерешительность в этой сфере национальной политики быстро привела к требованиям суверенизации наций. Известно, что невеликорусские народы империи не сложились в нации, за исключением, возможно, финнов и поляков. Более того, с точки зрения общественной организации Россия и в начале XX века представляла собой рассеянное на бескрайних просторах множество деревенских миров. Тем более не могло существовать в европейском смысле титульных этнических групп как ростков будущих наций. Вместе с тем признанным является факт безразличия инородческого населения к вопросам национальности в большинстве этносов России. Эти вопросы занимали только маргинальных националистически настроенных интеллигентов. Что касается русского крестьянства (90% великороссов империи), то у них напрочь отсутствовала самоидентификация в качестве «агентов» империи, распространителей «идей имперства» и «русского духа». В отношении казаков верны высказывания в эмиграции военных лидеров казачества о том, что «казаки никогда себя не осознавали, не ощущали и не считали себя великорос-

сами». По словам русского ученого Г. И. Потанина, «казаки — это были крепостные государства». Поэтому при крушении империи казаки являлись материальным воплощением государственной идеи и боролись за нее до конца. Так, Уральское казачье войско было почти полностью уничтожено во время гражданской войны.

Можно сказать, что подлинную национальную политику в XIX веке сменила имперская политика в сфере национальных отношений. В своем психологическом аспекте эта политика не смогла учесть различий стереотипов людей Московского государства и эпохи капиталистических (рыночных) отношений. В Московском государстве направленность действий и помыслов представителей народа и высшего сословия совпадала. Во времена империи интересы и дела обеих групп приняли чуть ли не антагонистическую направленность. Единой для всего общества осталась приверженность культурной традиции Московского государства, включавшей в себя старую идеологическую основу — православие, позволившее России в XV—XIX веках подтвердить оригинальность и самобытность своего существования и политических действий.

Однако православие со времен Петра I претерпевает упадок вследствие секуляризации русской культуры. Церковь оказывается вне рамок цивилизационного влияния России на национальные окраины. Высшие слои общества, попав в круг европейской культуры, также не нуждались в церкви и, более того, по-настоящему церковь не уважали. Петровские реформы и их продолжение сделали управление церковью одной из функций специального правительственного департамента. В результате этих действий к началу XIX века православная церковь потеряла поддержку большей части благородных классов и значительной части классов торговцев и крестьян. Самодержавие рассматривало церковь лишь как средство морального воспитания низших классов. Правительство подрывало своими действиями авторитет церкви, конфисковав в 1764 году все церковные земли. Затем последовала волна закрытия монастырей. Непоследовательность этой позиции самодержавия в отношении церкви выразилась во внесении в свод законов империи положений о том, что «царь является главой церкви» и царя необходимо оберегать как защитника интересов церкви. Подрывая авторитет церкви, правительство, тем не менее, требовало от народа повиновения этому институту.

Церковь, поставленная в положение слуги государства, не могла уже удовлетворять духовным запросам личности, тем более нести

цивилизаторские миссионерские функции в новых землях, среди новых народов. Поэтому упадок российской государственности в полной мере коснулся и православной церкви. Церковь к началу XX века уже не могла исполнять роль проводника русской христианской культуры. Таким образом, внутренняя политика самодержавия имперского (петербургского) периода привела к полному краху национальной политики. Тем самым было объективно поставлено под вопрос существование династии и самодержавия.

А. И. Герцен, давая оценку самодержавию в середине XIX века, писал, что «русское правительство - не русское, но вообще деспотичное и ретроградное. Как говорят славянофилы, оно скорее немецкое, чем русское, это и объясняет расположение и любовь к нему других государств. Петербург — это новый Рим, Рим мирового рабства. Принцип его власти не национален, абсолютизм более космополитичен, чем революция».

Герцен прав в том, что Московское государство в своем становлении строилось как национальное - тогда великорусское — государство и что космополитическая империя в образе династии и высшего бюрократического аппарата не смогла найти тех форм и то содержание, которые отвечали бы запросам времени. И он правильно указал причины ее распада: ретроградство, то есть отсталость государственного мышления в решении экономического и национального вопросов.

Степенью прочности царский режим превосходил до XIX века все другие государственные формы западноевропейского абсолютизма. В этом были исторические корни, как выше уже указывалось: Московский удел Владимирского княжества принадлежал изначально младшей ветви, исходящей от князя Александра Невского. Только после оформления имущественных прав на него московские (сначала удельные, затем великие) князья принялись заселять его территорию. В Западной Европе такой ситуации не существовало. Все феодальные владения там, а значит, и возникшие на их основе сословно-представительские и абсолютистские монархии приобретены в результате захвата вооруженной силой и принудительного отчуждения от имевшегося владельца.

Об исторических корнях происхождения верховной власти помнили все в России. Иностранцы же этой ситуации не понимали, о чем они оставили свидетельства начиная с XV века. Они не понимали, что здесь лишь один законный владелец всей земли - царь, поскольку

ку западноевропейские реалии состояли в захвате власти отрядом воинов, где предводитель, становившийся затем королем или вассалом короля, был лишь первый среди равных. Иная природа верховной власти в России, которую разного рода герберштайны просто не могли себе представить. Догматизм государственного мышления западных европейцев был основан на местном опыте вооруженного отчуждения власти и владений. Других путей он не знал.

Эту особенность государственной власти на Руси подчеркнул собор, созданный в 1613 году после окончания гражданской войны, именуемой иначе Смутой. После утраты линии прямых наследников Александра Невского на Московское княжество, то есть имуществу и землю, в первую очередь необходимо было законным способом передать это наследство царственному преемнику. Не входя во все тонкости этой передачи и законности решения собора о передаче имущества и земель великого княжества известной династии, следует отметить, что, в общем-то, возобладала западническая формула *vox populi, vox dei*.

Самодержавная власть русских правителей в Московском государстве основывалась на власти первичного владельца, с которым население входило в правоотношения посредством дачи присяги. Тем самым народ отвечал за свои действия перед царем. Но в то же время народ никак не мог влиять на правоотношения собственности. Собор же передал и власть, и владения той династии, что правила до 1917 года. И если согласно указанной латинской норме, народ благодаря своему суверенитету может передать власть некоему лицу, то чужое имущество он передать кому-либо не мог.

Тем не менее собор 1613 года не только присягнул династии Романовых, но и передал им имущество Великого княжества Московского. Следует отметить, что первые Романовы, видимо, отдавали себе отчет в двойственности своего положения. Самодержавие в силу первопричины есть полнота власти, исходящей из полного владения имуществом государства и распоряжения судьбой подданных государства.

Личная присяга народа царю, как и решение собора, не давали династии Романовых права на осуществление самодержавия ввиду отсутствия легитимного права на имущество государства. Это имущество переходило в собственность всех подданных Московского государства ввиду преемственности государственной политики Древней Руси, которая исходила из формулы «Мы рода рускаго сели и гостье... послания от великого князя рускаго, и от всякого князя и от всех людей

Руския земля». Эта формула выражала идеологическую позицию правящих кругов Руси, отождествлявших свою политическую деятельность с интересами всего народа, а также государственными интересами державы, именуемой «Руския земля». В этом понимании русской государственности для правящей на Руси власти государственно-национальные интересы — это единое и нераздельное понятие, поз-

же тождественное понятию самодержавности как союза власти, народа

и страны. Таким образом, самодержавность в русской традиции была формой «власть для народа и народ для власти». Этого никогда не могли понять жители Западной Европы и местные диссиденты-западники. Диссиденты-славянофилы исходили в своих действиях из нарушения этой формулы, когда власти оставляли в употреблении вторую ее часть, изъяв из правоотношений первую.

Первые три царя династии Романовых правили Россией, исходя из сути вышеприведенной формулы, которая, как мы знаем, впервые появилась в русско-византийских договорах IX-X веков, уравнивая в международных делах Русь и Византию в качестве равноправных сторон. Эта традиция продолжалась до тех пор, пока дед царя Ивана IV Грозного царь Иван III не стал единым государем могучей великорусской народности и не принял — именно в результате не раз подтвержденного равноправия с Византийской империей — на себя преемственность исчезнувших греческих императоров по причине династического брака с принцессой Софьей Палеолог и ее родового (византийского) герба — двуглавого орла. Термин «самодержавие» приходит на Русь именно в виде преемственности Русью роли Византии, ибо правители (императоры) ее в официальных грамотах именовались титулом великие самодержцы, а также цари.

Таким образом, понятие самодержавия за время правления четырех царей - от Ивана III до Федора I — вытесняет тождественную ему архаичную формулу, становясь самодовлеющим и без соотношения с ее подлинным, историческим смыслом и происхождением.

Первые три царя династии Романовых в своих действиях исходят из полного содержания формулы, хотя бы и называясь самодержцами. Таким образом, они в действиях самодержной власти исходят из ее понимания как нераздельного единства государственно-национальных интересов. Не будем забывать, что Московское государство было преемником Древнерусского государства. Этот факт был всем большим и малым русским людям в XVI веке поня-

перии, принявший ношу российской государственности от Велико-русского (Московского) государства.

Нет никаких сомнений, что и Романовский период Московского государства начинался с соблюдения старых государственных форм единения власти и народа. Этот факт подчеркивается неоднократным созывом всероссийских соборов, где происходило общение царя и народа в лице его сословных представителей. Более всего этот момент усматривается в работе постоянного собора при первом царе династии Романовых, продолжавшегося более 10 лет — с 1613 по 1622 год.

Это понятно, ибо традиционная формула самодержавия требовала от власти соблюдать народные интересы, подкрепляя необходимые меры материальной мощью страны. Но ведь эта страна принадлежала на законных основаниях лишь последним представителям дома Рюриковичей — Ивану IV и сыну его Федору I, наследников не оставившему, но передавшему по законному наследованию все царство своей жене — царице Ирине (Годуновой). Сам Годунов, приходясь троюродным братом последнему царю из Дома Рюриковичей, также мог в законном порядке претендовать на власть и имущество всего Московского государства.

Таким образом, первые цари династии Романовых вполне осознавали неполноту своего самодержавия, почему и держали длительный совет с народом через соборных представителей, заслужив от народа почетное звание «тишайших». Однако это традиционное начало — единство власти и народа — существенно поколебал внук первого царя из Дома Романовых — Петр Первый. Мы также знаем, что с его воцарением начался так называемый Петербургский период Московского государства, иначе империя. И вот с этим периодом, здесь можно согласиться с герберштайнами, флетчерами и кюстинами, связано то положение, когда самодержавие стало ассоциироваться с бесправием народа. Тогда-то и появились последовательно диссиденты-славянофилы, дворяне-заговорщики, революционные демократы-дворяне, разночинцы, террористы из народа, социалисты всех мастей и племен и, конечно же, угнетенная национальная интеллигенция «порабощенных Российской (читай - Русской) империей» народов. И все, в общем-то, исходило из одной точки: отсутствие справедливости в отношениях между народом и той формой самодержавия, что была изобретена Петром I и его царскими наследниками. Ибо, мы знаем, справедливость — это дей-

ствие, соответствующее истине и осуществляющееся на законных и честных основаниях. Петру необходимо было уйти от старой формы общественного договора, поэтому он пошел на подлог: учредил империю.

Говорят, Петр I боролся с рутинной во имя прогресса. Но с грязной водой такие люди выплескивают и дитя — власть народа, которую Западная Европа так долго отрицала и которую ее лучшие представители не смогли увидеть на Руси до Петра. Петр I ограничил суть самодержавия формулой «народ для власти», поэтому в русском народе с тех пор и заговорили о несправедливом характере имперского режима. Не следует забывать, что полной формуле власти на Руси, то есть собственно самодержавия, до Петра уже насчитывалось 850 лет. Петр же во имя технического прогресса предал не только

соборные традиции великорусского общества, но и сам идеал свободы. Чтобы преодолеть возникшие с утратой справедливости и свободы социальные трения, Петру необходимо было придумать соответствующие его замыслам методы воздействия и принуждения народа, а также заручиться внешнеполитическими союзниками при отсутствии внутренних. Таким было начало Российской империи, или Петербургского периода Московского государства.

Этот режим просуществовал 200 лет. Рассматривая период формирования французской нации, имевший одинаковую стартовую точку с великорусским периодом IX века и составивший примерно 900 лет-до Великой французской революции, следует признать имперский период Московского государства очень кратким и, значит, вклад самого Петра — негативным для созревания нации. Главнейшее условие становления нации есть следование общества идеалу свободы. Поэтому двести лет правления Петра и его наследников — это история насилия над народами государства и заката самодержавной империи, которая в действительности была не самодержавной, но абсолютистской.

Анализируя с точки зрения национального своеобразия русское революционное движение с Петровских времен и до 1917 года, следует отметить широкое представительство в нем народа, включающее все сословия общества — от высшего до низших. Петровская борьба с ветхой традицией (читай с идеалом народной свободы) коснулась всех слоев российского общества и вызвала самую резкую реакцию. В первую очередь подрыв основ народной свободы вызвал эту широчайшую национальную реакцию, завершившуюся пол-

ным потрясением основ имперского режима. Очень точно охарактеризовал эту ситуацию декабрист В. С. Толстой: «...настает время правдиво вписать в историю это царство, едва ли Россия снисходительно посмотрит на этот период своей летописи: от нас не скроется, что (это) время ... есть источник всех бедствий...»

Отказ от выполнения традиционной полной формулы власти на Руси вызвал ненависть к династии Романовых во всех сословиях общества. Не только декабристы ставили вопрос о насильственном свержении и наказании всех представителей этой династии, но и революционеры 60—80-х годов XIX века, а также эсеры и другие партии социалистической ориентации начала XX века.

В Западной Европе не было такой радикализации общественно-го движения, поскольку борьба за гражданские права велась в рамках правового государства и принимала вид борьбы за сохранение, упрочение и расширение сословных прав. В России не было такой правовой почвы в силу самой природы той формы самодержавия, что придумана была Петром I. По сути, реформы Петра I прикрывали совершенный им государственный переворот как отступление от традиционной формы власти.

Так, характерное для Московского государства народное ополчение, созываемое в трудные для государства моменты, отчетливо указывает на действовавшую традиционную формулу самодержавия. И только Петр I отказался от него, совершив переворот. В Западной Европе крестьянское ополчение перестало созываться уже в XI веке, уступив место наемному войску. Не было там и самозванцев в таком, как в России, количестве. Их наличие у нас в массовом масштабе также говорит о том, что идеал справедливого царя навсегда остался в памяти народной. Если справедливого царя не было, то его надо было найти. Так, только на последнюю треть XVIII века приходится появление 23 самозванцев, не считая Е. И. Пугачева.

Отсутствие справедливого царя как воплощенного символа национального единства глубоко раскалывало власть, общество и в целом страну даже при тех мерах национальной политики, которые использовала государственная бюрократия для привлечения на сторону режима этнонациональных элит.

Консолидация нации в периоды иноземных вторжений лишней раз показывает глубокое укоренение в народе священной формулы народной свободы на Руси, когда решение принималось от имени «всех людей Руския земля». Ответ агрессору всегда был один: «Весь

народ вставал на отражение его, от самого большого до самого меньшего человека».

Поэтому взаимоотношения народа (точнее, всех его слоев) и имперского самодержавия - чисто российское явление, которое западноевропейские ученые не смогли рассмотреть в течение 500 лет. Западные социологи и экономисты весь клубок противоречий свели на Руси к чересчур медленному социально-экономическому развитию. Между тем к началу XIX века уровень производительности в Российской империи был таков, что она превосходила по экономическим показателям другие страны Европейского континента, исключая Нидерланды, и оставила далеко позади «передовую во всех отношениях Францию». (Вспомним, как Екатерина II обучалась по переписке у Вольтера). Но имперское самодержавие к XIX веку утрачивает свой авторитет у народа и общества. Все это не замедлило сказаться на социально-экономическом и политическом развитии страны: появилась масштабная коррупция, шкурные интересы заменили интересы национальные, махровым цветом расцвели разбазаривание казны и государственные аферы. Самодержавие в имперский период из защитника России, из представителя ее национального суверенитета превратилось в орудие насилия и порабощения.

Имперское самодержавие Петра I и его наследников превратило народ в слугу государства, извратив древнюю формулу об их живой взаимной связи. Самодержавие Петра I устранило из формулы власти обратную связь — государство для народа, - чем превратило народ в своего противника. Надо помнить это. Историческая память русского народа представляет одну из его национальных черт. И традиционное самодержавие, по сути, - архетип нашего народа. Только этим можно объяснить сохранение в памяти народных летописных героев страны - Разина, Пугачева, протопопа Аввакума. Тот самый «беспощадный и кровавый русский бунт» — отнюдь не самоцель, как это принято считать, но бескомпромиссная борьба до конца за обретение идеалов свободы и справедливости, незаконно отчужденных властью у народа. И здесь, конечно, дело не в Петровском просвещении «нравов диких», но в национальном характере великороссов, чей общественный договор с московским царем называется самодержавием (в подлинном смысле слова).

Как прав был наш великий соотечественник В. Г. Белинский, сказав: «Россия никогда не будет «золотой серединой». Она не восстанет только для того, чтобы отделаться от царя (то есть династии Романо-

вых). Если царизм падет, центр свободы будет в центре нации, в Москве».

Важным моментом истории России служит тот факт, что главным носителем идей свободы и справедливости в стране был великорусский народ. Он же был и главной позитивной движущей силой в переломные моменты ее истории. Большинство лидеров революционного движения в имперской России являются представителями великорусского народа как по этнической принадлежности, так и по культуре. Только эти представители могли в России, единственной из всех многонациональных государств и колониальных империй, внести в партийные программы социалистов и социал-демократов положение о праве наций на самоопределение вплоть до отделения от Российской державы. Даже без сколько-нибудь обстоятельного экономико-социологического анализа расслоения российского общества на рубеже XX века понятно, что в провале национальной политики империи и крылся наиболее прямой путь к эпохе революционных реформ. Было ясно, что учет иных факторов, включая экономические, является задачей второго плана, решение которой стоит не так остро. Неслучайно первым официальным документом советской власти, оглашенным А. В. Луначарским на Втором Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов в 5 часов утра 26 октября (7 ноября) 1917 года, то есть через два часа после захвата Зимнего дворца и ареста Временного правительства, было обращение к «Рабочим, солдатам и крестьянам». Обращение содержало желание новой власти обеспечить мир, землю, «самоопределение всем нациям, населяющим Россию». И хотя наций в России в то время не было, не сложились, но социалисты точно определили слабое звено державной власти, которое в условиях мирового военного конфликта еще более ослабло.

Империя, зачатая в крови стрельцов, восставших против узурпатора, покушавшегося на народную свободу, пришла к своему историческому концу — гибели потомков палача царского рода (Петр сам рубил головы стрельцам на Красной площади в Москве). Круг истории замкнулся, дав путь изначальной идее Великорусского государства: союз народа и власти.

Глава XI

Национальная политика в дореволюционной России

Местонахождение России в пространстве, соединяющем Европу и Азию, обуславливает качественные особенности ее исторического существования. В этом смысле она полный антипод США, которые являлись до последнего времени сторонним наблюдателем происходящих на планете событий. Островная психология формирует у населения особый склад мышления, побуждающий его верить в свое центральное положение «пупа земли».

Историческая память России не дает нашему населению забывать об особом значении национального вопроса в стране. Ни одна другая часть мира не подвергалась таким катастрофическим нашествиям по меньшей мере раз в столетие. В нашей истории это случилось начиная с XIII века и вплоть до XX века. Население России невольно научилось сравнивать себя с представителями вторгшихся чужеземных орд, отличать те или иные национальные особенности, например, в национальных характерах, в организации и структуре иноземных полчищ.

Трудно назвать еще один народ и еще одну страну, которые смогли победить таких могущественных завоевателей, как Чингисхан, Батый, Мамай, Тимур, рыцари Тевтонского ордена, Улуг-Мухаммед, Сигизмунд-император, Сулейман Великолепный, Наполеон, наконец Гитлер.

Под знаменами этих полководцев и деятелей истории выступали десятки и сотни народов. Легко понять, что на этой огромной территории, протянувшейся с запада на восток — от Карпат до Тихого океана, национальный вопрос приобрел особый статус и сохранял свою остроту многие столетия. До идеи всеобщего человечества на этом пространстве предстояло еще пройти длинный путь. Само по себе представление о человечестве в целом либо о его национальных сегментах — народах — постоянно и глубоко воздейству-

ет на политические, морально-этические и научные идеи, а также чувственную сферу людей. Это положение соблюдается повсеместно во всех уголках планеты. Отношения «мы» — «они» составляют объективную черту общественных отношений, коренящуюся в психологическом восприятии кардинального отличия между «своим» и «чужим».

Психологическое сближение этих понятий, может быть, снимет когда-нибудь национальный вопрос в целом. Однако, не говоря уже об истории, современность демонстрирует значительно большее количество фактов антагонизма этих понятий.

Понятно, что обращение к фактам истории начиная с древних времен не всегда продуктивно вследствие значительного изменения социального уклада общества и духовно-психологических условий его существования. Но сравнение истории и современности может оказаться плодотворным в той части, что указывает на определенный набор методов и средств, используемых властью для урегулирования национального вопроса.

Если говорить о периоде в истории Древней Руси, охватывающем 1228-1462 годы, то национальная политика властей заключалась в одном — помочь выживанию русского населения. На это время приходится формирование великорусской народности. Однако не только в этот период, но практически вплоть до XVIII века состояние мира было для России исключительной ситуацией. Война была повседневным фактом жизни людей. По подсчетам историков, в период XIII—XVIII веков Россия участвовала в более чем трехстах внешних войнах. В этот отрезок времени национальная политика заключалась в уничтожении всех вторгнувшихся народов-агрессоров, поскольку в этом состояла историческая справедливость оборонительной войны, дающей право на жизнь и развитие.

Срединное положение Древнерусского государства определяло и до сих пор определяет существо решения национального вопроса. Это решение требовало знания национальных особенностей окружавших страну соседей. Длинный перечень соседей русских (восточнославянских) племен приводится уже в древних русских летописях, что свидетельствует как о знании этих особенностей, так и о понимании необходимости учитывать их во внешних сношениях.

Наряду с мирными соседями волна великих переселений народов выносила из глубин Центральной Азии подвижные орды кочев-

ников. «Створи бо ся плач велик у земли нашей, и опустели города наши, и быхом бегающе перед враги наши», — подводит итог одного года летописец. Среди врагов этих были гуннские племена, авары, венгры, печенеги, торки, половцы и далее целый сонм народностей, чохом именуемый татаромонголами. И следует учесть, что вышедшие из Великой степи эти народы своим первым мощным порывом наваливались поначалу на Древнюю Русь и только затем на Западную Европу. Тем не менее Европа всегда содрогалась от этого

вторичного соприкосновения со степью.

Но Русь в своем знании чуть ли не на генетическом уровне национального вопроса более или менее успешно отражала эти вызовы эпохи. Причем для Руси это была круговая оборона: защита западного, восточного, южного и северного направлений. Угрозы были равномерно распределены по всему периметру государства: степь, норманны, ляхи, тевтоны, меченосцы и прочие и прочие. Подобное положение государства требовало не только усилий в сфере военной и национальной политики, но и соразмерного им особого дипломатического курса.

Вот в таких условиях формировалась великорусская народность. Надо сказать, что Древнерусское государство было полиэтническим. Пусть основную массу его населения составляли восточные славяне, говорившие на индоевропейском языке племена. Но и между ними были заметны отличия этнического плана, как, например, между вятичами, населявшими бассейн Оки, и тиверцами, жившими в междуречье Днестра и Прута. С другой стороны, тюркоязычные половцы (куманы, кипчаки), хотя и были светловолосыми и голубоглазыми (полова — солома, русск.), но отличались от русских брахикранностью (круглоголовостью) и более или менее выраженными монголоидными чертами. То есть они принадлежали к «другому» антропологическому типу. Вот с этими соседями Русь вела непрекращающуюся борьбу почти триста лет, вплоть до татаромонгольского нашествия. Интересно, что ассимиляция половцев в дальнейшем проходила в нескольких направлениях. Многие половецкие роды откочевали под покровительство Венгерского королевства, где были ассимилированы титульной народностью. Другая часть предалась египетскому паше, где составила султанскую гвардию — мамлюков. Самая большая часть была переселена на земли Поволжья, ставшие центром Золотой Орды. Примечательный факт отме-

тил сто лет спустя после этого переселения один арабский историк. Он писал, что за прошедшее время победители-татары настолько смешались с половцами, что совсем утратили свои природные и расовые качества, но стали «точно половцы», «будто они одного с ними рода». То есть в Поволжье татары были ассимилированы своими подданными-половцами. И эта преемственность прослеживается вплоть до настоящего времени: живые половцы ходят по современному Булгару-Казани.

С другой стороны, русские наладили взаимовыгодные контакты с другой сильной кочевой силой - печенегами. Более того, когда три тюркоязычных этноса — торки, берендеи и печенеги — объединились в союз, получивший летописное имя Черные Клобуки, то они стали гвардией киевских князей. Ту же роль у новгородцев (словен) играли карелы. Велика была роль в государственном и военном управлении Древнерусского государства варягов (норманнов), а в духовной сфере — греков, особенно после принятия Русью христианства.

С другими соседями - хазарами — отношения всегда были сложными. Полагают, что между волжскими болгарами и хазарами существовала этническая и языковая близость, которая способствовала возникновению союза этих племен. Это означает, что хазары были тюркоязычными. Однако хазары создали мощное централизованное государство, с которым Русь находилась во враждебных отношениях до тех пор, пока в 60-х годах X века великий князь Киевский Святослав не разгромил Хазарский каганат и не разрушил его столицу Итиль. В самом конце X века Владимир Святой, сын Святослава, завершил разгром Хазарии и наложил на хазар дань. Однако в южнорусских княжествах, образовавшихся на западных землях Хазарии - таманских и крымских землях, — хазарские поселения уцелели и вели активную хозяйственную жизнь, в основном сосредоточенную в городах. Следует сказать о финских племенах Русской возвышенности: они мирно ассимилировались с восточнославянскими племенами. Даже слово «Москва» финского происхождения.

Таким образом, население Древней Руси было разнолико и разноразлично. В него входили различные этносы. Одни, как Черные Клобуки, были вассалами киевских князей, другие, как хазары, составляли часть городского населения, третьи, как финские племена

на, жили совместной жизнью в политическом объединении восточнославянских племен и так далее. Более сорока имен неславянских народов встречаем мы в связи с историческими коллизиями, отмеченными в древнерусских летописях. Многие их представители успешно влились в общественную организацию Древней Руси. Это обстоятельство указывает на тот факт, что в широком смысле общество и власть были лишены идиосинкразии в национальном вопросе. Язычество обеспечивало толерантность к национальным богам, а значит и к народам. Иное лишь свидетельствует о жестокости самой эпохи вообще. Если здесь и намечались некоторые закономерности, в частности, толерантность к тюркоговорящим смуглым печенегам и полное отторжение опять же тюркоязычных, но светло-волосых и голубоглазых половцев, то причины коренились в неких естественных поведенческих и ментальных комплексах, являющихся своеобразными индикаторами в опознавании «свой—чужой» для восточных славян.

Государственная национальная политика заключалась лишь в выборе естественного союзника против внешнего врага-агрессора. Избранному предоставлялись все права и средства стратегического сотрудничества. В частности, половцы навсегда остались для русских неприемлемым и в качестве союзников.

Одновременно национальная политика великокняжеской (сначала киевской, затем московской) власти проводилась в направлении усиления глубины консолидации (и ассимиляции) восточнославянских племен в единую этническую общность - великорусскую народность. Этому процессу способствовала христианизация Руси, имеющая непрерывную связь до сего времени с установления в 867 году русской епископии и крещения части Руси константинопольским патриархом Фотием.

Усилия к сплочению этнической солидарности восточнославянских племен зафиксированы первым русским летописцем Нестором под 865 годом. Он перечисляет присоединенные к Древней Руси земли славянских племен: полян, полочан, кривичей, древлян, северян, ильменских славян, радимичей, тиверцев, уличей, вятичей, дреговичей.

Были и другие важные обстоятельства, сопровождавшие развитие Руси. Хотя много народов и прошло через Русь, но никогда иноплеменные агрессоры не селились меж восточными славянами. По-

этому не было оснований придать отечественному развитию иноземный этнохарактер. Все приятные и неприятные отношения с иноплемениками не имели тех последствий, которые могла бы нести ассимиляция с завоевателями: аvaraми, хазарами, норманнами и татаромонголами. К тому же татаромонголов никак нельзя было причислить к числу фанатичных пропагандистов исповедуемых ими религий. Кроме того, почти все (кроме норманнов) правили издали и ограничивали свое вмешательство взиманием дани. Ассимиляция была характерна и для этих народов-агрессоров, но в крайне незначительной степени. Исключения составляют авары, которые никогда не смешивались с русскими славянами и допускали жестокое с ними обращение. Поэтому в сознании славян жестко зафиксировалось резкое их отличие от авар. В результате авары исчезли все до единого, чего не скажешь о других вышеперечисленных завоевателях Руси. Современники отмечали преобладание монголоидов в первом нашествии авар, среди которых были и другие этнические элементы: иранцы Поволжья и кутригуро-болгары из южнорусских степей. Однако аварские могильники следующих двух столетий указывают на растущую ассимиляцию авар автохтонным населением. В Центральной Венгрии, где осели авары, происходило смешение монголоидов-авар с потомками сарматов (иранское племя), населением древнеримских провинций и западными славянами. Постепенно авары превратились в этнически смешанное население, объединенное под самоназванием обре. Смешения с восточными славянами не наблюдалось. В «Повести временных лет» к середине IX века летописец говорит об аварах: «Погибоше аки обре, их же нет, ни племени, ни потомства».

Национальный характер восточных славян также способствовал ничтожности влияния иноземных завоеваний на население. Известно, что славянин в своей широкой массе неохотно поддается чуждому влиянию, он всегда и везде остается при своих нравах и обычаях, достаточно трудно изменить его внутренний, домашний и общественный быт. История северных завоевателей, варягов, тому подтверждение. Сначала они покоряют русских славян и ограничиваются данью, однако затем они были призваны несколькими союзными рускославянскими и финскими племенами и поселяются меж ними. С их приходом начинается процесс объединения русско-славянских земель. Варяги основывают обширное государство и ста-

вят в его городах своих правителей. Но здесь и начинаются замечательные вещи. Если в Англии, Франции, Сицилии и Южной Италии, где норманны основывают собственные королевства и герцогства, они огнем и мечом насаждают свой быт, свой образ мыслей и деяний, то на Руси они полностью подчиняются влиянию местного славянского населения и полностью в нем растворяются, завещав народу надолго мысль о государственном единстве всей Русской земли и систему областного правления. Вот эти начала и были единственными занесенными извне на русские земли. И конечно, они лежали в основе национальной политики того периода.

В этом смысле можно сказать, что история предоставила Русь одним ее собственным силам. Это важно, если вспомнить, что мы никогда не сидели на плечах у другого народа, который, будучи просвещеннее нас, мог бы подарить нам плоды своей высшей цивилизации. На своей почве мы не имели предшественников, а если и имели, то таких, у которых нам нечего было заимствовать. Неслучайно знаток Древней Руси академик Б. А. Рыбаков отмечал: «Греческое хри-

стианство застало в 980-е годы на Руси не простое знахарство, а значительно развитую языческую культуру со своей мифологией, пантеоном главных божеств, жрецами и, по всей вероятности, со своим языческим летописанием...»

Отсюда следует, что Русь жила сама по себе, развивалась из самой себя. Это означает, что существовавший общественный быт, исключительно родственный, семейный, накладывал свой внутренний отпечаток и на национальные отношения. В этой связи, несомненно, был прав Ф. М. Достоевский, когда писал, что важнейшей чертой русского народа является стремление к справедливости и, более того, жажда ее. Действительно, семейные отношения выстраиваются именно на этой основе. Подобные отношения распространялись и на объекты внешнего мира. Хотя, надо признать, в древности о человеке, помимо определения его касты, сословия, национальности и гражданства, не имели никакого понятия. То есть в древности человек как личность ничего не значил. Его личностные характеристики, например, великого полководца, талантливого управляющего и так далее, воспринимались даром сословия, его воспитавшего, то есть общественными заслугами. Язычество терпимо относилось к иноверцам, хотя и брало под свое покровительство лишь известные племена. В противовес ему греческое христианство

имело в центре своего идеологического интереса человеческую личность. Однако оно более резко в отличие от языческих религий проводило грань между приверженцами собственного культа и инакомыслящими. Поэтому государственная национальная политика великих киевских князей могла отличаться в зависимости от того, был ли сам князь крещеным или язычником.

Все известные киевско-новгородские погромы иноземцев в условиях доминирования язычества имели своими корнями нарушение понятия справедливости в кругу семейных отношений.

Так, под 1018 годом зафиксирован погром поляков в Киеве, после того как польский король Болеслав Храбрый начал военные действия на польской границе против Руси, стремясь использовать ситуацию обострения разногласий между партиями христиан и язычников в Киеве в своих целях. Та же самая ситуация повторилась в Киеве 50 лет спустя. Также в Тьмутаракани в 1083 году зафиксирована резня восточноевропейских евреев князем Олегом Святославовичем. В Киеве в 1113 году, как пишет летописец, «гнев народный обратился на еврейскую колонию, обласканную покойным князем Святополком II». В результате этих событий созданный Владимиром Мономахом княжеский совет вынес постановление об эвакуации евреев с Русской земли без конфискации имущества, но и без права возвращения назад. Оба инцидента возникли из фактов поддержки еврейскими колониями в Киеве и Тьмутаракани нелюбимых князей и их законных наследников.

Кроме того, следует отметить мнение крупного исследователя исторической науки Л. Н. Гумилева о том, что захватившее в IX и X веках весь культурный мир мироощущение, называемое антисемитизмом, нисколько не касалось Руси и народов Византии. Так, в Киеве еврейский квартал просуществовал с 942 года, то есть более 170 лет.

Таким образом, национальные отношения в Древней Руси развивались позитивно. Крайне редкие, отмеченные летописцем случаи касались вмешательства внешних враждебных сил во внутренние дела государства через посредство иностранных корпоративных сообществ. Поняв, что доктрина язычества может служить отличной «крышей» для подобных «пятых колонн», великие князья киевские после 1113 года прилагают большие усилия к христианизации земель, обратив ее в форму государственно-национальной политики. Действительно, христианство содержало в себе государственные

центростремительные тенденции. Они представляли собой под легитимным предлогом цивилизованные средства присоединения новых земель. Это было особенно эффективно в условиях языковой близости восточных славян. Интересно, что такая же языковая близость существовала в то время и между поляками и русскими славянами. Об этом свидетельствуют источники, освещавшие захват Киева Болеславом Храбрым. Однако идея былой славянской общности уже утрачивалась, уступая место реальности формирования народностей на основе других этнокультурных элементов и комплексов. В частности, имело место различие в идеологических основах формирования общности: отличие римско-католической и православной догматики, которое существенно определяло саму культуру и мироощущения соответствующего населения.

В отношении Руси процесс христианизации зафиксирован летописцем. Однако если присоединяются русскославянские племена, то факты крещения целиком относятся к жителям определенного города и примыкающих к нему окрестностей. Это говорит о том, что после крещения киевлян и суздальцев в 988 году процесс этнической общности населения Древней Руси усиливается. Идет установление христианства в Новгороде (989 г.), Смоленске (1013 г.) и так далее, но страна вятичей остается в язычестве до конца XII века. Вообще же упоминания о волхвах, языческих жрецах, тянутся вплоть до XVIII века. Именно волхвы были вдохновителями и предводителями многих народных восстаний этого периода.

Другой особенностью внутренней организации древнерусских земель, наложившей отпечаток на национальную политику, была удельная система правления. Корни ее уходят в идею Ярослава Мудрого, задумавшего основать государственный быт Руси на родовом начале в качестве принципа политического единства государства. Западноевропейская система организации государства не могла быть привита на Руси. В Европе феодальные государства были следствием установления военного господства захватчиков над местным населением. Используя военную силу, предводители агрессоров устанавливали военно-феодальное правление над захваченными землями. Очевидно, что на Руси не существовало условий для создания феодального государства. На Руси сложилась удельная система, характеризующаяся таким отношением к феодальной, как семья относится к товариществу.

Этому способствовала борьба за власть между сыновьями Владимира Святого. В итоге в 1036 году Ярослав принял власть над всей Русью. Единство державы было достигнуто на основе соглашения между Новгородом, провозглашенным боярской республикой, Киевом с его крепкой христианской общиной, Черниговом, отстаившим свое право быть в этом ряду городов, и Ростовом, городом в богатых землях, населенных язычниками. В результате компромисса отдельные области Руси признали верховную власть киевского князя. Современники называли Ярослава самовластием, то есть самодержцем.

Однако в лице потомства Ярослава выступает на государственно-политическую арену семья, разросшаяся затем в целый род. Внутри этого рода устанавливались сложные правила наследования, которые становится затруднительно применять на практике, поскольку представителей рода было много.

Это положение привело к ряду политических кризисов в государстве. Феодалный порядок также не мог быть установлен, поскольку управление государственной сферой принадлежало одной кровнородственной семье. В дальней перспективе разложение государственного быта, основанного на родовом начале, когда высшая государственная власть находится в пределах одной семьи, привело к возвышению Москвы.

По замыслу Ярослава, вся Россия должна была принадлежать одному княжескому роду. Каждый князь, член рода, получил свою часть; на каком основании он владел ею, не было определено. Великим князем признавался старший в роде, ближайший по рождению к родоначальнику. Так открылся с 1054 года период уделов, закончившийся разрушением политического единства России. Каждый из князей смотрел на свой удел как на временную стоянку в ожидании более обширного или более богатого удела. Народ, со своей стороны, смотрел на князя как на временного правителя. Если учесть, что население могло свободно перемещаться по территории страны, то «национальные политики» того времени способствовали равноположению в общественной этноструктуре различных этнических элементов. Это положение приводило к быстрому исчезновению каких бы то ни было различий. Этнической однородности структуры древнерусского общества способствовали отсутствие условий, аристократии и особенности устройства городов и сел.

Кроме того, действовал фактор территориального переустройства земель. Хотя иерархия кровного старшинства утверждала неизбежность и прочность территориального устройства, однако последнее постоянно претерпевало существенные изменения, непрерывно изменяясь соразмерно действующему числу князей рода. Это увеличение или уменьшение числа князей порождало колебание между территориальным началом и личным, а также родовым и семейным. Последнее характерно для большого рода, когда кровнородственные связи забываются, а интересы семьи выходят на первый план.

Конечно, Древняя Русь еще не до конца трансформировала племенное устройство. По-прежнему преобладают русскославянские земледельческие и торговые общины. Однако города уже тогда представляли собой «плавильные котлы», где создавались очаги формирования новой народности. Так, известно, что уже в IX веке в Киеве было восемь огромных рынков и бесчисленное множество разноплеменного народа. А ведь кроме главного города, существовали и второстепенные укрепленные поселения — пригороды, возникшие или путем колонизации, или для защиты отдельных частей территории. И все они привлекали к себе местное население, создавая очаги ассимиляции русских славян, карело-финнов, варягов и других. Кое-где местный ремесленник еще сохраняет в обиходе и общении свою племенную и даже иноземную национальность, но в целом летописцы употребляют для обозначения горожан топоним соответствующего города.

Свобода миграции характерна для того времени. Эта черта времени особенно хорошо прослеживается на этническом составе княжеских дружин. Доподлинно известно, что дружина имела полиэтничный состав. Ее основа, конечно, русскославянский элемент, Однако карелы, печенеги, Черные Клобуки, торки, венгры и другие, то есть все окружавшие Русь этносы, были также в ней представлены. Подобная национальная толерантность пронизывала все общество сверху донизу. Удельная система организации государства, единая религия, примат справедливости, одноязычие создавали у человека того времени ощущение принадлежности к единой семье. Понятно, что цели и задачи национальной политики в современном ее понимании были вполне на уровне вызовов того времени.

Мироощущение субъекта патриархальной семьи было намного нравственнее, чем мировоззрение субъекта современных нацио-

нальных правоотношений, поэтому не существовало национально-го вопроса как такового, то есть объективной проблемы, занимающей ум и помыслы княжеской власти или населения.

Существовали нормативные акты, регулировавшие отношения между членами древнерусского сообщества, которые могли в нашем современном понимании регулировать и национальные отношения. Это в первую очередь свод племенных обычаев и судебных решений русских славян — «Русская правда», относящаяся к X веку. В дальнейшем законотворческая практика регламентируется в княжеских уставах, договорах и судебных грамотах. Таким образом, Древняя Русь располагала достаточно разработанным правом, удовлетворявшим нужды как государственной власти, так и населения. Отметим хорошо сохранившиеся договоры с греками и немцами, которые имели в том числе цель — установить мирное разрешение столкновений между местным населением и приезжими гостями (купцами). Можно сказать, что это были нормативные правовые акты, относящиеся к сфере национальной политики в современном ее значении.

Процесс бесконфликтной консолидации племен, входивших в Древнюю Русь, косвенно подтверждается языкознанием. Так, московское население той поры сформировалось как особая народность со своим особым наречием, сосредоточившим в себе звуковые черты говоров и национальных особенностей племен, которые сталкивались у ее стен. Такой процесс шел во всех крупных городах той поры: Киеве, Пскове, Великом Новгороде.

Сам процесс формирования новой народности не смог остановить распада удельной системы Древней Руси.

В 1097 году в Любече состоялся княжеский съезд, положивший начало новой политической форме существования страны. Там было решено сохранить в дальнейшем тот *status quo*, что сложился на момент его проведения. То есть князья навечно получали в правление свое (и наследников своих) бывшие у них уделы. Это положение означало, что Русь превращалась в конфедерацию независимых государств. Положение усугублялось постоянными претензиями земель друг к другу и характеризовалось тем, что уже не удельные князья определяли политику своих государств, а стоявшие за ними военно-политические группировки, выражавшие интересы тех или иных земель распадающегося единого государства.

В 1132 году отпадает Полоцк, в 1136-м в Новгороде учреждается боярская (аристократическая) республика, в 1159 году обособляется

(от Киевского) Великое княжество Владимирское, в 1155 году — Галич, в 1156-м — Черниговская земля. К началу XIII века процесс стал необратимым, и Киевская Русь распадается на несколько независимых государств, подчас враждующих между собой не на жизнь, а на смерть. Таким образом, примерно через 70 лет после Любечского съез-

да конфедерация русских государств-уделов как форма надгосударственного объединения прекращает свое существование.

Совершенно противоположная ситуация наблюдается в конце XII века в Западной и Центральной Европе. Здесь существуют централизованные феодальные государства: королевства Англии, Франции, Польша, Венгрия и Священная Римская империя в составе нескольких королевств, маркграфств, герцогств и княжеств, а также некоторые другие, как, например, пиренейские государства. Они были в той или иной степени ослаблены из-за внешних конфликтов и внутренних проблем. Однако наличие централизованной системы феодальной организации этих государств сыграло важнейшую роль в отражении внешнего стратегического нашествия татаромонголов в первой половине XIII века. Перед лицом общей тотальной угрозы феодальные государства Западной Европы создали временный военно-политический союз для отражения внешней агрессии.

Эта линия оказалась более выверенной и отвечающей вызовам времени, а раздробленная на небольшие независимые государства-уделы Русь не смогла противостоять общей угрозе. Необходимо также отметить, что государства Запада находились в то время в едином идеологическом пространстве, питаемом одним религиозно-культурным источником - католичеством. В условиях удельной раздробленности православие Восточной Европы не могло быть тем фактором, который заставил бы католические государства Запада оказать помощь восточным соседям. Скорее всего, было наоборот: католический Запад с удовлетворением смаковал гибель Древней Руси под ударами татаромонголов и их союзников.

Раскол вселенской христианской церкви в 1054 году на две части имел, конечно, свои исторические корни, которые указывали на существовавшие различия между Востоком и Западом Европы.

Церковь на Востоке развивалась в особых условиях. Она входила в греко-римское культурное пространство, сохранявшееся на Востоке. Одновременно византийская цивилизация постоянно находилась под прессом внешнего военного давления, инспирированного

различными завоевателями. Все это приводило к тому положению, когда церковь напрямую зависела от власти императора. Кроме того, римское право содержало в себе императив централизации власти. Кодекс императора Юстиниана кодифицировал римское право к нуждам переходной - от рабовладельчества к феодализму - эпохи, оставив примат императорской власти вне всякой диверсификации.

Национальная политика Запада того времени шла в ногу с религиозной идентичностью субъектов внешней и внутренней политики. Инакомыслящие считались врагами. Этому способствовало и единое язычие Западной Европы вплоть до середины IX века. Только после раздела империи Карла Великого начинают складываться условия для развития французского, немецкого и итальянского языков. И уже языковые различия служат разделению «своих» и «чужих».

В то время когда на Востоке Европы Византия установила порядок, на Западе царствовал хаос «темных веков». После падения Римской империи церковь на Западе не имела никаких сильных политических соперников в борьбе за верховную власть и продолжала укрепляться по мере преодоления цивилизационно-культурного застоя, сопутствующего падению империи.

Политические и административно-территориальные реформы императоров Константина и Феодосия привели к разделению управления как империи, так и церкви в виде их восточных и западных частей. После завоевания варварами и падения в 476 году Западной Римской империи такое разделение стало политической реальностью. В том же году военачальник Одоакр, происходивший из германского племени скиров, лишил престола малолетнего римского императора Ромула Августула и стал фактическим правителем Италии и Рима. Одоакр не считал, что этим актом он упраздняет империю. Знаки императорского достоинства были им отосланы в Константинополь восточноримскому императору. Однако, по существу, это был радикальный переворот. Повсюду в Западной Европе хозяевами стали варвары. Так, Одоакр провел реформу, в ходе которой наделил своих дружинников землей, для чего у местных землевладельцев отнял одну треть их земельной собственности. Подобные реформы проходили во всех варварских королевствах, бывших союзниках империи, ставших независимыми государствами Западной Европы.

Однако отсутствие эффективной политической власти на Западе привело к той ситуации, когда папа стал как духовным, так и светским правителем. Особенно это было очевидно во времена кризисов, потрясавших время от времени Западную Европу. Если императоры на Востоке были папами, то на Западе папы стали императорами.

Этот экскурс помогает установить различия в условиях формирования восточной и западной вселенских (христианских) церквей. В результате в двух церквях сформировались различные воззрения на светскую власть.

Философские взгляды Запада также отличались от восточных. Латинское сознание Запада было более склонно к практике управления, оставаясь более или менее индифферентным к формулировке догматов ортодоксии. Напротив, греческое сознание Востока интересовалось разрешением богословско-теологических проблем в философском духе. Эти и другие аспекты взаимоотношений двух частей вселенской (кафолической) церкви привели к ее распаду на Греческую православную церковь и Римско-католическую церковь. Точная дата раскола известна. 16 июля 1054 года кардинал Губерт в сопровождении двух папских легатов возложил на алтарь кафедрального

собора Св. Софии в Константинополе буллу об отлучении патриарха и его последователей. Константинопольский патриарх незамедлительно созвал собор, который предал анафеме папу римского и его иерархию. Великий раскол христианства нарушил единство церкви. Вместе с расколом церкви произошел и раскол светский, разделивший цивилизационное пространство Европы на две части.

Это различие выявилось в цивилизационной парадигме, определявшей ход событий в обеих частях. Возникновение городов, наций и среднего класса шло разными путями и имело разную природу. Отсюда и особый подход к тем явлениям, которые составляют существо национальных отношений или государственной жизни.

Концепция неделимой империи, которой придерживались римляне, например, была чужда германо-тевтонскому сознанию. Поэтому этот идеальный и ряд других материальных факторов привели к распаду Франкской империи Карла Великого на три части, по количеству уделов, отошедших его внукам. Кроме того, ослабление центрального правительства и распад системы управления провинциями привели к усилению феодализма на западе Европы. Так, после гибели Западной Римской империи последовал глубокий упадок го-

родов и торговли, вынудивший людей вернуться к земле и кормиться продуктами земледелия. Этот порядок вещей создал особую систему подчиненности, которая передала общественную власть в частные руки. Так оформился в Западной Европе феодализм. Здесь человек подчинялся корпоративным интересам или интересам группы. Каждый член такого иерархического общества имел своего сеньора-покровителя, феодальных рыцарей, которые были держателями земли. Поэтому феодализм определяют как систему политической организации, основанную на держании земли. Местный вассал управлял непосредственно тем районом, где владел землей. В период слабой централизованной власти это был единственный способ, которым можно было поддерживать законность и порядок. Экономической единицей феодальной системы был манор — участок земли, который мог обеспечить вооруженного рыцаря. Рыцарь — самая низшая ступень в феодальной пирамиде — зависел от крепостных, которые обрабатывали для него землю. Взамен он предоставлял им защиту от нападений и покровительство. Самодостаточность феодального поместья в условиях кризиса международной торговли и государственного управления являлась основой существования всех классов феодального общества — рыцарей, сеньоров, крепостных и духовенства. Причем централизованное (абсолютистское) государство не могло укорениться в Западной Европе вплоть до XVI-XVII веков, поскольку связи между феодальными вассалами и правителем (королем, императором) были крайне слабыми. Лишь осознание общей угрозы, как то было при вторжении татаромонголов, могло на короткое время воссоздать идеальную феодальную пирамиду власти с королем на ее вершине. Вслед за устранением угрозы вновь начинал действовать тевтонский принцип наследования, неизбежным результатом которого было ослабление властной пирамиды вплоть до децентрализации управления. Германские народы в полной мере следовали этому принципу, пока канцлер Бисмарк не покончил с правовым анахронизмом, предписывающим разделять земли отца между сыновьями, и не воссоздал централизованное Германское государство.

Феодализм Древней Руси имел иное содержание. Все русские уделы составляли общее наследство Владимирова княжеского рода. В каждом уделе не было своего настоящего владельца. Именно съезды князей решали, кому достанется тот или иной удел до следую-

щего княжеского перехода и как будут осуществляться эти княжеские переходы. Часто меняя владения, переходя с места на место, князья не могли иметь одних интересов с местным миром, то есть обществом или общиной. Это положение кардинально отличалось от современного ему феодализма Западной Европы. Князья Владимира рода равнодушно смотрели на общины. В преддверии перехода они нещадно эксплуатировали общины, прибегая к грабежу и насилию. Им были нужны деньги и войско.

Истощение и ослабление князей позволило общинам начать вести собственную политику. Разумеется, восточнославянские общины не были способны еще жить без князя. Однако они понимали, что княжеское управление должно включать в себя функции внешней защиты, а также прекращение внутреннего насилия. У общин были средства для ведения войн, что делало их целью всяких распрей между князьями. Поэтому они стали выбирать князей, призывать и изгонять их. Такая общинная деятельность противоречила устоям и существу западноевропейского феодализма. В Западной Европе лишь спустя двести лет городские общины в условиях развития городских ремесел смогли перейти к этой практике, нанимать отряды кондотьеров.

Однако после периода правления Андрея Боголюбского, который в 1169 году взял приступом Киев, но не остался там на княжение, а возвратился в свою отцовскую вотчину — Владимир на Клязьме, отпрыски единого прежде княжеского рода перестают, наконец, думать о Киеве и домогаться великокняжеского венца. Они становятся оседлыми и перестают блуждать по русской земле, ища владений и чести, соответствующих месту, занимаемому ими на родовой лестнице. Древняя Русь распадается на несколько независимых территорий, имеющих во главе своей особый княжеский род и потому обремененных государственным суверенитетом.

Вместе с этими переменами происходит и изменение порядка вещей вокруг главы этого княжеского рода. Его уже окружает не дружина, но двор, а княжество рассматривается как собственность князя. Так было утрачено государственное единство Древней Руси, которое сложилось на основе объединения племен и общин. Перемены привели и к созданию конфедерации русских княжеств - независимых государств, то есть развалу единой Древней Руси.

В основе этого государственно-политического процесса — историческая несостоятельность государственного устройства на основе родового быта. Главным стали семья, а также правоотношения между правящими семьями. Иначе общественный быт соседствующих государств-уделов мог оказаться под угрозой ударов еще не совсем забытых родовых, то есть кровных, отношений.

Однако уже в самих независимых княжествах начались процессы, развалившие национальное единство Руси. Княжеская семья разрастается, разрастается и число наследников. Таким образом, великие княжества вновь стали перед угрозой еще большего раздробления, вплоть до отдельных вотчин и поместий.

Но этого не случилось. Важное событие ускорило окончательное падение старого и развитие нового порядка вещей. Этим событием стал татаромонгольский сюзеренитет на русские земли. Именно татаромонголы сокрушили удельную систему и вознесли на недостижимую высоту великокняжеский титул. Они исходили из интересов упорядочивания сбора дани, но фактически действовали в интересах политического единства Руси, создав реальный политический центр в северо-восточной ее части и способствуя соединению Руси в целом под властью великого князя.

Единственным средством для получения великоханского ярлыка было благоволение золотоордынских ханов, которое приобреталось регулярной выплатой дани. Следовательно, экономический императив преобладал в той политике, которую великий князь проводил для консолидации общества в этой важнейшей для его существования функции: давать ордынский выход, то есть дань татаромонгольским ханам. Отсюда толерантность к народам Московского великого княжества. Московские князья могли правдой и неправдой отнимать владения других князей, но к тягловому населению отношение было иное. От сборов с них зависела судьба московского великого князя и его семьи. Таким образом, национальная политика Древней Руси вплоть до 1480-1500 годов характеризовалась толерантностью к нерусским народам. Лишь Василий III, великий московский князь, смог окончательно ликвидировать удельную систему на Руси, отняв у князя Северского его удел, последний в России. Вместе с избавлением от татаромонгольского сюзеренитета это событие стало краеугольным камнем в создании Московского госу-

дарства, открывшего новый этап российской государственности, продолжавшийся до 1917 года.

Появление государства стало концом эпохи кровного быта в государственной власти, началом эпохи гражданских, юридических и нравственных интересов.

Основными моментами национальной политики того периода стали личность и идея государства. Тип вотчинладельца, полного господина над своими именьями, лежит в основании Московского государства. Образуется государственная территория — не случайное соединение земель, а правильно организованная структура, имеющая свою жизнь и потребность. В отношении личности также происходят новшества. Название слуги — теперь почетный титул, жалуемый за заслуги, то есть значение личности возрастает намного выше, чем прежде, когда требовалось исполнение каких-то функций от приближенного человека. Все высшие нравственные попытки не могли реализоваться в кровном быте Древней Руси, пропитавшем всю вертикаль общества от его властно-государственной верхушки до простонародных низов. Все проявления личностного начала оставались втуне вплоть до времен Иоанна IV Грозного. Даже христианство как религия, способствующая проявлению личности, не могла справиться целых пять столетий с кровным бытом русско-славянского общества. Лишь эта новая идея государства смогла расчистить путь проявлениям личности, в том числе дать начало многим известным служивым родам. Более того, московские великие князья первыми дали ход на практике началам личности. Они хотели видеть при государственном управлении не просто слуг, безусловно повиновавшихся, они хотели видеть эффективные органы своей власти. Отсюда важность личных качеств человека для его успешного продвижения на службе у великого князя московского. Роль личности в придворной иерархии уже отчетливо понимал дед Ивана IV — Иван III, также получивший название Грозного за строгое обращение с высшими чинами из родословных людей. Оба Грозных действовали очень энергично и подчас жестко против вельмож и областных правителей, угнетавших народ.

Для достижения правильных целей государства московские великие князья проводили государственную реформу в двух направлениях: укрепление национальных общин, страдавших от произво-

ла местных правителей, и привлечение к госслужбе хундордных, но грамотных и знающих толк в управлении людей, то есть дьяков. Естественно, другим критерием отбора для административных людей был религиозный фактор, то есть православие. Однако национальный фактор не мог браться в расчет, когда речь шла о высших государственных интересах.

Конечно, в Древней Руси не было юридического быта в современном понимании. Роль личности могла быть оценена в то время, лишь сообразуясь с политическими, административными и полицейскими целями московских великих князей. Только так можно сегодня расценивать прикрепление в 1592 году сельского народонаселения к земле. Однако надо понимать, что Феодор Иоаннович, а точнее Борис Годунов, должен был это сделать ввиду произвола и ущерба бедным людям, который им чинили богатые при переходах, обращая смену только на пользу себе.

Таким образом, говоря о национальной политике Древней Руси, следует понимать, что политическое устройство государства было неустойчивым. Составленная из многих племенных и городских миров Древняя Русь не сложилась в единое государство в современном смысле слова. Это государство являлось совокупностью многих княжений, объединенных одною династией, единством религии, племени, языка и народного самосознания. Такое самосознание народа существовало. Сохранились документальные свидетельства, что народ Древней Руси осуждал свое политическое устройство, осуждал князей за то, что они «несли землю розно» своими распрями, и убеждал их быть в единстве ради единой «земли Русской».

Первая пространная запись о племенном составе Древней Руси содержится в русских летописях и повествует о подготовке похода Олега в 907 году против Византии.

Те общие черты самосознания народа, о которых упоминалось выше, помогли Олегу вовлечь в свое войско не только те славянские племена, которые уже входили в состав Киевского княжества, но и позволили привлечь в него многие соседние племена, включая инородческие— чюдь и меря, а также варягов.

Под княжескую руку удалось поставить все силы восточнославянских племен. Это свидетельствует о высоком уровне народного самосознания русских славян, постепенно на основе единого госу-

дарства консолидирующихся в единый народ. В состав Олегова войска входили словене, уличи, славяне ильменские, кривичи, древляне, радимичи, поляне, северяне, вятичи, хорваты, дулебы, тиверцы.

Акты древнерусской дипломатии IX–XI веков хорошо отражают этот процесс консолидации русскославянского народа в единое государство. Договоры с Византией, Болгарией, варягами, уграми и другими государствами и племенами хорошо отражают процессы объединения русских племен и их соседей в единое государство. Они четко определяют посольства как представителей всей Русской земли («мы от рода русского») и ее верховной власти — великого князя и всех подчиненных ему князей, «подручников», возглавлявших другие славянорусские племена. Важнейшей чертой этих актов служит тот факт, что посольства представляли собой общенациональное, то есть общерусское, и общегосударственное представительство.

При этом под Русской землей, Русью тогда понимали государство, включающее в себя как территорию бывших восточнославянских племен, перешедших под власть Киева, так и зависимую от него «многоязычную сферу», состоящую из множества племен. Таким образом, правильно будет говорить о том, что строительство и укрепление первого Русского государства шло одновременно с успешной реализацией национальной политики, под которой имели в виду бесконфликтность процессов сплочения русских славян в единый русский народ. При этом в процессе консолидации принимали участие и представители других рас и племен. Так, родственные славянорусам варяги были сравнительно быстро (за 100–150 лет) поглощены без остатка. Однако и до и после прихода варягов русские славяне свободно смешивались с племенами урало-алтайской языковой группы — монголами, тюрками и финнами, причем монголы относились к иной расе человечества — к монголоидам. Большинство других племен принадлежало к европеоидной расе.

Хотя, конечно, не существует способа определения добавки урало-алтайской или ирано-аланской примеси, совершенно очевидно, что она не была достаточной, чтобы заметно изменить европеоидные расовые характеристики русских славян. Русские остались в основном славянским народом.

В дальнейшем политические факторы способствовали разделению русского народа на три главных ответвления: великороссов

(собственно русских), украинцев (или малороссов) и белорусов. Начало этого разделения следует отнести к XII веку, то есть периоду удельного размежевания Древней Руси. Западные уделы Руси попали в цивилизационное поле католической Европы. Зверское разграбление Киева Андреем Боголюбским в 1169 году показало, что к тому времени уже существовало достаточно ощутимое духовное отличие между народонаселением Северо-Восточной Руси и юго-западными уделами.

С XIV по XVIII век русские были разделены между двумя государствами: Московским и Речью Посполитой (польско-литовским). Естественно, многовековое польское влияние на украинцев и белорусов отразилось на их культуре и языке.

Однако источники указывают, что в Средние века люди всех ответвлений восточных славян (и даже литвины) назывались русскими (русами). Языковые различия были малозначительны. Вплоть до времен Ивана IV Грозного сохранялась достаточная свобода для миграции по всему региону Восточной Европы. Исторические документы зафиксировали переходы на службу верховной власти в государствах региона многих сотен высокопоставленных перебежчиков. Сколько хундордных перебежчиков было, определить трудно, настолько их было много.

Возвращаясь к начальному периоду существования единого Русского государства, следует отметить его относительную силу, что в немалой степени было обусловлено успехом национальной консолидации. Так, византийские источники того времени непременно говорят о Древней Руси как о мощном «восточном факторе» своей внешней политики. Подобное могло быть возможно лишь в случае сильной племенной сплоченности и этнической солидарности славянорусов. Само это название несет идиоматическое значение. Дело в том, что под русами понимали в то время киевских славян, а под славянами - иные славянские племена, как подвластные Киеву, так и независимые от него. Именно опираясь на мощь цельного Древнерусского государства, Византия использует его в качестве главного фактора своей восточной политики. Для контроля района Кавказа империя делала главную ставку на Русь, о чем свидетельствуют неоднократные походы русских дружин к берегам Каспия, а затем и против Волжской Хазарии. Нельзя обойти и факта участия семи русских кораблей с 415 воинами в морских походах Византии в 934 году

к берегам Лангобардии и в 935 году — Южной Франции, а затем в 949 году - в военной экспедиции против Крита (629 человек) и в 954 году - высадке в Сирии.

Все это указывает на зрелость государственной власти первого Русского государства. Показательно, что договоры с Византией содержат указания, что посольства действуют не только от имени государства Русь, его верховной власти - великого князя, но и содержат запись, что они действуют от имени русского народа: «и от всех людей Русския земля». Таким образом, выражается мысль об общерусском характере договорных отношений. Кроме того, они содержат указание на тот важнейший факт, что идеология Русского раннефеодального государства имела в виду под понятием «весь народ», а именно: весь народ — от великого князя, «всякого княжья» до «всех людей». В этом просматриваются уже определенно сложившееся государственно-политическое положение Руси и реальная идеологическая концепция правящих кругов Руси, отождествляющих свою политическую деятельность с интересами всего народа. Таким образом, власть не просто понимала под термином «Русская земля» конфедерацию племен и территорий восточных славян и союзных народов, но вводила его как обобщенное выражение для понимания — впервые в отечественной истории! — русской государственности.

Понятно, что данное положение могло быть следствием внутренней стабильности и положительного развития Древнерусского государства, что проистекало из успешной реализации процесса слияния восточнославянских племен и иных инородческих элементов, волей исторической судьбы соседствующих с Русью или включенных в нее.

Следует также упомянуть об уголовно-правовых и имущественных аспектах международных договоров Руси. Они содержали в том числе нормы, регулирующие правоотношения между подданными соответствующих государственных образований, то есть содержали элементы национальной политики в современном понимании этого вопроса. Например, договор 944 года между Византией и Русью был настолько масштабен и всеобъемлющ, что ему нет аналога в истории Византии второй половины I тысячелетия нашей эры. Этот факт можно объяснить только лишь мощью Русского государства того периода, которая основывалась на исключительно положительном процессе развития и углубления национальной политики: сплю-

чении племен в один народ. Такой межгосударственный договор мог быть заключен лишь сторонами, признающими свое равноправие при взятии соответствующих оговоренных обязательств.

Необходимо отметить и роль христианства в сплочении славяно-русских племен и укреплении их государства. Попытки Византии христианизировать Русь известны с начала IX века. К середине IX века греческим духовным иерархам стало очевидно, что процесс христианизации Руси является для древнерусского языческого общества чрезвычайно сложным. Он сталкивался с вековой мощью языческой религии и превращался из фактора внешнеполитического в фактор внутривнутриполитический. Оберегая государственный суверенитет Руси, ее языческая варяжская власть оставляла этот вопрос открытым. Конечно, частичная христианизация проводилась и среди викингов, близких к великому князю. В 955 году была крещена и великая княгиня Ольга. Несомненно, решение Владимира Святого о крещении Руси исходило не только из духовных потребностей населения. Власть более всего ожидала несомненных политических выгод. Это касалось и государственного престижа Древней Руси, ее места в ряду других государств Европы. Особенно это выразилось в борьбе Руси за равенство с Византией в титулатуре, содержании и оформлении межгосударственных отношений. Христианизация Руси для правящего режима означала крупный шаг в установлении равноправных отношений с Византией, пример которых русские (варяжские) князья видели в аналогичных отношениях империи с Персией, Болгарией, Аварским каганатом. Было также очевидно исключительное политическое и религиозное положение Византии в тогдашнем мире. Согласно византийской концепции власти, император являлся наместником Бога на земле и главой всей христианской церкви. Отсюда выстраивалась иерархия политических ценностей, имеющих свои определенные проекции на субъекты международных отношений того времени. Фактически концепция власти в империи и связанный с ней церемониал являлись своеобразной византийской политической религией. Борьба за более высокую титулатуру русского великого князя, за возвышение государственного престижа Руси, таким образом, составляла самостоятельное направление реализации национальных интересов Русского государства.

Ведущую роль в христианизации соседних с Византией стран играл император, то есть аппарат политической власти, а отнюдь не

патриарх и церковные иерархи. Поэтому христианизация Руси имела далеко идущие политические последствия в плане усиления престижа государя и его государства как политического союзника империи. Следует указать, что попытка Папы Римского Иоанна XIII организовать в Киеве миссионерский центр во главе с епископом Адалбертом закончилась для миссии плачевно. В результате народного восстания в 962 году епископ бежал из города, чудом оставшись в живых. Подобные события, конечно, являются отражением сложных процессов консолидации общества, но также указывают на политический курс правящего языческо-христианского режима, не желавшего предоставить какие бы то ни было церковные и политические права представителю германского короля.

Таким образом, внешний мир мог говорить, что существует не только оригинальное политическое самосознание правящих кругов России того времени, но и народное самосознание, которые вместе являлись выразителем общенародных, общегосударственных интересов.

Экономическая, военная и политическая мощь Руси в конце первого тысячелетия нашей эры продолжает нарастать. Это происходит посредством реализации на практике идеи единства власти и народа. Происходит усиление централизации власти, возрастает роль купечества. Таким образом, национальная политика, может быть и неписаная, постепенно воплощалась в жизнь, являясь существенным фактором сплочения древнерусского общества. Причем речь шла о многих представителях десятков инородческих племен, хотя бы и составлявших малую часть основного массива славяно-русского населения.

Несомненно, быт славянорусов был вначале племенной. Однако названия племен постепенно уступают место упоминаниям о волостях и городах. Таким образом, Древнерусское государство постепенно развивало общинно-политическое устройство, при котором мелкие общины благодаря совместному проживанию на одних и тех же местах и единству хозяйственных, материальных интересов сливались в волости. Такие общины были политическими образованиями, управляемыми избранными старшинами или общим советом (вече). Поэтому сплочение племен русских славян происходило естественным путем, когда колонизационные потоки от разных племен оседали для совместного быта на соседних территориях. Такие

общины содержали в своем составе семьи, принадлежащие не только к разным родам, но и к разным племенам. Так, например, складывались соседствующие общины в Верхнем Поволжье, которое заселялось и кривичами, и вятичами.

С развитием по русским рекам торгового движения между балтийским, черноморским и каспийским рынками на земле восточных славян стали возникать большие города. Они служили сборными пунктами для купцов и складочными местами для товаров. Охрана товаров и торговых путей требовала войска поэтому именно в городах образовались военные дружины (товарищества), в которых были люди разных народностей. Во главе дружин стояли князья (славянская транскрипция слова «конунг», то есть варяжский предводитель). Переход власти в городах к такому предводителю дружины делал его городским владетельным князем. Поскольку города контролировали близлежащие окрестности, то есть волости, прилежащие к городу, то образовывалось княжество. Появление городов, торговых иноземцев, родоплеменных дружин, терпимость язычества к чужеродным религиозным культам создавали в цивилизационном пространстве Древней Руси уникальные условия для смешения племен и народов. Одновременно происходило формирование сословий — военных, торговых, промышленных, зависевших от городских властей — князей или вече, а вовсе не от условностей родоплеменного быта. Люд, проживавший в волостях, также не оставался в стороне от социального прогресса. Ведь основные экспортные товары — мед, воск, меха — добывались и производились крестьянским населением волостей. Все это поступало в города и продавалось там за деньги.

Многоязычный колорит народонаселения городов Руси дополняла категория холопов, то есть рабов. Как правило, это были военнопленные, представлявшие самые различные — дальних и ближних соседей Руси - народы и племена.

Летописец указывает на северогерманские племена, чьи представители под собирательным названием варяги составляли значительную часть древнерусского общества. При князе Олеге (ум. в 912 г.) произошло объединение славян, создано из разобщенных городов и племен большое государство, наметился рост русскославянской независимости и силы. При нем расширились связи с греками, а также была ограничена зависимость от хазар и народов степи. В даль-

нейшем были побеждены племена ясов и касогов (черкесов), камские болгары. При Святославе Игоревиче в сферу влияния Древней Руси попали народы и племена, входившие ранее в систему Хазарской державы, в первую очередь это тюрки и народы Северного Кавказа. При нем Русь участвовала в войнах с Болгарией (дунайские болгары). На западной границе государства происходят контакты с Франкским государством, а затем с Германской империей, Польским государством, мадьярами, чехами и так далее

Поэтому этнические контакты Древней Руси с соседями были многообразны и многоплановы. Первое Русское государство объединило в себе русские племена, создало высокий уровень централизации власти и государственного управления, заложило прочную торгово-промышленную основу для своего процветания и создания оборонного потенциала от внешней агрессии. Кроме того, были созданы объективные условия для перерастания племенного единства в государство современного типа, возникающего на основе национального объединения и национального сознания, когда племена, сознавая свое религиозное и племенное единство, свое историческое прошлое, превращались в нацию с национальным самосознанием.

Последующие события XII—XV веков приостановили этот процесс.

Необходимо отметить, что за период существования Древнерусского государства деление его по составу общества было достаточно сложно. Простое его деление на высший, средний и низкий классы является прямым упрощением. В действительности внутри каждого класса есть значительное количество составляющих. Кроме того, появляется новый класс - церковное общество, имеющее собственную иерархию лиц и должностей. В это церковное общество входили люди разного этнического происхождения. Так, например, в XI—XII веках митрополитами на Руси были в основном греки, за исключением двух лиц русского происхождения: Илларион (XI век) и Климент (XII век).

Таким образом, период российской государственности до начала XV века характеризовался колонизацией земель к востоку от линии рек Наров-Днепр, сплочением восточнославянских племен в единую общность и ростом централизации государственной власти и управления. С XII века эти процессы сменились удельной раздробленностью. К 1000 году русский народ заселил громадную территорию: от Финского залива и Ладожского озера на севере и до Нижне-

го Дуная, побережья Черного, Азовского и Каспийского морей на юге; с востока на запад — от верхнего и среднего течения Волги до границ современной Венгрии. Колонизация земель сопровождалась ожесточенной борьбой с кочевыми племенами и народами южно-русских степей. Севернее Карпат нарастал натиск окатоличившихся Венгрии и Польши. На севере было спокойно, старая граница проходила от Немана и озера Пейпус (Чудское) вдоль Наровы к Финскому заливу. В северо-восточном направлении колонизация проходила мирно, и русские двигались вперед и достигли Белого моря, Арктического океана и северных отрогов Уральских гор.

Поступательное развитие Древнерусской державы претерпело качественные изменения после периода правления великого князя Ярослава Мудрого (ум. в 1054 г.), когда российская государственность вступила в полосу удельного раздробления страны. Результаты не замедлили сказаться самым печальным образом. К XII веку исчезла Азово-Черноморская Русь с центром в Тьмутаракани. Были оставлены центры русской колонизации на Нижнем Дунае: после XIV века они больше не упоминались в летописях. Весь юго-западный угол Евразии, Карпатские горы и Молдавия попали под контроль печенегов и половцев. К 1200 году русские отошли на линию, проходящую от Молдавии к нижнему течению Оки и далее к Вятке. В 1200 году епископ Альберт основал в устье Двины город Ригу, который стал форпостом немецкой агрессии на Восток. На помощь католическим миссионерам пришли рыцарские ордена меченосцев и Тевтонский орден. Там возникают новые враги — шведы и литовцы. На востоке появляются татаромонголы. Их нападение в 1237 году поставило Русь под контроль завоевателей. Около столетия они контролировали западную часть Руси, около двух - восточную. На смену татаромонголам в Западную Русь тотчас пришли Польша и Литва. Польша захватила Галицию, а Белоруссия и большинство областей Украины стали частью Литовского государства.

Татаромонгольское вторжение территориально расчленило русский народ, что косвенно можно отнести к издержкам национальной политики Древнерусского государства. Удельная раздробленность не позволяла вести единую внешнюю и внутреннюю политику. Кроме того, были разрушены главные города, доля городского населения в общем балансе народонаселения значительно сократилась. Из пограничных со степью уделов население стало уходить

на север, в более защищенную часть страны - во Владимирский и Тверской регионы и за Волгу в район Костромы.

Политические изменения, привнесенные татаромонголами на Русь, сводились к требованию от русских князей признать себя вассалами великого хана. Для этого нужно было прибыть в ставку хана получить ярлык. Кроме того, необходимо было поставлять назначенную дань: деньги и рекрутов - каждый десятый из мужского населения, что подрывало жизненные силы народа.

В условиях татаромонгольского сюзеренитета от русских князей требовалась сбалансированная государственная и национальная политика, способствующая сохранению жизненных сил страны.

Наиболее взвешенный курс проводил князь Александр Невский. Сторонники радикальных действий, наиболее ярким представителем которых был князь Даниил Галицкий, взяли курс на вооруженное восстание против Орды. Для этого Даниил пошел на соглашение с папой римским, чтобы обеспечить себе помощь католических крестоносцев. Однако все планы Даниила были сметены вооруженной силой татаромонголов. Войска хана Берке разрушили родной город князя - Галич, а уделы Галичский и Волынский были опустошены карателями.

Александр Невский взял твердый политический курс на ханское покровительство. Его наследники следовали этой же политической линии в течение почти столетия. Александр считал, что восстание его земель будет непременно гибельным для страны и народа. Следует отнести этот курс к реализации концепции национальной политики, которая имеет современный нам смысл. Александр Невский последовательно получил от великих ханов ярлык на великое княжение в Киеве и Владимире. Князь добился отзыва ханских сборщиков налогов и переписчиков населения. Следствием его национальной политики было освобождение русской церкви и «церковного народа» от уплаты налогов и призыва на военную службу к завоевателям, а Новгороду были гарантированы автономия и право на свободную торговлю.

Поразительные успехи кочевой империи были, конечно, связаны с эффективной военной организацией татаромонгольских войск. Однако реализация идеи мировой империи, создание *пах mongolica* могли опираться только на контроль и управление гигантских пространств. Татаромонголы построили эффективное взаимодействие

имперских войск и администрации. Сами монголы представляли незначительную часть всего народонаселения империи, занимая лишь ключевые государственные и военные посты. В административной машине империи были задействованы китайские гражданские и военные чиновники. Именно они, высшие военачальники и власти Северного Китая, согласились пойти на монгольскую службу и создали эффективную монгольскую администрацию. Кроме того, на монгольскую службу перешли тысячи китайских военных инженеров и техников, которые помогли татаромонголам при осадах укрепленных мест. В этих условиях Древнерусское государство было поставлено на грань уничтожения перед материальной и технической мощью и огромными человеческими ресурсами мировой Монгольской империи.

Политика Александра Невского и его наследников оказалась наиболее правильной, поскольку позволила на основе Владимиро-Суздальского княжества создать условия для формирования народа и его централизованного государства — Московской Руси. Своим ростом Москва была обязана центральному положению в «Русской Месопотамии» — междуречье Верхней Волги и Оки, своеобразном торговом перекрестке того времени. Кроме того, после разорения Киева татаромонголами и прокатолической политики Даниила Галицкого русские митрополиты предпочли перенести свою кафедру сначала во Владимир, а затем в 1326 году в Москву.

Александр Невский в немалой степени способствовал сохранению у власти Рюриковичей в большей части Руси, хотя бы и в качестве ханских вассалов. Так, например, Китай, Персия, юго-западные уделы Руси были поставлены под прямой контроль татаромонголов, а правящие династии были там уничтожены.

Национальная политика Александра Невского дала зримые реальные результаты. Согласно татаромонгольской переписи населения Руси в 1274 году, насчитывалось 43 района, сдающих дань в объеме «тьмы». Мощь Владимирского великого княжества равнялась 15 тьмам. Нижегородское княжество соответствовало 5 тьмам. Численность населения Руси, по этим данным, составила 10 миллионов человек, из них в северо-восточной Руси проживали более 5 миллионов.

В 1368 году в результате национальной революции в Китае была свергнута монгольская династия Юань, глава которой являлся и великим монгольским ханом. Ему подчинились региональные мон-

гольские государства. Русь входила в состав такого регионального государства, так называемого улуса Джучи. Свержение династии Юань покончило с Монгольской империей, распавшейся на региональные ханства, но они уже выступали как независимые государства. Высшей власти для монголов не стало.

Эти события повлекли вмешательство в дела западной части улуса Джучи западных соседей Руси и задержали образование Московского государства примерно на сто лет. Так, в отношении Твери и Москвы постоянно вмешивались литовцы и поляки, образовавшие в 1385 году Унию, и золотоордынцы. К 1456 году Золотая Орда —

язы-
ковое понятие, означающее власть и богатство, распалась на несколько групп. Многие татарские царевицы перешли тогда на службу Московскому государству. Так возникло в 1452 году вассальное татарское государство царевицы Касима в регионе Средней Оки. Это событие сильно подняло престиж Москвы в татарском мире. Другие братья царевицы Касима - ханы Хаджи-Гирей и Махмудек- стали основателями Крымского (1449 г.) и Казанского (1449 г.) ханств.

Кроме того, в 1453 году оттоманские турки разгромили Византийскую империю, император был свергнут, а собор Святой Софии превращен в мечеть. Таким образом, и в религиозной сфере Русская церковь оказалась свободной от предыдущих обязательств, взятых константинопольским патриархом. Речь идет о соборе во Флоренции в 1439 году, который одобрил унию Римской и Греческой церкви. Штурм Константинополя турками означал, что уния отвергнута и греки вернулись в православие. Однако греческий патриарх уже лишился подлинного морального авторитета на Руси. И Русская церковь как ответвление Византийской превратилась в полусамостоятельную духовно-религиозную организацию.

Все эти события мировой и церковной политики привели великого князя Московского Ивана III Васильевича в 1480 году к необходимости сделать формальное заявление о национально-государственной независимости Московского государства.

Итогом социально-экономического, политического и этнонационального развития Древнерусского государства в период IX—XV веков было оформление в основных контурах великорусской (русской) нации. К концу XV века этнические различия в славянском элементе сглаживаются, и страна представляет собой в основной массе населения одно этническое целое с включениями незначи-

тельных этнических массивов, возникших вследствие распада улуса Джучи (точнее, его западной части — Золотой Орды). На основе московского диалекта формируется единый русский язык. Московское государство стало этнически однородным и политически прочным и могло претендовать на одно из первых мест в системе сложившихся к тому времени в Центральной и Восточной Европе межгосударственных отношений.

Таким образом, древний период российской государственности заканчивается к концу XV века образованием Великорусского государства. Великие князья московские присоединяют к своим владениям окружающие их русские удельные земли князей тверских, ростовских, ярославских, рязанских и Великого Новгорода. К этому времени в окружении Москвы находились лишь иноверные и иноплеменные соседи: шведы, немцы, литовцы и татары. Московский князь превратился из самого сильного удельного владетеля Руси в единого государя целой народности. Это означало начало новой национальной политики. Теперь великий князь должен был думать о защите целого народа от иноверных и иноземных врагов. Венцом развития русской государственности становится переход в XV веке политики государства от удельных промыслов к политике национальной.

Глава XII

Периодизация российской власти

Периодизация российской власти представляет собой уникальное явление, поскольку она не тождественна периодизации российской государственности и не может быть связана с государственной деятельностью конкретной исторической личности. По своей форме она напоминает японскую систему, в которой эпоха правления конкретного императора характеризуется определенной тенденцией развития японского социума. Эта тенденция зашифрована в символе, который в соответствии с японской письменностью имеет также вербальное выражение, определяющее как бы девиз этого правления. В докоммунистическом Китае действовала аналогичная периодизация государственной власти, однако девиз распространялся на весь период правления определенной династии.

Периодизация власти древних царств, как правило, связана с временем правления династии. Так было в Шумере, Египте, Аккаде, Вавилонии от Хаммурапи до Навуходоносора, Хеттской империи, Ассирии и так далее. То же самое верно для периодизации российской государственности с тем отличием, что вместе с приходом новой династии существенные изменения претерпевал и государственный строй. И здесь случай с Петром I не может считаться исключением, поскольку им совершен государственный переворот с устраниением царицы Софьи от власти.

Этапы российской власти связаны с приходом к власти конкретного клана. Так было в районе между Верхней Волгой и Окой в 700 - 800 годах, когда зафиксированы первые контакты варягов и вятичей и строительство здесь первых городов: Суздаля, Мурома и других. Более определенно можно говорить о клановой основе российской власти в период древнекиевской государственности, когда власть находилась в руках норманнской дружины. Этот период длительностью 150 лет завершается переходом власти к Владимиру Свя-

тому и его сыновьям, которые полностью порвали с норманнскими традициями и стали местной славянорусской элитой. В дальнейшем власть остается в Доме Рюриковичей, несмотря на последовавший вскоре период удельной раздробленности Руси, когда она стала, по сути, конфедеративным государством. Для периодизации власти период татаромонгольского сюзеренитета не диктует каких-то дополнительных условий, поскольку власть остается у потомков Рюрика. Этот период составил 300 лет. С наступлением XIV века происходит изменение режима власти, которая прочно переходит к потомкам младшего сына Александра Невского и связывается с укреплением Москвы как центра собирания русских земель в едином государстве. Здесь уже другая картина: местная элита разными способами и средствами добивается верховной власти в стране и начинается период Московского (Великорусского) государства. Власть этой элиты длится 300 лет, заканчивается Смутным временем и началом эпохи другой элиты - династии Романовых. Как правление потомков Даниила происходило на основе союза древнерусской народности с вятичами, имевшими очень древнюю историю, восходящую к древнеримским временам, так и династия Романовых при начале своего властвования имела на себе отпечаток иноземного влияния, которое многие историки отмечали после десятилетий польского плена у отца первого царя из династии Романовых Михаила. Этот Филарет был одновременно и патриархом, и царем, то есть при воцарении Романовых создался режим соцарствия отца и сына. Власть Романовых также длилась 300 лет.

Достаточно медленные социальные процессы определяли длительность периодов власти этих этнонациональных и местных элит, которые имели возможность доступа к рулю российской государственности. Так, начиная с образования российской государственности в середине IX века периоды власти викингов, Рюриковичей, младшей ветви Александра Невского и Романовых составили соответственно 150, 300, 300 и 300 лет.

Незрелость капитализма в России, которая оказалась препятствием в консолидации на основе «третьего сословия», как это было в западной части Европы, народа в нацию, создала ряд специфических условий в формировании новых элит в России, имевших претензии на государственную власть. Одной из таких элит оказалась руководящая верхушка рабочего движения. Ее название как партии,

как РСДРП, отмечено влиянием западноевропейских традиций. Так, к началу XX века численность аграрного и промышленного пролетариата составляла менее одного процента населения империи, а сама эта партия имела в своих рядах не более 3000 членов. Таким образом, даже по современной демократической разнарядке партий, спущенной сверху и закрепленной в легитимированных нормах, РСДРП не может быть названа партией. Однако РСДРП, а также ее руководящая группа была, несомненно, элитой общества, которая держала и предержавшую власть, и общество в постоянном ожидании своих свершений. В отсутствие консолидирующих общество тенденций само общество было раздроблено на различные сословия, социальные группы, классы, между которыми не было заметного сотрудничества. Поэтому каждая такая часть общества создавала общественную политическую организацию для выражения ее интересов и целей, а также формировала собственные элиты. Наиболее массовая партия - эсеры — насчитывала в 1917 году миллион членов, большевики - 350 тысяч, меньшевики — 200 тысяч, кадеты — 50 тысяч. Из национальных партий: украинские эсеры (УПСР) - 75 тысяч, эстонские эсеры и белорусские социалисты-громадисты - по 5 тысяч. Из национальных социал-демократов: грузинские меньшевики - 70 тысяч, украинская рабочая партия — 40 тысяч, Бунд — 30 тысяч, армянские эсдеки — 15 тысяч, эстонские эсдеки - 2 тысячи, остальные «партии» (всего 35 — 40) насчитывали менее 900 членов каждая, причем лишь 10 из них претендовали на название «российская партия», и только три, самые массовые, были выразителями общероссийских настроений. Подобный раздрай политического истеблишмента сохраняется до сих пор. Попытка власти квотировать представительство партий через введение количественного партийного ценза является отражением общего курса революции сверху и вряд ли может привести к появлению какой-то политической ответственности на местах. Для великого дела необходимо великое чувство, которого нет у функционеров в Центре и на местах, но оно есть у народа и местных элит. Выступление и призыв Верховного муфтия Таджуддина к джихаду против Америки вразрез с внешнеполитическим курсом Кремля показывает, что сегодня местные элиты также сильны, как и накануне развала СССР, когда они взяли власть в свои руки в бывших союзных республиках СССР. Современная общероссийская политическая партия способна вы-

полнить ожидаемую от нее Кремлем миссию лишь в условиях стабильного государства, ключом к которому являются сильная центральная власть и ограничение региональных властных диктатур. Упор Кремля на юридические средства обуздания этнорегиональных элит представляет собой сомнительное средство. Центральная власть расписалась в своей бессилии обуздать буквой закона незаконные властные амбиции элит, когда вынуждена была продлить срок полномочий Шаймиева и некоторых других этнолидеров.

Подобные тенденции наблюдались и после свержения Романовых. По спискам в Учредительное собрание, блестящих успехов достигли националистические партии, а по сути дела, местные региональные элиты. Так, Армянский революционный союз (Дашнакцутюн) набрал 560 тысяч голосов, чуть ли не треть населения региона, украинские эсеры — 3,5 миллиона голосов, эстонские эсеры — 18 тысяч. Им смогли составить конкуренцию лишь те общероссийские партии, которые выражали интересы многочисленных социальных групп — крестьянства и пролетариата: эсеры и рабочая социал-демократическая. В условиях раздробленности общества по партикулярным интересам только они могли обеспечить целостность государства, поскольку национальные партии еще более усугубляли процесс раздробления единой России, оставаясь на поводу чувств простого населения окраин и конкретных интересов этноэлит.

Ту же картину мы наблюдаем сегодня, спустя 85 лет. Власть не имеет общефедеральной платформы консолидации общества на основе крепкого государства, а население по-прежнему находится в анархическом состоянии духа либо в националистических миражах. Оба состояния народного духа на руку местническим элитам, которые будут обязательно блокироваться в целях ослабления Центра и приобретения на этом пути для себя политических привилегий, имея в виду приобретение еще большей материальной, личной и клановой выгоды. Насильственное создание сверху общефедеральных партий на современном этапе ведет к созданию действенных инструментов влияния на власть этнорегиональными элитами, непременно подверстающими эти партии под собственные интересы. При отсутствии социальной активности широких масс, насаждении сверху партий, а не самородных харизматических лидеров процесс создания самодостаточной политической системы в России не просто обречен на провал и забвение, но носит злока-

чественный характер в виде олигархического орудия, направленного против народа.

Нельзя не заметить в новом законе о партиях реминисценции выборного процесса в Учредительное собрание. Запрет на создание партий по религиозному, классово-сословному и национальному признаку еще более ограничивает политическую активность масс, передавая политическую инициативу в руки олигархической элиты. Если Кремль пытается таким образом создать общегосударственный консенсус с наиболее активной частью общества, то своими руками строит новый феодализм. Наверное, нет необходимости вставать сегодня на тот путь, который исторически себя дискредитировал и последствия которого сегодня известны.

Общепартийное представительство на основе общенациональных партий - процесс длительный. Хорошо он может пойти только при лидирующей политической роли Центра в настроениях общества. В противном случае региональная фронда осуществит свою полупеодальную диктатуру регионов, где центральная власть будет попеременно передаваться региональным элитам «по кругу». Разумеется, все это будет легитимно в рамках существующего закона о партиях.

Наверное, не следует бояться ситуации выборов в Учредительное собрание в 1917 году, когда выборы выиграла партия национальных и профессиональных интересов. Особенно ввиду политической недоразвитости национальной буржуазии, отличающейся от ее прародителя образца 1917 года тем, что власть предрежащая передала ей в управление крупный капитал и собственность всего общества. Однако ее неспособность создать оригинальные сценарии развития отечественной экономики и выдача собственных шкурных интересов за национальные убеждает в ее политической инфантильности. Делать политическую ставку на крупный капитал как центр сплочения нации и общества означает делать политическую ошибку в условиях крайней мозаичности политических взглядов и интересов всего общества. Таким образом, Россия не попадает в *mainstream* глобализма. Надо отдавать себе в этом отчет.

Именно эта мозаичность ведет к формированию концерта местно-региональных элит, дирижером которого вряд ли могут быть руководящие выдвигенцы крупного капитала. Возможный политический альянс основан здесь на дележе барышей, которые идут мимо народной кормушки.

Толкание центральной властью крупного капитала в дирижеры политического процесса в России без должной политической активизации избирательной массы приведет к созданию потемкинских деревень в политической структуре общества, где чиновники и платные выдвиженцы будут изображать политическую деятельность на фоне действительного политического вакуума. Боязнь режиссирования ситуации выборов 1917 года, когда одна из победивших партий смогла создать на 74 года свою диктатуру посредством видимого запрета национальных и сословных партий, достаточно лицемерна.

При современном режиме политической власти его длительность будет много меньше длительности советского режима, составившего чуть менее трех четвертей столетия. При ошибочных решениях в выборе преобладающей политической тенденции власть столкнется с валом сопутствующих проблем. Информационный глобализм СМИ только усилит их. Понятно, что любой политический механизм может двигаться лишь в двух направлениях: снизу вверх и сверху вниз. Продолжающиеся более восемнадцать лет современные реформы сверху без чуткого отслеживания реакции снизу способны снести весь остов государства. Подчас обе тенденции действуют одновременно, тогда следует искать выход в самостоятельности самого общества и ограничить воздействие на него института центральной власти. Цели последней следует переориентировать на обуздание сепаратизма регионов. Забвение этого факта приведет действительность России к ситуации XVI века, когда царь вел борьбу с шестью крупными боярскими элитными родами за целостность государства. Неслучайно Иван Грозный апеллирует к низам своим отъездом из Москвы в Александровскую слободу, прибегнув к этому как к способу реальной изоляции сепаратистских боярских родов, которые препятствовали усилению государства. Это был способ инициирования политической активности масс.

Следующий, кто попытался опереться на самоактивность масс, был Ленин. Другие реформаторы навязывали себя сверху. Характерно высказывание Льва Толстого об одном из них, о Петре I: «...великий мерзавец, был осатанелый зверь. Забыть про это, а не памятники ставить».

Характерно, что когда политический механизм идет снизу вверх, то путь огромных жертв не вызывает осуждения народа, поскольку он - его свободный выбор. Нет нужды приводить здесь имена зас-

тупников народной свободы в истории России, они хорошо известны. Не следует забывать, что верхи понимали важность задачи создания третьего сословия как фактора устойчивости развития Петровских реформ. Канцлер М. И. Воронцов подготовил в конце XVIII века на имя Екатерины II меморандум о пользе для государства третьего чина (третьего сословия): «Это душа общества, он политическому корпусу есть что желудок человеческий... Всякая держава, в коей не хватает третьего чина, есть несовершенна, сколько бы она ни сильна была». Советская власть также понимала важность этих тенденций. При Сталине и Брежневе был создан советский средний класс, руины которого представляют нынешние работники с высшим образованием и военный и гражданский персонал Вооруженных сил. При Екатерине II проект заглох, даже не начав реализовываться. Нынешние властители России делают упор на крупный капитал и его олигархическую элиту. Если ничего не получится, то страна встанет перед альтернативной снизу со стороны поборников народной свободы. Необходимо уйти от позиций российских императоров как дворянских лидеров, которые были против какого бы то ни было привлечения народа к преобразованиям из-за боязни, что «он пойдет не туда куда следует». В этом ошибка властей предрержащих, когда они считают, что надо «освободить сверху, пока не освободили снизу». Последние слова были сказаны Александром II в 1858 году накануне его крупных государственных и правовых реформ. Однако двойственность их смысла определила половинчатость этих реформ, которые без импульса поддержки народа застопорились, так и не решив проблем общества. Их пришлось решать уже в ходе революции 1905—1907 годов. Так, уже в романовский период российской государственности наблюдается периодичность появлений и смен правительственного лица, когда жизнь народа определялась на последующие несколько поколений: Сперанский, Шувалов, Лорис-Меликов и другие. Однако выбор императоров падал на представителей правящего процента, то есть 4 — 5 тысяч человек из числа главных людей страны. Числа ничтожного, но за каждым сила, влияние, связи, люди, деньги. Николай Михайлович Карамзин так отреагировал в поданном царю документе по поводу реформ сверху: «Одна из главных причин неудовольствия россиян на нынешнее правительство есть излишняя любовь его к государственным преобразованиям, которые потрясают основу империи и

коих благотворность остается доселе сомнительной... Государь! История не упрекнет тебя злом, которое прежде тебя существовало, но ты будешь ответственность Богу, совести и потомству за всякое вредное следствие твоих собственных уставов».

Именно неразвитость общественно-политической жизни страны вызывает к жизни государственное творчество сверху, поскольку бюрократы полагают, что сверху виднее. Сегодня власть и олигархи стоят точно на такой же точке зрения, игнорируя все более растущую пропасть отчуждения между ними и иными социальными группами. Политическая целесообразность сегодня состоит в создании на ее месте среднего класса, а не псевдопартий федерального масштаба. Можно говорить уже о политической болезни всех чехом реформаторов сверху во все российские времена, как страшно далеки они от народа (А. Герцен)! Если итоги реформ народ не понимает, то начинается борьба околоставных придворных партий и региональных группировок, конец которой может положить только властная контрреволюция Центра.

Периодизация полномочий властных элит наблюдалась и во время имперского правления приблизительно каждые 20 — 30 лет, начиная с Екатерины I, и продолжалась вплоть до первой русской революции. Однако легитимная императорская власть подавляла все нежелательные продолжения внутренней политики. Как иронизировал М. Е. Салтыков-Щедрин: «Когда раздается клич, из нор выползают те Ивановы, которые нужны. Те же, которые в сей момент не нужны, сидят в норах и трясутся».

Нынешние реформаторы боятся загиба влево и более озабочены теми обстоятельствами, что отслеживают не сам ход реформ, но их левые последствия. Но, как писал один правительственный архивист в начале прошлого века по поводу меморандумов с мест о ходе реформ: «Ни один министр или дворцовый интриган не интересовался голосом человека с мест».

В России народ всегда ориентирован на самую верхушку государственной власти. В Московском государстве — на царя, в империи — на императора, при советской власти — на генсека, сейчас - на президента. Однако Горбачеву не удалось сыграть на этих чувствах. Его пребывание в должности президента было коротким, чему способствовала и хватка и интуиция Ельцина, решившего прекратить этот политический эксперимент. Надо сказать, что и Ельцин не злоупот-

реблял этим чувством народа, поскольку предпочитал играть на поле всего спектра наличных политических сил, успешно организуя политическими и иными несиловыми средствами их баланс и их равнодействие в свою пользу. Популизм Ельцина был относителен, что, однако, привело к развитию региональных политических сил, обуздание которых он оставил на политическую совесть В. Путина.

Поскольку В. Путин не имеет политического тренинга, который прошел Ельцин, он должен апеллировать к массам и вызывать активность их политической самостоятельности, чтобы сделать афронт этнорегиональным олигархам. Вместе с тем развертывание этой самостоятельности через ускоренное создание общенациональных политических партий ведет в условиях апатии населения к обратному эффекту: центральный аппарат бюрократии и региональная олигархическая элита получают в свои руки совершенную форму политического воздействия на общество в своих узкокорыстных целях. В результате правом на монополию власти воспользуются не народ или его законные представители, а выдвиненцы бюрократического болота. Как говорил историк древнегреческой олигархии Фукидид: «Кто слабее мыслью, тот и берет верх: сознавая проницательность своих противников, они боялись, что отстанут, а потому приступали к делу решительно». Итак, кто много будет думать и умствовать с олигархами, тот погибнет политически. Фукидид учит, что в общении с олигархами необходима сила, вовсе не обязательно всегда правовая, но всегда — угроза насилием ради действительного саморазвития общества. Народ исторически ориентирован на царя в надеждах на реализацию своих свобод и прав против правящего слоя и его бюрократии. В широких массах населения исторически накоплен потенциал идиосинкразии и нетерпимости к госаппарату вообще и коррумпированной бюрократии в частности. Узкоэгоистический консерватизм известен своими нравами. Он нарастает в периоды реформ, когда из осколков общественного здания бюрократия и приближенные интриганы составляют немалые состояния. Сама бюрократия заинтересована в наиболее длительных периодах такого «государства — реформации», когда реформы перманентно без видимого конца делятся десятилетиями, как правило, 10 — 20 лет, то есть одно поколение реформаторов. Затем наступает очередь другой волны реформаторов, и так до бесконечности. Особые условия современного этапа, сохраняющие все политические черты поли-

тического режима, установившегося в России в результате событий 21 сентября - 4 октября 1993 года, будут сохранены даже при общем изменении метаполитической модальности. В этом случае следует ожидать прихода на смену либералам антидемократов, и наоборот. Таков ход политического маятника на нынешней социально-политической платформе. Новая смена принесет новую инфраструктуру режима, не меняя доминирующую политическую модальность времени. Балансирование власти на острие пересечения интересов групп региональной финансово-политической олигархии будет раскачивать корабль государственности ввиду утраты религиозно-патерналистского взаимодействия народа и власти, если центральная власть не приложит усилий к росту своего авторитета и силы воздействия на все без исключения части общества, особенно олигархические. Смена олигархических режимов власти при слабости Центра приведет к раскачиванию революционно-центробежных тенденций в регионах.

Панацеей от влияния всех дестабилизирующих факторов реформенного и пореформенного времени в России всегда была сильная вертикаль государственной власти в своей наиболее совершенной форме: унитарное государство. Сильный Центр — это гарантия от распада России и успех проведения всех реформ: и снизу вверх и сверху вниз.

На этой основе обеспечение политической самостоятельности масс будет гарантией от крайних положений политического маятника истории: левого и правого радикализма. В этом многомерном пространстве факторов — целевых интересов — устанавливается периодизация российской власти как время жизни интересов той группы, которая пришла к власти. Ограниченность этих интересов всегда ведет к развалу государства. Сегодня для России такая проблема идеальной демократии находится в отдаленной перспективе. Сейчас на повестке дня укрепление целостности государства наиболее эффективными средствами, поскольку слабый Центр обеспечивает разгул политической групповщины и, как следствие, распад России в ближайшие 10-15 лет.

Г. В. Плеханов писал, что «люди делают свою историю не затем, чтобы шествовать по заранее начертанному пути прогресса, и не потому, чтобы повиноваться законам какой-то социальной эволюции. Они делают ее, стремясь удовлетворить свои нужды».

Заключение. Выводы

В качестве гарантий от распада России государственная власть страны должна руководствоваться ясной, понятной и лаконичной программой действий.

Отсутствие крупного геополитического проекта могло бы стать внешним фактором распада России. Идея союза с Китаем и Индией не получает развития. Ставка на альянс с Ближним Востоком после иракской войны исчезла. Единственный сейчас мировой проект для России - вступление в Европейский Союз.

В качестве главных идей следует назвать следующие:

учет мотивов распада СССР — борьба с несменяемостью государственных кадров, преодоление идиосинкразии к национальному вопросу, ограничение политических амбиций региональных и олигархических структур; борьба с центробежными тенденциями;

выработка мировоззрения для апологии единственного центра власти в России как силы консолидации территорий и общества; федеральные округа — путь к распаду;

армия - строитель российской государственности;

дружба народов России — частная нравственная проблема, а не прагматический вопрос для государства;

глобализм — развитие значимых для мирового рынка отраслей; борьба с ростом этнорегиональной бюрократии, движение кадров из регионов в Центр и наоборот;

усиление Центра и обуздание этнорегиональных элит; распад России без укрепления лидирующей роли Центра составит 10-15 лет;

периодизация российской власти - на смену либералам придут антидемократы и наоборот;

периодизация российской власти связана с интересами и силой пришедшей во власть политической группы.

Общий вывод: унитарность для России и вступление в Евросоюз.